

1988

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ბ. ჯგერა
დუხაძე ვახტანგის
ბიძის წყალობით

მ. ხბინაძე
დ. ლომიძე

СМ 1959-80
3032010033

1988

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- НОДАР ЦУЛЕЙСКИРИ. Деяния и мученичество Або и Иоанна. Исторический роман. Продолжение. Перевод Динары Кондах-сазовой 3
- ХУТА ГАГУА. Сад наслаждений. Мистерия. Перевод Сергея Борисова 53
- БОРИС КОКРАШВИЛИ. Рассказы 71
- Ю. МО. Размышление над неверным шагом. Из книги «Прекрасная пришла» 77
- ИОНА ВАКЕЛИ. Стихи. Перевод Нины Локшиной 83
- ЛАТИФШАХ БАРАТАШВИЛИ, КЛАРА БАРАТАШВИЛИ. Мы — месхи 85

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ТЕНГИЗ ЧХАИДЗЕ. В зеркале жизни 133
- МАНАНА ГИГИНЕИШВИЛИ. Святая святых 148

ПУБЛИЦИСТИКА

- ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Без права на ошибку. Перевод Роберта Златкина 154

8

ГАРРИ КУНЦЕВ. «Там, где вечный дух
идальго...» (Из дорожного дневника кинема-
тографиста) 187

КУРЬЕЗЫ, КУРЬЕЗЫ

Мы недоумеваем 222

ХРОНИКА 224

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ 76

1988

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

НОДАЯ ПАТЕНСИЯ. Девять и южная
ХУТА ТАУА. Сад исповедный
БОТНО КОРПАШИВИ. Разомы
Ю. МО. Размышление над верным истол
НОВА ВАКЕЛИ. Стихи
КАТЯФОНАХ БАРАТАШИВИ. КАРА БА

КРИТИКА И ИНТЕРВЬЮ

ТЕНИС РАКАДЕ. В начале жизни
МАНАНА ТИНИШИВИ. Связь светлых

8

Деяния и мученичество Або и Иоанна

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Сейчас, в этой страшной темнице, предстало его глазам истерзанное тело Господа, и он вновь подумал о том, о чем думал в тот пасхальный день во дворе Светицховели: «Умереть! Только умереть я могу подобно Ему!».

Подобно Ему взвалил он на себя крест и шел с ним тернистым путем, ведущим к Голгофе.

— Этот юноша мусульманин, — удивлялись арабы, — зачем он взвалил на себя Христов крест!

За ним шла огромная толпа, кто посылал ему вслед проклятия, кто стегал прутьями, кто плевал ему в лицо.

Або было трудно нести крест. В идущей за ним толпе был некто Киринаец по имени Симона. Пожаловался ему юноша, нет сил, мол, боле тащить этот крест. Так стража наказала того Киринаецина, заставила до самой Голгофы тащить крест на себе. И вот открылось лобное место — вершина Голгофы с водруженным на ней крестом. Або подали уксус, смешанный с желчью, испил юноша яд, и на голову ему возложили тернистый венец. Сорвали затем с него одежды и распяли его на кресте. По левую и по правую сторону от него распяли на кресте разбойников, вместе с ними, убийцами и ворами, принял он муки.

Но Або никак не мог связать воедино две эти казни. Там принимал муки Господь, здесь терзали его слугу. Над головой Або никто не вывел бы надпись «Сей есть Иисус, Царь Иудейский», да и фарисеям не уда-

лось бы посмеяться на ним: «Спаси же себя самого, если Ты Сын Божий».

Або взяли темной ночью, наверное, хотели тайно пытаться, и уготовили ему собачью смерть. Даже о Голгофе ему оставалось только мечтать. Именно сейчас, как никогда, нуждался он в учителе, способном наставить его и укрепить в вере, дабы сумел он донести свой тяжкий крест, дабы предстать безгрешным перед ликом Господним.

Теперь уже Иисус для Або был не просто героем, которому хотелось подражать, а властелином, а сам он был обладателем божественной тайны, христианином.

— Учитель, учитель! — взывал из темницы к Иоанну юноша, простирая руки, звал его до хрипоты в голосе, но лишь могильная тишина отзывалась ему.

...Долго стоял отец Иоанн в молчании, свесив голову, наконец взял под уздцы своего неразлучного белого мула, повесил на него хурджин и направился в школу святой Марии. Там его ждали ученики. Изумились они, увидев учителя с хурджином да мулом. Разве что евангелие или требник видели они у него в руках.

— Отроки, где наставлял своих учеников наш владыка? — спросил детей Иоанн и сам же ответил: — Всюду, по горам и долинам, у него ведь еще не было церквей. Владыка наш вещал то у речного берега, то на вершине горы, то в долине. Да уподобимся и мы ему.

И повел отец Иоанн своих учеников в сторону рабада¹. Дети были рады таким урокам. Разве пение псалмов в поле может сравниться с церковными уроками?

Отец Иоанн сказал им — пойте в дороге псалмы, истинный верующий всегда должен их повторять. Они вышли за городскую ограду и пошли по аллее смоковниц, что над берегом Цавкисели. Речка весело журчала в глубоком ущелье, лаская валуны. Отец Иоанн, ведя на поводу мула, шел вдоль ущелья. Вот перед ними открылось горящее красным цветом маковое поле. В самую глубину сердца запало оно Або, запомнилось отчетливее всего. Издали казалось, что по нему разлилась кровь, так ярко пылали на солнце цветы. А стоило

¹ Рабад — (араб.) окраинный район города.

подуть ветру, оно напоминало озеро, сверкающее кровавой гладью.

Так по весне всегда окропляются кровавым цветом грузинские поля, ослепительные на изумрудном фоне неба. Ворвались красные маки в темницу Або и озарили багрянцем окрестную темь — и смоковничную аллею, и гору Табори, и оставшийся позади город. Тогда все было изумрудным, лишь маковое поле пылало, теперь же весь город и его окрестности атели, как пасхальное яйцо, и в этом алом пространстве шли Иоанн с учениками, дабы приобщиться к божественной истине. Именно здесь, на маковом поле остановился Иоанн и сел на большой валун у берега Цавкисели, в кругу учеников.

— Так начнем. Предыдущий урок мы посвятили символу веры, — отец Иоанн искал глазами Або. Або выступил вперед, воздел глаза к небу, осенил себя крестом.

— Верую в единого Господа Бога, создателя Неба и Земли, — произнес Або.

— Что есть «единый Бог»? — остановил его Иоанн. — Если ты веруешь в единого Бога, значит богов много, следовательно, ближний твой может веровать в иного Господа?

— Нет, — твердо отвечал Або, — Бог един, но в трех лицах.

— Правильно, молодец, Або. Так давайте споем все вместе, как пели мы в церкви. Микаэл, Григол, начинайте.

Ребята не решались петь под открытым небом, Иоанн начал сам, ученики подхватили псалом, и чистые юные голоса полились над маковым полем. И птицы вслед за ними щебетом наполнили воздух.

— Ну, а теперь скажите мне, что есть триединство, — спросил Иоанн, когда они закончили пение. — Кто есть первое лицо?

— Бог Отец, — отвечали отроки.

— Второе?

— Бог Сын.

— Третье?

— Святой Дух.

— Верно. Вот потому и говорят, что Господь един в трех лицах. А еще как его именуют?

— Пресвятой Троицей.

— Как вы понимаете единство Троицы?

Ребята в недоумении переглянулись, казалось, они уже ответили на все вопросы.

— Григол, как по-твоему? Только хорошо подумай.

Григол заслонился ладонью от солнца и взглянул на небо.

— Солнце ведь едино?

— Да, солнце одно.

— Но от солнца истекают свет и тепло. Живительное солнце, которое мы можем лицезреть, есть триединство: света, тепла и себя самого. Так и Господь, от которого произошли Бог Сын — тепло его сердца, и Святой Дух — свет его разума. Но все три едины.

— Верно. Теперь же повторим молитву Святой Троицы, — и, поставив рядом с собой Григола, запел «Боже правый...»

На усеянном красными маками поле появилась облаченная в черное одеяние женщина. Посреди поля стояло одинокое дерево, похожее на большой зеленый зонт. Женщина остановилась под ним, сняла с плеча веревку, связала петлю, затем притащила валяющийся неподалеку пень, встала на него, перекинула веревку через сук, всунула в петлю голову и отбросила ногами пень в сторону. Пень откатился, женщина повисла на петле, но веревка оборвалась и женщина упала.

Когда женщина накидывала на шею петлю, Микаэл, увидевший это, вскричал: — Господи, помилуй!

Все устремили взоры туда, куда смотрел Микаэл. В это время веревка оборвалась, и женщина упала. Отец Иоанн бросился к ней, ученики последовали за ним.

Або хорошо помнит ее глаза.

Они подбежали к ней. Женщина, стоя на коленях, старательно связывала новую петлю, сверкая белками глаз. Юноши, не решаясь посмотреть ей в глаза, виновато потупились. Иоанн поднял ее и ласково сказал:

— Брось веревку, несчастная.

Женщина вдруг истерически разрыдалась, вырвалась из рук Иоанна, побежала прочь и упала в траву неподалеку.

— Жизнь дарует нам Господь, какое у тебя право распоряжаться ею, к чему ты торопишь смерть, — молвил Иоанн, приблизившись к ней. Женщина тотчас

вскочила и побежала прочь. Полы черного длинного платья путались у нее под ногами, тяжелая коса, болтаясь из стороны в сторону, плетью стегала ее по спине.

Иоанн бросился за ней следом. Ребята тоже. Женщина стремительно, словно рысь, пересекла маковое поле и побежала по тропинке, вдоль кленового перелезка. Наконец она влетела в хижину и с грохотом захлопнула дверь. Отец Иоанн остановился, не решаясь переступить за порог, и отер пот с лица.

— Кто знает, какое у нее горе, — печально произнес он.

Неожиданно дверь распахнулась и на пороге показался голый мальчуган с распухшим, словно перезревший огурец, животом.

Иоанн с учениками бросились к нему, но из хижины донеслись горькие женские рыдания, и они вновь остановились, переглянувшись в растерянности.

Иоанн заглянул в приоткрытую дверь хижины, затем осторожно переступил порог. Або, Григол и Микаэл последовали за ним, остальные стали в дверях.

Посреди хижины горел огонь, на огне стоял большой котел, в котором булькая кипела вода. Вокруг очага на бревнах сидели дети и грелись. Рубахи не было ни на одном. В углу на деревянной лавке лежало тело мертвого ребенка, покрытое белым саваном. Женщина тихо причитала над ним. Иоанн остановился в ошеломлении.

Он взглядом пересчитал ребят — семеро. Старшему было на вид лет десять-двенадцать, младшему около трех. Они склонили головы друг другу на плечи и, казалось, дремали. Лишь у того, кто открыл непрошеным гостям дверь, светились глаза.

— Голод, — тихо сказал Иоанн своим ученикам. — Голод и горе владеют Картли.

Иоанн осенил крестом мать и тело ее мертвого ребенка, затем воздел крест над головой и стал читать молитву. Женщина зарыдала громче.

Иоанн посчитал это добрым знамением.

— А я думал, ты сатана, — прошептал он, положив руку женщине на плечо.

— И правильно думали, святой отец! — вскричала она. — Не будь я сатанинской породы, не вынести бы мне столько страданий. Потому и не испустила по сей день дух, что родилась в черный день и под черной

звездой... Пусть будут прокляты и тот день, и та звезда, и тот час... Почему мать твоя не отправится на тот свет, чего ждет она, несчастная! — причитала она над телом своего ребенка.

— Довольно, успокойся, не надо, — утешал ее Иоанн.

— Пусть враг ваш всю жизнь будет спокоен так, как спокойна ныне я, — вновь запричитала женщина, ударяя себя по коленям. — Вот уж целый месяц, как мы едим одну лишь траву, господин мой, словно скоты. Говорила им, не ешьте без меня, не всякая травинка в еду годится, скотина и та выбирает, не все подряд перемальвает. Не послушали меня, господин мой. А что мне было делать, не разорваться же было на восемь частей, чтобы углядеть за восемью голодными ребятишками. Кто знает, откуда напала на него эта беда, поначалу кровью выходить стал, а потом вот и помер, господин ты мой хороший! — Женщину душили рыдания. — Наверное, съел ядовитую траву. — Она провела рукой по телу ребенка и прильнула к нему. Потом встала, утерла шалью глаза, подошла к Иоанну и так, чтобы дети не слышали ее, прошептала:

— Они уже третий день так сидят, — женщина исподтишка глянула на детей. — Ждут, когда камни сварятся. Горе их несчастной матери! Ох, горе! — Женщина стала царапать себе щеки. — В котле варятся камни, вот такие камни, — женщина сложила обе руки в кулак, — вот такие речные камни!

Иоанн в растерянности обвел взглядом учеников.

— Да, мой господин, в котле варятся камни, — прошептала, смеясь, женщина, в глазах ее зажглись яркие искорки, словно и вправду была она одной крови с сатаной. — Они думают, что это мясо.

— Камни? — поразился Иоанн.

— Что же мне делать? Все, что было в доме, забрали в счет оброка, мужа на войне убили. Хранилась в яме у нас крупа, и ту рассыпали по крупинке. Один ребенок уже мертв, и остальные помирают с голоду. Христиане, помогите, скажите, как мне быть, куда податься?

Стоило женщине сказать о том, что в котле варятся камни, как все тотчас окружили сидящих вокруг очага обессиленных голодом детей. На дворе светило жаркое

солнце, но они не отходили от огня. Щеки у них пылали. В ожидании мяса они покорно склонили головы, пребывая в сомнамбулическом состоянии между сном и явным. Хижина была полна дымом. Казалось, что на бревнах разбросаны вздутые, распухшие животы и маленькие, тощие ручки и ножки.

Нависло гробовое молчание.

— Ну что, господин мой хороший, разве есть выход из моего положения? — в отчаянье спросила женщина, пододвинула Иоанну пень и сама села на другой, рядом.

— Но то, что собирались сделать вы, не выход. Кому вы оставляли этих птенцов? — упрекнул ее Иоанн.

— Господу, — лицо женщины осветилось надеждой. — Да, Господу. Что вас удивляет? Наверное, на мне много грехов, раз Господь столь жестоко карает меня и моих детей. Вот и решила я покончить с собой. И оставить этих ангелов на попечение Всевышнего. Тогда он, наверное, смилостивится над ними. Сейчас у них есть я. Пусть, мол, мать о них думает. А не станет меня, неужели Господь отвернется от сирот, не подаст им куска хлеба! А может, исполнил Господь мою молитву, — женщина неожиданно вскочила и стала внимательно вглядываться в глаза Иоанну и его ученикам, — может, это сам Господь и послал вас ко мне? Именно тогда, когда я уже висела в петле, Господь узрел меня с высоты и смилостивился надо мной. Ведь это так, да?

Женщина перекрестилась и стала молиться. Иоанн встал и вышел вон. Ученики последовали за ним.

— Поди, принеси тот хурджин, что мы оставили в поле, — сказал Иоанн Микаэлу. — И осла с собой приведи.

Микаэл стремглав помчался исполнять поручение. Оказывается, Иоанн взял с собой лепешки, предназначенные его ученикам. Когда Микаэл принес хурджин и Иоанн выложил лепешки на стол, женщина воскликнула:

— Я же сказала, что сам Господь послал мне вас! Ведь не решишь я покончить с собой, вы никогда бы не переступили моего порога, — женщина бросилась Иоанну в ноги, затем вскочила и принялась осыпать поцелуями руки Микаэлу. Дрожащими руками разломила

она хлеб на ломтики и поднесла каждому ребенку. Остальное бережно спрятала.

Молча приняли дети хлеб из рук матери. Молча, неохотно стали есть. Им не верилось, что это и вправду хлеб, думали, что их обманывают.

Но постепенно глаза их прояснились, оживали, и скоро радостный гвалт огласил хижину.

Иоанн решил оставить матери двоих ребят, остальных взял с собой. Он определит их в богадельню у Сиони, которой покровительствует эристави Нерсе. Правда, там не было детей, богадельня предназначалась не для них. Но Иоанн сам бы попечительствовал над ними, и поил, и кормил, и уму-разуму обучал.

Словно из глубокой пропасти наблюдал Або за своим наставником. Разговаривал с ним, спрашивал о чем-то. Тот же не видел его. Не отвечал. Но не словами, а деяниями своими наставили Або его духовные пастыри. И во имя утверждения добра их ученик должен был быть твердым и выносливым.

Або чувствовал — если сейчас откроется дверь, он не сможет устоять на ногах. Казалось, он умирает. Он не знал, сколько дней уже томится в этом склепе, день ли на дворе или ночь и сколько времени он был в обмороке. Потом вновь затеплился в сознании огонек, и он услышал удары своего сердца. Обессиленный, прильнул он лбом к холодной стене, и именно в этот момент свершилось чудо — подобно раскату грома, лязгнув засов, отворилась железная дверь, Або потерял равновесие и упал — то ли на каменный пол, то ли на железную плиту.

Что было потом, он не помнит.

Пришел в сознание, когда стражники куда-то потащили его. Або еле волочил ноги.

Наконец втолкнули в большой светлый зал. «С тобой хочет говорить шуртадмтавар Хаджидж Ибн-аль-Бабак», — предупредили его.

Або и не думал, что выберется когда-нибудь из того омерзительного склепа. Дверь открылась именно в тот миг, когда он вовсе лишился сил, и теперь ему было совершенно все равно, кто и о чем станет его спрашивать. Он будет говорить правду, только правду! И пусть его осудят за это!

Або никогда не видел Хаджиджа Ибн-аль-Бабака.

Думал, что предстанет пред ним разъяренный зверь и вцепится ему в горло. Какие только истории, одну страшнее другой, не доводилось ему слышать об этом человеке.

Но, увидев его воочию, успокоился, шуртадмтавар не показался ему свирепым чудовищем, почудилось даже, что глаза его светились добром, и Або захотелось быть искренним с этим «кровопийцей», он расскажет ему все без утайки и убедит в своей правоте. Потом он устыдился собственной наивности и даже усмехнулся, но улыбка тотчас слетела с его уст, и он осторожно поднял глаза на шуртадмтавара, по обе стороны которого стояли, как высеченные из камня, копьеносцы.

Або доверительно посмотрел на шуртадмтавара и... перекрестился.

Копьеносцы встревожились — такого еще не случалось во дворце шуртадмтавара. Да и сам Або знал, на что идет, но все же решил поступить именно так: все должно было быть ясно с самого начала — каждый шаг, каждое слово.

Шуртадмтавар, казалось, и вовсе не заметил опрометчивого поступка Або.

— Ответь, о чем беседовал ты с эрисмтаваром Картли Степанозом и эриставом Нерсе? — ровным, спокойным голосом спросил он юношу.

Або никак не ожидал подобного вопроса. О каком разговоре спрашивал его эрисмтавар? И почему? И разве из-за этого его бросили в темницу? Он не знал, что и отвечать. Сказать правду? Вдруг он подведет близких ему людей. А лгать он не мог.

Но ложь лжи рознь. Ложь, произнесенная здесь, в этих стенах, была совсем иной ложью. Только Або не знал, какими словами должна была быть произнесена эта ложь.

«Он, наверное, прекрасно знает, о чем мы тогда говорили. Иначе не стал бы спрашивать».

— Вспомни. Я не спешу, — помолчав, произнес Бабак.

Всей душой силился Або найти выход из положения, мозг его быстрее молнии высвечивал всевозможные решения, казалось, что все его чаяния, вся его будущность зависит от этого ответа, и теперь из-за его нерешительности рушится на корню.

— Они советовали мне вновь обратиться в свою веру, — прошептал он наконец.

— Значит, это были эрисмтавар Степаноз, бывший эрисмтавар Нерсе, монах Иоанн... Остальные? Кто были остальные?

— Я не знаю, господин! Я не понял, — от страха у Або заплетался язык, он догадался, что у него пытаются что-то выведать.

— Перечисли остальных заговорщиков и постарайся никого не упустить.

— Каких заговорщиков, господин, я ничего не знаю! — в отчаянье вскрикнул юноша, и в голове его мелькнуло: «Погиб».

— Где они собираются? — в голосе Бабака зазвучала угроза.

— Не-е... — Або осекся и жалобно оглядел копьеносцев, словно прося их о пощаде, затем возвел глаза вверх, к Господу, и замер.

Бабак приказал копьеносцам:

— Развяжите ему язык и приведите ко мне.

Те быстро утащили Або и бросили в какой-то подвал. Або даже воспрял духом — по сравнению с тем жутким склепом эта темница казалась райским садом. Но стоило ему только подумать об этом, как в темницу ворвались каты, в мгновение ока сорвали с него рубаху, повалили на каменный пол и принялись стегать розгами. «В том склепе они не могли меня бить, вот, оказывается, почему затащили сюда».

Били безжалостно, рьяно. Або рад был этому. Предпочитал побои разговору с Бабаком. С блаженством растянулся он ничком на полу и, словно к напеву колыбельной, прислушивался к свисту ореховых прутьев. Правда, это была еще не пытка. Она ждала его впереди. Або знал об этом. «Что они хотят услышать от меня?» — думал юноша, вздрагивая при каждом новом ударе. С тех пор, как он обратился в Христову веру, думал всегда о том, что ему придется говорить стражникам. Даже для самого халифа был у него уготован ответ. Но о главном его так и не спросили. Их интересовало нечто другое — не постижимое и не понятное для него. Если даже эрисмтавары готовили заговор, неужели они доверились бы Або, и откуда ему было знать имена заговорщиков. А если бы и удостоили его такой чести, то

связали бы его клятвой. Да и вообще, мог ли он выдать единомышленников? Або не понимал, чего от него ждут, почему избивают? Как можно сказать то, чего не знаешь? Оклеветать кого-то? «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего». Этому учили его и Евангелие, и Коран. Люди эти не верили Евангелию, но Корану ведь верили. «Господи!» — застонал Або. Хотел было прочесть молитву, но — затуманилось сознание.. Он погрузился в бездонную пропасть и откуда-то издалека доносились до него свистящие удары розог...

Иоанн дождался, пока стемнеет, и через Дигомские ворота вошел в город. Стражники взяли с него пошлину в два динара вместо одного и, наградив мула пинком, громко рассмеялись вослед.

Иоанну было не жаль динаров. Главное, чтобы его не узнали. Низко свесив голову, молча миновал он заставу и канул в ночи. Шел узкими улочками родного города, воровато оглядываясь по сторонам, не веря в благополучный исход — знал, за каждым его шагом неусыпно следят.

У самого дворца Нерсе он услышал за спиной шаги. Остановился, спешил с мула, будто желая подтянуть подпругу. Неподалеку в темноте застыли две тени.

Иоанн повел мула на поводу и направился к задним воротам дворца. Смело вошел во двор, спешил. Ему поднесли воду для омовения. В калитке мелькнули две тени. Предъявили дворовым знак отличия — меч Аллаха, позволяющий без спроса входить куда угодно, даже в покои амира. Право это было им дадено самим халифом.

Одно лишь появление этой стражи повергло людей в страх. Но Иоанн знал и то, что страже дозволялось переступать порог эриставского дворца лишь в особых случаях. Это тоже было оговорено самим халифом. Появление стражников Иоанн счел дурным предзнаменованием.

— Эристави... — обратился он к вышедшему ему на встречу управителю.

— Ждет вас с нетерпением, — прервал его управи-

тель и с факелом в руках провел желанного гостя в покои.

У Иоанна отлегло от сердца.

Нерсе был не один. С ним был эристави Бардави Ашот. Негодование и гнев отпечатались на их лицах. Приход Иоанна обрадовал их. Святой отец преподнес послание эристава Абхазии. Нерсе призвал своего секретаря, Григола.

— Они надругались над Джвари, — произнес Нерсе.

Иоанн вздрогнул:

— Над монастырем?

— Именно, что над монастырем. Монахов взяли в плен, а в самом монастыре устроили конюшни. И до моего дворца добрались. Увели Або.

Иоанн молча перекрестился, не зная что и ответить — такие печальные новости поведали ему.

Вошел Григол и стал читать вслух послание Леона, владыки Абхазии.

«Во имя отца и сына, и святого духа! Признаем и почитаем единого бога и единого владыку.

Великий эристави, братья грузины! Абхазия, Лазика, Апшилети, Санигети, Аргвети, вся древняя Колхида испокон веков плечом к плечу стояли с Иберией, и нынче готовы пролить кровь за братьев.

Абхазия неразрывная часть Колхиды и Иберии. Враг Картли — враг Абхазии. Мы дети одной матери. И знайте, мы всегда готовы защитить свою землю.

Да возникнет божественный союз и да восстанет каждый грузин против сарацинов. Да скрепится союз во славном Мцхета. С великой радостью примкнем к сему союзу и во славный день рождества Господа явимся с пастью нашей во Мцхета и вместе с вами припадем устами к благословенной Богоматерью земле, с чем остаюсь преданным всея Грузии,

владыка Абхазии Леон Второй».

Григол читал восторженно, вдохновенно, словно произносил не чужие слова, а высказывал самые сокровенные свои чаяния.

Иного послания из Абхазии и не ждали. Леон Второй и вправду братски был предан Картли. Годами давал он кров и пристанище гонимым из страны, в его владениях им уже не угрожали ни опасности, ни невзгоды. А

входить в союз с эрисмтавари Картли для Абхазии было более чем небезопасно. В Цихегоджи и Клисуре¹ еще не забыли жестокие набеги Мурвана Кру. Но мтавар Абхазии хорошо помнил и совместную героическую борьбу своего великого пращура, Леона Первого² и мтавари Картли Арчила и Мира; пролитая у Анакопии³ кровь абхазов и картлийцев принесла избавление от векового рабства всей Западной Грузии.

Леон Второй следовал заветам своих предков и вступал в божественный союз с эристами Картли. Вновь суждено было пролиться крови абхазов и иберов, ныне уже во имя освобождения Грузии Восточной; братья приходили на помощь братьям, дабы спасти их от векового рабства.

Подобное послание же получили они и от Джуаншера. Хорепископ Кахетинский пребывал во вражде с Нерсе, но раз уж случилось так, что халиф отнял пальму первенства у льва и наделил ею ягненка Степаноза, то гордые эристави поостыли и уединились в своих владениях. Иоанн примирил строптивцев. Привез от Джуаншера согласие на вступление в божественный союз.

Торжествовала идея Иоанна Сабанисдзе: если каждый грузин возьмется за оружие, если Картли, Кахети, Эрети, Цанарети, Абхазия, Лазика, Аргвети, Тао-Кларджети восстанут вместе против сарацин, вековому рабству непременно придет конец.

Но планы Иоанна простирались и далее. По его убеждению, дни великого арабского халифата были сочтены. И если бы грузинам и вправду удалось объединиться в божественный союз и в один прекрасный день всем вместе осесть в крепостях и подать ультиматум халифу о предоставлении независимости, быть может, удалось бы и без кровопролития достичь желаемой цели — возродить царский престол в Грузии.

Нерсе же не верил в бескровную борьбу, не верил в то, что сумеют грузины объединиться. Помыслы его были устремлены к хазарам. С их помощью думал он

---

¹ Цихегоджи — крепость; Клисуре — современное Келасури.

² Леон Первый — потомственный эристав Абхазии.

³ Анакопия — город в исторической Абхазии.

победить сарацин. А эристави Ашот возлагал надежды на более дальнего соседа. Идея божественного союза была ему по нраву, но он считал, что грузинам не обойтись без споспешествования могущественной Византии.

Иоанн убедил эриставов в том, что грузинский народ сам должен завоевать свою победу. Просить помощи и защиты это значит обрекать себя на новое рабство. Так было испокон, так будет и впредь. Потому-то и настаивал он на том, чтобы эристави связали себя божественной клятвой. Горячо убеждал Иоанн эриставов, сумел заручиться поддержкой цанаретского правителя, а затем склонил на свою сторону кахетинцев и абхазов.

Заветная мечта его была близка к осуществлению.

Во дворце зажгли все свечи, все лампы. Отблески колышущегося пламени высвечивали задумчивые лица эриставов. Когда Григол кончил читать, эристав Ашот встал и молча в знак благодарности пожал руку Иоанну. За ним последовал Нерсе. За Нерсе — Григол. Иоанн стоял ни жив ни мертв, низко склонив голову — ведь не успел он и переступить порог дворца, как тотчас узнал о новых невзгодах. О них-то и думал он сейчас.

— Конюшня... — проговорил он, — Говорите, монастырь Джвари... — но не сумел завершить фразы, осекся на полуслове.

Слуги внесли в кубках мед, поставили на низкий стол блюдо с кумелой⁴.

— Угощайся, Иоанн, — предложил Нерсе, — ведь ты с дороги.

— Пожаловал католикос! — объявил дворецкий, и в дверном проеме показался Самоэл. Он узнал о случившемся с Або и поспешил во дворец Нерсе.

Иоанн приблизился к католикосу и поцеловал полу его рясы.

— Прошу! — Нерсе пригласил гостей к столу.

Самоэла усадил посередине, остальные сели по правую и левую руки его, как участники вокруг Спасителя. Григол не садился, ждал, пока рассядутся старшие.

— Иди, сынок, садись, — тихо сказал ему Нерсе.

---

⁴ Кумела — ритуальное блюдо из обжаренной муки с медом.

Григол присел на длинную скамью. Все ждали, что скажет Самоэл. Но дворецкий объявил:

— Пожаловал эриставт-эристави!

Степаноза не ждали.

Нерсе никого не приглашал. И Ашот, и Самоэл, и Степаноз пришли сами, прослышав дурные вести об Або.

Нерсе встал навстречу Степанозу, подвел его к столу и усадил с собой рядом.

Виночерпии стояли за спинами собравшихся, но никто не пригубил вина. И к кумеле никто не притронулся. Так и сидели молча, не решаясь начать беседу.

— Весь арабский халифат разыскивает вас, предводитель, а вы, оказывается, вот где, — произнес наконец Степаноз.

— Я рад видеть своего воспитанника! А был я в Абхазии, только пожаловал, отвозил туда освященное во Мцхета миро, — спокойно отвечал Иоанн.

«Освященное во Мцхета миро», — Степаноз вдруг вспомнил, что именно эти слова говорил Самоэл амиру... «Заговор! Эрисмтавари, вокруг тебя сидят заговорщики». Степаноз вскочил, не сумев совладать с собой, и заметался по залу. Никто не проронил ни слова. Все молча ждали, что скажет Степаноз. Наконец он вернулся на свое место, сел и произнес:

— Следовательно, вы не ездили к хазарам?

— К хазарам? — удивился Иоанн. — А кого это интересует? Амира в лице эрисмтавари или самого эрисмтавари грузинского?

— Чем вы докажете, что не ездили к хазарам?

— Я не понимаю вас, мой сын и повелитель. Разъясните, чего вы ждете от меня.

— Ваши монахи донесли шуртадмтавари, что вы отправились к хазарам, дабы учинить новый бунт.

— И вы верите в это? — спросил Иоанн Степаноза.

— Их вынудили сказать так! — ответил Самоэл.

— Я не желаю верить в это! — произнес Степаноз.

— Скажите-ка мне, эристави и возлюбленный племянник мой, — вдруг вмешался в разговор Нерсе, — любите вы или нет свою родину?

Степаноз молчал. На миг воцарилась тишина. Нерсе провел ладонью по длинным усам и бороде и с родственной прямоотой повторил свой вопрос:

— Отвечайте прямо и твердо, как подобает вам по чину.

— Что за вопрос, досточтимый дядя! — вскричал Степаноз.

— Я вас спрашиваю, юноша, любите ли вы родину, отвечайте — да или нет.

Степаноз хотел было что-то сказать.

— Третьего ответа не существует, любезный, — опередил его Ашот.

— Люблю, и не меньше прочих, — взволнованно выпалил Степаноз.

— А если любите, то как вы могли врагу устроить конюшню в святыне своего народа?

— А что я могу сделать, если вы неустанно мутите воду и смешиваете с грязью имя эрисмтавари! — разъярился Степаноз и свирепым взглядом оглядел собравшихся. — Вот, католикос тому свидетель, мы вместе были у амира, и он сам предъявил нам упрек и убедил в собственной правоте — оказывается, в нашей святыне, в древнейшей грузинской церкви мы сбиваем с пути истинно верных мусульман, обманом обращаем их в веру Христову. Разве подобает такое истинным христианам? Разве этому учит нас Священное писание? Скажите, преподобный, неужто сие писано в Евангелиях? — Степаноз ждал ответа от Самоэла.

— Эрисмтавари, — с достоинством начал Самоэл, — никто никогда не свершал подобного в Джвари. Або поступил по велению Господа. И мы не можем винить в этом наших святых отцов. То была воля Господа.

— А обвиняют в этом нас. Потому и устроили конюшню в монастыре. Вы ведь прекрасно знаете, кто виновник всех бед, обрушивающихся на Картли. Почему об этом никто из вас не скажет. Витаете между небом и землей..

— Кто же это? Скажите нам, раз мы «витаем», — желчно кольнул его Нерсе.

— Да этот ваш лекаришка всему причиной, — буркнул Степаноз.

— Або? Знал, что вы это скажете.

— Это мнение арабов или эрисмтавари? — спросил Иоанн.

— И эрисмтавари тоже. Благодарение Господу, что его наконец взяли под стражу.

— Мы, любезный, думаем иначе, и в другом видим причину. Иго! Причиной является иго! — патетически провозгласил Ашот.

— Дорогой дядя, единокровный мой родич! И мы понимаем, что такое иго, но сегодня мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать это. Осквернили монастырь. Пленили монахов. За каждым из нас пристально следят. Шпионами и стражниками наводнены города. Каждый божий день кто-то предстает перед шуртадмтавари. А с эрисмтавари Картли амир и разговаривать не желает. И во всем этом виновен тот самовольный юноша. Мы не знаем, что принесет нам завтрашний день. И пока не поздно, должны убедить амира в том, что этот Або нам враг. Грузинский народ принес слишком много жертв ради того, чтобы обрести истинного правителя, защитника и заступника. Только удалось нам залечить раны, найдя убежище под кровом всемогущего халифата, и тут возникает непрощенный глашатай, сводящий на нет то, чего добивались целые поколения. Благодаря ему халиф отвернулся от грузинского народа. Теперь я спрашиваю вас — чей враг Або? Наш или их?

— Если позволите, я пойду к амиру и попрошу, чтобы он разрешил грузинам самим вершить суд над Або: нашего врага должны покарать мы сами. Всенародно, посреди городской площади. Разве я не прав? — обратился Степаноз к эристави.

— Не прав, юноша! — ответил племяннику Ашот.

— Вы слышите, высокородные! — вдруг с гневом заговорил Нерсе, — отрок, исмаилит по рождению, уверовал в учителя нашего, в Господа Иисуса Христа, пожертвовал собою ради нас, а мы за это должны его покарать всенародно, посреди Растибазара⁵.

Покарать! Божье наказание в том, что это говорит эрисмтавари, предводитель и наставник нации, мой племянник! Покарать! Какую же мы должны назначить ему кару, владыка? — Нерсе в упор посмотрел на Степаноза. — Отрубить голову? Сжечь на кресте или замучить пытками?

⁵ Растибазар — деловой квартал в древнем Тбилиси.

Никто не ожидал подобного взрыва гнева. Разве что на поле брани овладевала отважным эристави подобная ярость.

— Разве мог я ожидать от вас этого, когда искренне радовался тому, что именно вы стали эрисмтавари. Нельзя быть слугой двух господ. Можно быть или грузином, или арабом! Или христианином, или мусульманином!

Нерсе повысил голос. Словно мальчишку, отчитал он племянника. И прежде чем Степаноз успел открыть рот, в разговор вмешался другой его дядя.

— У эрисмтавари, любезный племянник мой, кроме сбора налогов, есть еще много других обязанностей. — Ашот подошел к Степанозу и похлопал его по спине.

— Каких же? — спросил Степаноз, — скажите прямо, чего вы ждете от меня.

— Надо освободить Або! — без обиняков выпалил Нерсе. — Вы должны посетить амира и от имени грузинского народа просить даровать юноше свободу. Это наша, моя и твоя, обязанность.

— Святой отец, — обратился Степаноз к Самоэлу, — вы ведь свидетель тому, какими волчьими глазами смотрел на меня амир. Потребуя я сейчас освободить юношу, мы все без разбора тотчас окажемся в темнице. И не свободы Або я должен просить, а казни, чтобы спасти всех вас, спасти нашу церковь, наш народ, спасти предводителя и наставника нашего народа Иоанна.

Степаноз особенно подчеркнул свои последние слова.

Самоэл сидел на скамье, гордо выпрямив спину и держа в руке тяжелый посох, и молча внимал говорящим. Но когда Степаноз назвал Иоанна, величаво поднялся и произнес:

— Эрисмтавари, они хотят опорочить Иоанна, и их бог не простит им навета. Повторяю: Або совершил свой поступок по собственной воле, возжелав приобщиться к вере христовой. Ни Иоанн, ни какой бы то ни было грузин-христианин не сказал ему — забудь свою веру и уверуй в Господа Иисуса Христа. И славен будет народ грузинский, ибо наделен столь великою силой.

— Народ? — вскричал Степаноз. — Вы говорите народ грузинский! А меня осуждаете, но осмелюсь и скажу, что вы, священники, совратили юношу, а теперь на

народ пеняете! Подобное даже амиру не пришло бы в голову. Он требует наказать одного-двух, а вы же хотите отдать на закляние весь народ ради какого-то там Або. Я не позволю вам этого!

— Неподобаает вам, юноша, гневаться! Перед вами глава церкви! — осадил его Ашот.

— Возлюбленные братья, рабы Господа нашего, сыны грузинские! — выступил вперед Иоанн. — Або мой ученик! В поступке его я повинен. И пусть кара падет на меня одного.

— Арабы не нуждаются в нашей помощи, — перебил Иоанна Нерсе, — они сами покарают того, кого следует, — сказал он, обращаясь к Степанозу.

— Воля господня должна свершиться, христиане, — продолжил Иоанн, — виновный должен быть наказан. И пусть кара не пугает нас. Апостол Павел учит: Господь мучит и казнит тех, кого возлюбил... Но Або пожертвовал собой не только во имя Господа нашего, но и во имя всего народа грузинского. Того народа, предводителем которого вы являетесь. — Иоанн окинул Степаноза взглядом. — Осудить Або — это значит осудить грузинское духовенство, весь грузинский народ и, наконец, весь христианский мир. Поступок Або поселил надежду в сердца людей, он зажег лампаду веры, которая светит не только грузинам, но и каждому народу, рожденному Господом. И если мы не в силах освободить его, это не значит, что следует требовать его казни.

— Учитель, — решительно произнес Ашот, смотря в глаза эрисмтавари, — если Степаноз не потребует освободить Або, мы, эристави, отречемся от него. Негоже забывать хотя бы то, что этот юноша спас от смерти его дядю.

Степаноз смутился. Не думал он, что грузинская знать может так сплотиться ради Або. Он окинул эристави своим ястребиным взглядом, повернулся и, окруженный оруженосцами, быстрым шагом вышел вон.

Нерсе не проводил племянника. В тревоге глядела вослед Степанозу челядь, не понимая, в каком настроении ушел из дворца эрисмтавари, разгневан ли он или по душе пришлись намерения эристави, а может, возобладали в нем страх и малодушие.

На следующий день рано поутру в районе серных

бань поднялся шум и гам, раздались крики в Сион⁶, и в Мариамцминда⁶ забили в набат.

Весь город спросонок высыпал на улицы. Борожане, недоумевая, бежали ко дворцу амира, откуда доносились крики.

Степанозу доложили о том, что на площади кто-то повесился на смоковнице.

Послали гонца разузнать о происшедшем.

Однако эрисмтавари одолело любопытство. Не дожидаясь гонца, окруженный оруженосцами, вышел он на улицу и, захлестнутый людской волной, поспешил к баням.

Шеренга стражников и копыеносцев едва сдерживала собравшуюся толпу. На дереве, что перед самым дворцом, и вправду болтался труп.

Людское море, узнав Степаноза, расступилось, и между эрисмтавари и смоковницей образовался длинный узкий коридор. Раз народ столь почтительно расступился перед Степанозом, то и стража не решилась преградить ему путь. Еле волоча ноги, он приблизился к смоковнице, поднял взгляд на висящий на дереве труп и смертельно побледнел. На дереве висел отец Онофрэ.

Тысячи глаз были устремлены на Степаноза. Он отыскал взглядом начальника стражи. Тот, гарцуя на коне, разгонял плеткой толпу. Степаноз приказал его позвать. Начальник стражи спешился и вмиг предстал перед ним.

— Во имя и во славу аллаха! — резво приветствовал он его и вытянулся.

— Что случилось со старцем? — тихо спросил Степаноз.

— Вчера его освободили. А сегодня — вот, — стражник вытянул руку в сторону дерева. — Говорят, он повесился потому, что выдал готовящийся заговор.

— Амир знает об этом?

— Да, отдал приказ не снимать труп до вечера.

«Его задушили», — промелькнуло в сознании Степаноза, и он взглянул на облетевшее дерево, на котором лишь кое-где виднелись жухлые желтые листья. «Обви-

---

⁶ Мариамцминда — храм Богородицы.

нили в измене и задушили», — думал Степаноз. Когда начальник стражи сказал о том, что приказано не сносить мать труп до вечера, в народе прокатилась волна возмущения.

Степаноз молча повернулся и пошел прочь.

Возвратившись во дворец, велел призвать отца Иоанна. Вчерашний вечер и сегодняшнее происшествие вовсе лишили его спокойствия. Во дворце среди грузин у него не было советчиков. В страхе перед халифом он в свое время приблизил к себе одних арабов. Разве мог он теперь раскрыть свое сердце иноземцам? Один лишь Микаэл был близок ему, но какого совета мог он просить у юноши? Отец же его, некогда знаменитый эристави Гурген, удрученный творимыми в стране бесчинствами, вовсе отошел от дел, и проводил он теперь дни напролет в беседке своего сада, словно ожидая смерти. Лишь молиться уходил в дворцовую церковь.

Тяжело было на сердце у Степаноза. Никак не удавалось ему продемонстрировать халифу свою искреннюю преданность.

Ни один эрисмтавари доселе не собирал столько дани, как он. Ни один эрисмтавари не отдавал в арабскую казну столько золота и серебра. Ни один эрисмтавари не упразднял грузинские школы, не запрещал говорить на грузинском языке, не распускал грузинскую конницу. Степаноз пошел на это, и все равно при дворе косо смотрели на него. В глубине души он винил в этом амира, думал, что тот приписывает себе все заслуги, а его, Степаноза, обвиняет в двурушничестве.

И сердца грузин не удавалось ему привлечь к себе. Разве не он разговаривал с ними на грузинском языке. Разве его дети не нуждались в школах и наставниках? Разве для себя собирал он дань? Что он мог сделать? Любой на его месте поступал бы также. Это был единственный путь к спасению. Лишь покорность и преданность могли бы спасти народ и страну. Прежним путем идти было нельзя, размахивание мечом нынче ни к чему бы не привело. Никак не удавалось ему объяснить эту простую истину эристави. Что же говорить о других, если собственных дядьев не сумел он убедить в своей правоте.

Вчера, возвратившись во дворец, он решил: не смо-

гу я обидеть дядьев, еще раз попытаю счастье, постараюсь убедить амира. Но увиденное сегодня утром зрелище заставило его передумать.

Потому он и велел призвать к себе Иоанна. Если кто-то и понял бы его, то только Иоанн. Степаноз надеялся на то, что сможет найти общий язык с ним.

Иоанн пожаловал к нему в полдень, потрясенный известием о страшной смерти отца Онофре.

Степаноз предложил ему прогулку в коляске. Иоанн удивился — думал, что его возьмут под стражу, а получил приглашение на прогулку.

Дворец эрисмтавари окружала высокая каменная сграда с дубовыми воротами. Ворота эти были известны на весь Восток. По преданию, персы даже камнеметами пытались повалить их, но так и не сумели. Время, ветры и дожди превратили дерево в железо, десять могучих стражников с трудом открывали и закрывали их.

От ворот до дворца тянулась цветущая каштановая аллея. По весне вотчина эрисмтавари Картли походила на райский уголок. Сейчас же стояла осень, и лишь каштаны были одеты листвой. Перед дворцом, на площади, выбивался из скалы родник. У родника стояла коляска. Свита на арабских скакунах также поджидала их.

Возница медленно покати коляску. «Что же они собираются учинить надо мной?» — подумал Иоанн.

— Спросим у народа! — только выехали они за порог, сказал Степаноз.

Иоанн не понял его. Степаноз же, словно продолжая вчерашний спор, казалось, обращается вовсе не к Иоанну, а к дядьям.

— Спросим у народа, — отчетливо повторил он, — народ думает иначе. К чему нам свобода, раз народ пухнет с голоду. Поймите вы, всемилостивейшие правители, что народ нуждается в защите и заступничестве! Пахарь наконец-то взрастил зерно, наконец-то вложил в ножны окровавленный меч. Разве не об этом испокон веков мечтали наши предки? Вы же хотите возвратить кровавые времена! Но те времена не возвратятся, народ не последует за вами. Спросите любого, — взволнованно гворил Степаноз, — остановим первого встречного и спросим: верят ли они в вашу борьбу?!

Иоанн уже понял, почему пригласили его на прогулку. Кони с заплетенными в косы гривами медленно катили царскую коляску. Эрисмтавари откинулся на мягкие подушки.

Иоанн никак не ожидал подобной прогулки. Если и вправду эрисмтавари желал говорить с народом, то нужно было держать путь в Картли, лишь там можно было узреть беды страны, народная боль видна в самом народе. Так думал Иоанн, молча сидя в коляске и ища глазами того, кому и вправду можно было задать подобный вопрос, спросить напрямую о том, что он предпочитает — рабство или борьбу. Вдруг Иоанн с ужасом понял, что найти такого грузина нынче в Картли будет очень трудно. И тут же возникли перед его мысленным взором три человека — эристава Нерсе, Ашот и юный Григол, воспитанник Нерсе. Даже за собственного сына, Микаэла, не смог бы он поручиться.

Эрисмтавари говорил ему правду. Кого ни останови в пути — никто не поднимется на борьбу. Сопrotивление халифату считали бессмысленным не только грузины. Люди покорно тянули свое ярмо и были счастливы от того, что заполучили могущественного защитника.

Иоанн вспомнил несчастную мать из Легвтахеви, что варила камни своим голодным детям. Он рассказал ее историю эрисмтавари и попросил его поехать к ней.

Выехав за город, они остановили коляску у обочины. Подъехать к дому той женщины в коляске было невозможно. Эрисмтавари и его гостю подали оседланных коней, и они продолжили путь уже верхом.

Не существовало боле Легвтахеви, на месте которой некогда зеленели царские сады Вахтанга Горгасала. Полчища сарацин вытоптали и разорили эти сады, в них стояли лагерем осаждающие крепость войска.

Свита чуть приотстала от господ. Ехали молча, никто не проронил ни слова. Иоанн думал — пусть эрисмтавари увидит Мело и ее изголодавшихся ребятишек, а после они навещат маленькую, раскинувшуюся неподалеку деревушку и ее обитателей. Иоанн давно не был у Мело. Ее ребятишек он содержал в школе до тех пор, пока не налились в полях колосья и не появилась у матери возможность их накормить. По весне он вернул ей

детей и оставил динары, чтобы она могла заплатить дань.

В страхе и недоумении взирала Мело из своей хижины на столь знатных гостей. Решила, что это сборщики податей и принялась проклинать их на чем свет стоит. Вдруг узнала Иоанна и осеклась, прикрыв рот ладонью.

— Иоанн, наставник и спаситель наш, — вскричала она и бросилась целовать ему руку. Иоанн остановил ее и глазами указал на эрисмтавари.

— К вам пожаловал эрисмтавари.

— Эрисмтавари? — растерялась Мело, перекрестилась и упала на колени.

Тем временем прибежали с поля ее ребятишки — малыши восторженно разглядывали скакунов, те, кто постарше, сбились в кучку возле коленопреклоненной матери и удивленно глазели на гостей.

Из хижины послышался плач младенца. Иоанн удивился: «Неужто она вышла замуж».

— Встань, — сказал он Мело, — эрисмтавари желает говорить с тобой.

Женщина вскочила и кинулась в хижину.

— Пожалуйста, господин! — послышался оттуда ее взволнованный голос, затем дверь широко распахнулась. — Пожалуйте, пожалуйста! Боже, эрисмтавари к нам пожаловал! Скорее поверила бы в пришествие самого Господа, нежели в то, что вы до нас снизойдете! — говорила она.

Степаноз кинул женщине полную монет мошну. Та подняла ее, прижала к груди, затем бросилась в ноги Степанозу и принялась осыпать их поцелуями. Иоанн с трудом оторвал ее.

— Скажи, зачем мы пришли, и уйдем отсюда, — Степанозу стало душно в хижине.

— Мело, как вам нынче? Так же туго приходится, или полегчало чуть? — спросил Иоанн.

— Э-э-эх, туго, — вздохнула Мело, — куда наши беды от нас денутся, разве не пало на нас злое горе, не вторглось в наши жилища, разве не сосет оно нашу кровь и не душит нас? — Мело взглянула на эрисмтавари.

— Ваши дети больны? — с искренним сочувствием спросил Степаноз.

— Нет, господин, мы арабов зовем злым горем, — прямо ответила Мело, — и разве только я одна, вся наша деревня, вся округа так их зовет. Ни слов наших не понимают, ни в Господа нашего не веруют, ни стыда у них нет, ни совести, от наших бед сама земля исстрадалась, — женщина утерла глаза уголком черного платка и жалобно оглядела одетых в лохмотья ребятишек. — Ну вот, есть хочется этим горемыкам, скажите, что мне делать, куда податься? — продолжая всхлипывать, уткнулась она лицом в платок.

— Мело, — Иоанн положил ей на плечо руку, — мы пришли сюда, чтобы помочь тебе.

— Да благослови вас Господь! Сырая земля и могила мне помогут, другой помощи и не жду.

— Говори и пойдем! — выпалил в нетерпении Степаноз.

— Мело, — вновь начал Иоанн. Трудно было ему говорить. Что он должен был сказать? И как следовало произнести эти слова? Горести и невзгоды сломили эту женщину, лишили ее достоинства, силы духа. — Мы.. пришли к тебе за советом, — продолжил Иоанн, смущенно отводя взгляд от Мело и словно обращаясь к стенам. — Ведь в том, что происходит в этих стенах, повинны сарацины. И все наши беды происходят от них. Должны ли мы изгнать их из наших земель? Ты, мать этих птенцов, что ты нам скажешь? — Иоанн обнял стоящих перед ним детей, — не должны мы разве защитить их наконец?

— Говорите — изгнать? Должны, непременно должны. Вашими устами говорит Господь. Да поможет он вам и благословит, да укажет он вам путь праведный, да осветят вам путь молитва и благословенье грузинских матерей! Да укрепит вас Создатель и оградит Матерь Божья! Благослови вас Господь!

Степанозу по душе пришелся ответ Мело, он взял ее под руки и ласково спросил:

— Так значит, отдаешь в наше воинство Кецецу? — Степаноз обнял другой рукой мальчика. — Ну, как, пригодится он нам? — спросил эрисмтавари у стоявших в дверях воинов, — чем не герой?

Кецеца опустил голову и улыбнулся.

— Почему Кецецу?.. — Мело уставилась на Иоанна.
— Вы хотите отнять у меня моего Кецецу? — Мело сильным оттащила мальчика от Степаноза. — Только я его выходила, а теперь хотите, чтобы он погиб? Не отдам я вам Кецецу. Уж лучше все останется так, как есть, чем порубят в кровавой битве наших детей. Богом вас заклинаю, оставьте меня в покое. Вы правители, вы и отвечайте за страну перед Господом. А мой Кецеца тут ни при чем!

Вдруг, в один миг женщина совершенно переменялась. Глаза ее светились гневом, она загнала детей в угол и стояла перед ними, растрепанная, широко разведя руки в сторону.

Степаноз многозначительно посмотрел на Иоанна и быстрым, решительным шагом вышел из хижины.

Иоанн не ждал подобного ответа. Не проронив ни слова, он последовал за эрисмтавари.

Степаноз резво вскочил на своего скакуна и, окруженный свитой, двинулся в путь. Иоанн следовал за ним. Ни жив ни мертв сидел он в седле. Степаноз оглянулся на него — мол, теперь куда прикажете? Иоанн указал рукой на маленькую деревушку, приютившуюся за склоном горы. Отсюда ее почти не было видно, все хижины, казалось, вросли в землю.

Степаноз знал о том, что во времена Мурвана Кру люди ушли из своих деревень в леса и горы, слышал о том, что стали они жить в пещерах и ямах, но никогда еще не видел он собственными глазами своих соотечественников, прячущихся, как медведи, по берлогам. Любопытство взяло верх, и не дожидаясь свиты, он быстро спешился, подошел к одной из хижин и приоткрыл дверь. В открывшейся перед ним черной дыре ничего не было видно. Удивленный, оглянулся он на Иоанна.

— Да, да, там обитает человек, — Иоанн виновато улыбнулся.

— Эй, хозяин! — крикнул он внутрь и стал ждать ответа. — Хозяин! — еще раз окликнул он и сунул в проем голову. Ответ раздался с опозданием. Поначалу раздался писк, затем показалась женщина с младенцем на руках. При виде незнакомцев она решила, что

это сборщики податей и с проклятьями вновь скрылась в черной глубине пещеры:

— Все почему-то норовят пожаловать тогда, когда мужчин нет дома, кровопийцы проклятые, отродье изуверское..

Женщина вдруг осеклась. Наступила тишина.

— Свои мы, не бойся! — крикнул Иоанн, и перед самым его носом просвистела стрела, по счастью, никого не задев.

— Поехали! — приказал Степаноз.

Иоанн вновь поскакал впереди отряда. Был он растерян и обескуражен, не знал, куда еще отвезти эрисмтавари. Откуда-то послышался стон. Прислушались, огляделись по сторонам. Посреди поля заметили сеятеля. Степаноз прищпорил коня, Иоанн и воины поскакали следом. Не решаясь приблизиться, всадники осадили коней. В отдалении они увидели человека, который впрягся в ярмо на пару с волом, сеятель же медленно, тяжело шел за бороной, уставясь на выворачивающиеся из-под резцов плуга комья земли. А запряженный в ярмо человек, стелая, тащил лямку.

Степаноз соскочил с коня. Спешились и остальные.

— Здравствуйте! Что вы делаете, люди? — издали окликнул их Иоанн.

Запряженный в ярмо остановился и оглянулся. И сеятель поднял голову:

— Пшеницу сеем, господин! — ответил он Иоанну.

Степаноз подошел ближе и принялся разглядывать запряженного в ярмо.

— Разве сынов Адама впрягают в ярмо? — упрекнул он сеятеля.

— А что прикажете делать? Околела у меня скотина, кого же мне впрягать? Это мой брат, не чужой человек, хочу впрягу, хочу оседлаю. То он впряжется, то я. Вот так вот.

— Эй, ты, с ярмом на шее! Не хочется тебе его сбросить, а? — спросил Степаноз.

— Зачем, господин? Если я брошу ярмо, как мы посеём пшеницу? — удивился тот. — Вол у нас околел, а бычка зарезали давеча. Как тут быть?

Братья не поняли вопроса эрисмтавари, Иоанн попытался растолковать им его суть.

— Возлюбленные Христом братья мои сеятели! Это ярмо, что лежит у тебя на шее, принесли нам арабы. Мы должны прогнать арабов, сбросить с себя их иго.

Впряженный зло и недовольно посмотрел на Иоанна и, не говоря ни слова и не сняв ярма, сел прямо на пашню и уставился в землю, отирая время от времени пот со лба. Сеятель подошел к Иоанну, внимательно оглядел его и спросил:

— Вы люди эрисмтавари?

— Они, разве не видать по ним, — недовольно пробурчал сидящий на земле брат его.

— Не пойдем мы воевать, не пойдем, — вдруг без обиняков отрезал он. — Пшеница не сеяна, и жена дома стонет в лихорадке. А с сарацинами нам не справиться. Так вот. Устали мы. Надоело впустую мечом размахивать. Арабы принесли нам мир. Уж лучше их ярмо.. Так им, господам вашим, и скажите.

Степаноз выразительно посмотрел на Иоанна, приказал слугам пригнать из своего стада две пары волов, отсыпал из своей мошны динары человеку в ярме, а затем и брату его, вскочил в седло, оглядел еще раз крестьян и крикнул на прощанье:

— Пусть у вас уродится богатый хлеб, труженики!

Братья недоуменно переглядывались — ведь они даже не догадывались о том, что перед ними сам эрисмтавари, от неожиданности у них отнялись языки — конечно, это эрисмтавари, кто же еще мог столь щедро одарить их.

— Да благословит вас Господь, долгие вам лета, — проговорил наконец слова благодарности тот, с ярмом, и осенил крестом удаляющихся всадников.

Иоанн молчал. Эрисмтавари оказался прав. Народ не хотел борьбы, предпочитал покорность невзгодам и кровопролитию. Изнуренный войнами и смирившийся с рабством, народ забыл о том, что такое свобода, и не представлял себе иного существования, считая своею родиной огромную империю халифата и даже гордясь тем, что находится под ее покровительством. Может, Иоанн и вправду ошибался, может, эрисмтавари и вправду лучше известны чаяния его народа? Что делать? Махнуть на все рукой, уехать отсюда, податься на юг, в разоренную Тао-Кларджети? Начать оттуда все сначала. Такой

план был у эристава Ашота, он мыслил себе возрождение родных земель и уже затем пришествие в Картали. Может, и вправду лучше отступить? Но Або? Кто поможет Або? Нерсе не позволит арабам измываться над ним, Ашот ведь сказал Степанозу, что эристави восстанут. Но и Степаноз был уверен в своей правоте. По его разумению, Або губил грузинский народ. Он не поддавался бы на угрозы эриставов. Но и те не привыкли отступать от своих слов. Иоанн оказался меж двух огней. И, что главное, гибла его идея Божественного союза. И если из-за Або поднимется мятеж, их, конечно же, ожидает поражение в неравной борьбе.

Степаноз пришпорил своего скакуна. Раз он не подождет Иоанна, значит, не хотел говорить с ним. И Иоанн молча ехал следом. Сердце подсказывало ему, что разговор об Або еще ждет его впереди. А пока что он должен был забыть обо всем и думать о том, как помочь Або. Он должен был показать этим зарывшимся в норы людям молящегося за них араба свободным. Освобождение Або вселило бы в них надежду, возродило бы веру в себя и свою родину.

И вправду случилось так, как думал Иоанн. Когда они пересекли Цавкиси, Степаноз пересел в повозку и пригласил в нее Иоанна. Долго ехали молча. С тяжелым сердцем въезжали они в Тбилиси.

— И все же мы должны помочь Або, — тихо произнес Иоанн. Может быть, именно сейчас, в эту минуту удастся ему сломить эрисмтавари, посеять в нем сомнения. Никак не хотел верить Иоанн в то, что освобождение юноши невозможно, чувствовал, что эрисмтавари мучили угрызения совести, что он пытался как-то оправдать себя перед народом. Потому и придумал он это путешествие, потому и решил «расспросить народ».

— Нет! — неожиданно холодно ответил Степаноз. — Я уже сказал. — Он молчал, отвернув от Иоанна лицо. И это показалось Иоанну хорошим знаком.

Повозка, в которой сидели эрисмтавари и его наставник, позвякивая колокольчиками, подъезжала к Сиони.

Халиф Махди скоростижно умер. В Картли объявили траур.

Трон достался сыну Махди — Мосэ.

Степаноза смерть халифа привела в полную растерянность.

Какие изменения грядут в халифате?

Как поведет себя Мосэ аль-Мумни по отношению к завоеванным странам и их правителям?

Куда двинет он свое многочисленное войско — на юг или на север? Что он принесет народам — мир или кровавую бойню?

Эти вопросы тревожили сейчас не только Картли, но и весь восточный мир. С настороженным вниманием следили народы за тем, что творится в Багдаде — первые шаги нового халифа могли пролить свет на многие вопросы.

Тбилисский амир созвал по этому случаю джамаат. Степаноза рано поутру призвали во дворец — новый халиф по дороге к хазарам остановится в Тбилиси. Это известие было добрым предзнаменованием. Раз халиф самолично отправлялся в путь, следовательно, решительные боевые действия откладывались, и, кто знает, быть может, новый халиф нашел бы с хазарами общий язык и наступила бы мирная пора.

«Едет солнцеликий халиф!» — громом разнеслась по Тбилиси весть. У дворца амира забили в набаты. Правители Картли не должны были ударить лицом в грязь, им надлежит с честью принять нового владыку всех мусульман.

Эрисмтавари застал джамаат в глубоком раздумье. Халиф уже миновал Самшвилдэ⁷, а джамаат все никак не додумался до того, как достойно встретить владыку мира, как выразить свою преданность и покорность. И сам амир был в растерянности.

Отчаявшийся амир встретил Степаноза как спасителя. И, словно взлелеенные всею своею жизнью, произнес эрисмтавар пришедшие по душе джамаату слова:

— Коленопрклоненное ожидание, люди и джа-

⁷ Самшвилдэ — один из древнейших исторических городов-крепостей в Восточной Грузии.

маат! — размеренно начал он. — Картли встретит халифа-Солнце преклонив колени.

«Коленопреклоненное ожидание», — вдруг подхватил весь джамаат, все вскочили на ноги и стали восклицать: «Коленопреклоненное ожидание! Коленопреклоненное ожидание!». Амир с трудом утихомирил приближенных.

— Каждый грузин выйдет вместе со своими домочадцами на ту дорогу, по которой проедет солнцеликий халиф, — продолжил Степаноз, — и да пусть падет всяк на колена — и стар, и млад, и эрисмтавари и простолудин, да падет и ждет до тех пор, пока великий владыка мира не узрит перед собой всю Картли преклоненной. Ну, а золото наместнику Аллаха на земле преподнесет амир у тбилисских ворот.

— Люди и джамаат! — провозгласил неожиданно Хаджидж ибн аль-Бабак, — халиф пожалует через ворота Согдэбели!⁸ Все туда! — и быстро покинул собрание.

Это была свежая новость. Когда говорил Степаноз, к Бабаку подошел стражник и что-то зашептал ему на ухо. Затем в зал ввели рыжебородого мусульманина и подвели к Бабаку. Тот простерся у его ног и передал ему тайное послание. Бабак торопливо прочел свиток, затем встал и объявил о том, что халиф будет входить в город через ворота Согдэбели. Такого скорого прибытия халифа никто не ожидал.

Амиру открыли казну, дабы он выбрал достойное халифа подношение. Во все концы страны разослали стражников для того, чтобы они согноли людей приветствовать высокого гостя.

Стражники врываются в дома, выгоняли на улицы всех, и стариков, и детей, и гнали их к Согдэбели. В Сиони и в Мариамцминда не смолкали колокола. По обеим берегам Куры потек народ — калеки, убогие, нищие, беременные женщины и голые ребятишки столпились на мосту. «На колени!» — кричал сидящий верхом стражник, с трудом прокладывая путь своему коню в людском море.

«На колени!» — кричал по ту сторону моста другой, размахивая сверкающим мечом и грозя снести непокорным головы. Но никто и не думал противиться.

⁸ Согдэбели — один из районов древнего Тбилиси.

Весь Тбилиси двинулся к Согдэбели. Кто по своей воле, кто силком. Даже из близлежащих деревушек успели согнать народ. Плыло людское море.

Вскоре показалась колесница амира, переехала мост и остановилась неподалеку. За амиром ехали эрисмтавари, затем везирь и Хаджидж ибн аль-Бабак, окруженные вооруженными стражниками, а следом все члены джамаата. Они вылезли из повозок и тут же, неподалеку, встали на колени с тем, чтобы их видел народ. Между коленопреклоненным народом и джамаатом гарцевали стражники с мечами наголо. Но при первом же появлении людей халифа и им велено было тотчас встать на колени.

И Иоанн был тут. Он стоял на коленях рядом с сыном, угрюмо уставившись в землю. Сам эрисмтавари самолично пожаловал к Иоанну и просил сопровождать его. Эрисмтавари он еще мог отказать, но как обидеть сына, который остро переживал за отца. И он пошел с ними. И вот, стоит тут сейчас, коленопреклоненный. Эрисмтавари то и дело подзывал к себе Микаэла, давал ему всевозможные поручения, и тот метался из стороны в сторону, то и дело подбегая к эрисмтавару и, низко склонившись к нему, нашептывал что-то на ухо. Иоанну не по душе было поведение сына, но что он мог поделать, плетью обуха не перешибешь, надо потерпеть — и он угрюмо упирался взглядом в землю. Чего только не довелось увидеть ему на своем веку, но ставить целый народ на колени? Почему эрисмтавари пошел на это? Почему столь безжалостно попирает своих сограждан? Ни римские завоеватели, ни персы не чинили такого, и то, что народ так покорно становился на колени, было тревожным знамением. Так думал Иоанн, ища глазами Нерсе и Ашота, — неужто и их поставили на колени? Любопытство взяло верх, он встал и принялся рассматривать джамаат. Если бы эристави пришли, они были бы там. Но их не было видно. Иоанн порадовался. Но там он заметил мцхетского мамасахлиси Гуарама.

Светило солнце, разбрасывая косые лучи. Но было уже холодно, близилась зима. Иоанн был одет тепло. Но все же его пробирал озноб. «Сколько же мы еще простоим так? — подумал он. — А если халиф и вовсе не приедет?». Вдруг откуда ни возьмись, словно из-под

земли возник рядом с ним Микаэл, быстро плюхнулся на колени и перекрестился.

— Что случилось? — спросил сына Иоанн.

— Они сбежали, — ответил Микаэл. В голосе его звучали злоба и удивление. Он тяжело дышал, утирая со лба пот.

— Кто сбежал?

— Заговорщики, кто же еще? Мы послали за ними погоню. Волоком притащат.

«Нерсе и Ашот», — тотчас догадался Иоанн.

— Наверное, их хотели заточить в темницу.

— Нет, они бежали от этого! — Микаэл взглядом указал на ноги. — Строптивцы, — ехидно усмехнулся он. — Получат по заслугам. Предстанут перед халифом в кандалах, таков приказ.

— Эрисмтавари?

— Амира и эрисмтавари. Полторы тысячи конников послано за ними.

Иоанн потупился. Дурные вести принес ему сын.

— А может, это сплетня?

— По дороге на Мцхета их встретил Гуарам.

«Да, они перегнули палку», — подумал Иоанн. Правда, ему не хотелось видеть эрисмтавари коленопреклоненными, но и бежать было безумием. Ведь побег следовало понимать, как нежелание покориться не только амиру, но и самому халифу. А это грозило им смертью.

Микаэл смотрел куда-то, вытянув шею. Он заметил в толпе Ано, даже привстал на миг с колен. Ему хотелось быть там, рядом с нею, если бы не отец, он тотчас же сорвался и побежал бы к ней. Иоанн заметил волнение сына, решил, что тот ищет глазами эрисмтавари. Ничего не сказал Иоанн, обратился к своим мыслям. «Нет нам избавления, — думал он, — никто не в силах противостоять им. Надо подумать о том, как спасти народ, нынче грузин и не может мечтать об ином. А отечества нам не отстоять. Выстоит народ, сохранит язык, вот и славно будет...».

— Сын, Микаэл, — прошептал Иоанн, — давай и мы убежим. Капля камень долбит.

Иоанн ждал, что Микаэл спросит его, куда они побегут, что он задумал, но Микаэл молчал, мысли его

были заняты Ано, он и не придавал значения отцовским словам. Всем своим сердцем был он там, рядом со стоящей на коленях в окружении прислуги Ано.

— Негоже почтенному человеку стоять здесь на коленях, сынок, беги в Кларджети, они, наверное, тоже туда подались. — Под «ними» он подразумевал Нерсе и Ашота. — Там царит еще большее горе, нежели здесь — безверие. Нашими храмами владеют иноверцы, речь грузинская вскоре перестанет звучать на той земле, и если не одуматься вовремя, не доставить туда освященное во Мцхета святое миро, погибла Тао-Кларджети.

— Микаэл, ты слышишь меня? — окликнул его Иоанн. — Я своими глазами видел там разоренные церкви. И Григол с ними. И я скоро приеду. Слышишь меня?

— Я никуда не уеду, — ответил Микаэл, — не пойду на измену эрисмтавари.

Иоанн вздрогнул. Он хорошо знал сына и даже ждал от него такого ответа, но встревожили его искренность и прямоту.

— Ты предпочитаешь жить в рабстве? — горестно прошептал Иоанн.

— Да, я предпочитаю рабство предательству, — Микаэл упрямо смотрел на отца.

— Предательству? — удивился Иоанн.

— Эрисмтавари день и ночь печется о том, как спасти тебя, как отдалить от них, — зашептал Микаэл, — потому он и пришел к тебе, потому и просил быть здесь. Ты хочешь отплатить ему двоедушием? Это нам не пристало. И стар, и млад в едином порыве души пали ниц перед своим владыкой, и ты среди нас, вместе с эрисмтавари и его приближенными стоишь коленапреклоненный, а сам на сторону глядишь, лелеешь в душе недоброе, разве это достойно святого мужа?

Иоанн словно окаменел. Сын понял его, словно в сердце ему заглянул, и высказал напрямик всю правду. И раз Иоанн дал слово эрисмтавари, то следовало смириться. Почему, почему же он думал иначе?! «Это ради тебя не отказал я Степанозу, ради тебя вынужден говорить одно, а поступать по-другому», — отвечал он в душе сыну, но даже этот ответ не оправдывал его в собственных глазах. И он погрузился в свои мысли, время от времени шепча слова молитвы.

А вокруг царил галдеж, тбилисцы и стоя на коленях не теряли жизнерадостности, громко окликали друг друга, делились новостями, принесенными с рыночной площади.

«Мысль, что гложет мне сердце, подобна обвалу, Всевышний, — обращался Иоанн к Господу, — не управиться с ней, не покорить ее. Повиновался я воле эрисмтавари, вместе с ним и вместе с моим народом пал на колени, но сердце мое не покорилось, не смирилось, даже сыну моему не вняло — сердце не падает ниц перед государями, не преклоняет колен».

— Микаэл! — Иоанн коснулся сына рукой, — у сердца иной повелитель, — Иоанн облегченно вздохнул и погладил рукой бороду — он нашел слова, которые искал, оправдался перед сыном, — сердце принадлежит Господу, а Господь не велит ему преклонять колени.

— Тебя хотели схватить вчера! Эрисмтавари уже приказал бросить тебя в темницу!

— Ну и что?

— А то, что после этого он сам пришел к тебе и сказал: — весь народ встанет на колени, встань и ты. И в этом ты его упрекаешь?

— Не о себе я пекусь, — Иоанн осекся. Помолчал. Затем, собравшись с духом, произнес. — Ты и Григол отправитесь в Тао-Кларджети. Католикос сегодня же совершит над тобой рукоположение. Григол уже получил его благословение.

Микаэлу показалось, что это не отец его, а другой, выточенный из камня человек приказывает ему, и никто не в силах изменить этот приказ, даже сам Господь Бог. Он никогда не видел отца в гневе, отец никогда не требовал от него безоговорочного подчинения, никогда не обращался к нему, да и к любому другому иначе, как со словами «Сын мой!» или «Возлюбленное дитя мое».

— Так нужно народу. Остальное вам скажут там, во Мцхета, — глаза Иоанна сверкали.

Солнце село, сумерки окутали Легвтахеви, вот-вот стемнеет и на улицах Тбилиси, народ, стоящий на коленях по берегам Куры, в нетерпении ждал возвращения посланных гонцов. И лишь когда легла непроглядная темь, забил набат и было возвещено о том, что халиф

соизволит вступить в город наутро. До утра дозволялось вернуться в дома.

Резиденция эристава Ашота располагалась близ Сиони, но вдали от царских дворцов и садов. Эта крепость была построена сыном великого Нерсе Адарнасе для своего младшего отпрыска, Ашота. Когда Мурва Кру обратил в прах вотчину Багратидов — Тао-Кларджети, Адарнасе бежал в Византию, арабы же посадили эрисмтаваром Картли его сына Гургена, польстив тем самым надменному Адарнасе. Дрогнуло сердце старика, вернулся он на родину, смирился с арабами, но не удалось ему пожить на родине, удрученный ее судьбой, он вскоре умер в построенном им замке, в Тбилиси.

После преждевременной кончины Гургена эрисмтавари Картли должны были стать или Нерсе Второй или Ашот, и раз Нерсе еще при жизни Гургена, во времена смуты уже был эрисмтаваром, и раз этому в те поры жестоко противились сарацины, то ныне Багдад не должен был препятствовать назначению Ашота — так думали в Картли. Но халиф рассудил иначе. Он сделал эрисмтаваром Картли юного Степаноза, Ашоту же пришлось довольствоваться Бардави. Разгневанный Ашот так туда и не поехал, сидел в Тбилиси и на расстоянии правил своим эриставством.

Не по душе было Ашоту угодничество Степаноза. Даже самого амира ни в грош не ставил Ашот — не посещал джамаат, да и дань собирал как и когда ему заблагорассудится. В Багдаде знали об этом. Именно для укрощения эристава Нерсе и Ашота и был послан в Картли Хаджидж ибн аль-Бабак. Бабак достойно исполнял свой долг, каждый шаг строптивых эриставов был известен в Багдаде.

На первый взгляд, эристави не делали ничего крамольного. Как говорил начальник стражи — непокорный эристави чинят «козни-невидимки», называл их «кротами». Сам же он убежден был в том, что эристави «творят бесчисленные злодеяния» и что угроза владычеству халифата кроется именно в Картли, и именно во дворцах Нерсе и Ашота.

Предложения Хаджиджа ибн аль-Бабака оправдались. Когда амир возвестил в Картли о коленопрекло-

ненном ожидании, лишь два человека не подчинились его приказу.

Эристави Ашот призвал к себе начальника дворцового отряда войск, приказал вооружиться и приготовить-ся в путь.

И во дворце Нерсе раздались звуки рожка и забили в набат. Лучшие стрелки и воины, горящие предвкушением боя, еле сдерживая поводья возбужденных скакунов, собрались у ограды и поклялись своему эристави в верности и в самоотверженности. Около шестисот верховых и шлемоносцев присоединилось к эристави у Цхенистэрпи⁹. Столь же внезапно, под звуки литавр и труб, собрался народ, как когда-то, в славные времена Фарнаоза и Горгасала, столь же едино, как в давние славные времена, каждый, кто мог держать в руке меч и чье сердце страдало при виде ран отчизны, вскочил в седло и взялся за рукоять меча.

Эристави, конечно же, и не собирались начинать военные действия с шестьюстами воинами, и в мыслях у них не было бессмысленного кровопролития, но услышав о приказе амира, оба они, словно сговорившись, велели своим воинам встать под ружье.

Это был именно тот случай, когда голова не судила о том, что творило сердце. Они должны были бежать, в Тбилиси оставаться было нельзя. Ведь совершенно ясно, что они не смогут встретить врага стоя на коленях. Эристави, в сопровождении вооруженного отряда, вышли из Тбилиси через Дигомские ворота.

Удивленными взглядами провожали арабы-караульные воинский отряд, но, раз во главе его гордо восседали на своих скакунах первые эристави Картли, решили, что так оно и должно быть, и не преграждали им путь.

Лишь у ворот Мцхета остановили беглецов. Начальник крепости, араб, вышел им навстречу вместе с небольшим отрядом.

Ничего иного не смог придумать арабский военачальник, не решился заподозрить неладное. Если эристави брались за оружие, то это означало, что они, вместе со своими людьми, входят в арабское войско.

⁹ Цхенистэрпи — один из районов древнего Тбилиси, нынешний Дидубе.

Эристави переглянулись. Начальник крепости стоял перед войском, окруженный копыеносцами, и ждал ответа.

— Солнцеликий халиф миновал Самшвилдэ. Объявлено коленопреклоненное ожидание! — вдруг приказным тоном выкрикнул Ашот.

Нерсе понравилась его находчивость, весть о прибытии халифа могла парализовать мусульманина. И вправду, то ли от страха, то ли от радости араб засюсюкал, сполз с коня и с поклонами приблизился к эристави.

— Солнцеликий халиф? — он удивленно уставился на Нерсе. Его воины тоже спешили, упали на колени лицом к Мекке и провозгласили славу Аллаху. Начальник крепости не сводил с Нерсе взгляда.

— Владыка мира отправляется к хазарам, и на землю Картли ступит его нога, — подтвердил сказанное Нерсе.

— Аллах! — прошептал начальник крепости. — Мамасахлиси не известил нас об этом, — попытался оправдаться он перед эристави и своей свитой.

— Мамасахлиси Гуарам узнал о прибытии халифа будучи в Тбилиси, — успокоил его Ашот.

Тот вскочил на своего скакуна, поднял его на дабы и поскакал прочь. За ним последовал отряд. Начальник крепости поспешил сообщить людям о коленопреклоненном ожидании.

Раз все сошло благополучно, эристави решили не миновать Самтавро¹⁰ и Светицховели, испросить благословение католикоса.

Когда показался купол Светицховели, Григол осадил коня и перекрестился. И воины, и эристави последовали его примеру.

Григол преклонил колено и поцеловал землю. Затем встал и произнес молитву за свой народ и его эристави.

Окрестности Светицховели были опустошены иноверцами. С едва скрываемым гневом оглядывали Ашот и Нерсе окрестности. Католикосу Самоэлу возвестили о прибытии эристави. Трижды ударили колокола

---

¹⁰ Самтавро — местность близ Светицховели, где находится одна из древнейших церквей и монастырь.

на Самтавро и в храме Двенадцати апостолов. Самоэл вышел навстречу высоким гостям, за ними следовал архидьякон с большими восковыми свечами, католикос предводительствовал епископам и старейшинам.

Григол первым пал ниц перед Самоэлом. Припал к его стопам, за ним и эристави.

Католикос осенил новопривывших крестом. Он и не подозревал о том, что означало появление облаченных в доспехи правителей в святыне Светицховели. Но раз он видел перед собой вооруженных воинов, надлежало благословить войско и отечество.

Католикос Картли воздел крест над головой, испросил у Господа прощения и посреди бела дня, при всем честном народе стал посылать проклятья сарацинам и всему халифату. Собравшиеся не верили своим ушам.

— Паства моя, братья и сыновья, воины, надежда и опора Иберии! Грузинская церковь, ее святыне мужи шлют проклятья неверному врагу. Да обнажим наш карающий меч, и да ниспошлет Господь погибель и проклятья врагу!

Анафема тем, кто надел ярмо ига на грузинский народ, кто истязал нас и продолжает истязать.

Да будет проклят Господом и всеми святыми тот, кто отнял у нас родину и как воронье рвет и терзает ее неусыпно.

Анафема тем, кто мучит в темнице агнца Христова, возлюбленного им отрока Або.

Да минует благодать святой Нины того, кто осквернил святыни наши — Джвари и Светицховели, и да падет на него гнев святого Георгия, да будет он проклят и лишен милости двенадцати апостолов!

Да будут прокляты и сгорят в адском пламени те, кто истязал монахов и подверг смертной пытке святого отца Онофрэ.

Да сгинет имя их во веки веков, да не примет земля плоти их и да падет на них гнев небесный.

Да будет проклято имя их ныне, присно и во веки веков, и да убьются их всяк сущий, яко бешеных псов. Аминь!

— Аминь, аминь, аминь, — прокатилось в народе.

— Слава главе нашей церкви! — прокричал кто-то, и народ подхватил:

— Слава! Слава!

Эристави в удивлении переглядывались. Вдруг переди войска взметнулось грузинское знамя. Его передали вперед из рук в руки, и позади эристави стал знаменосец, а рядом с ним, по старинному грузинскому обычаю — копьеносец. Никто не пожелал бы лучшего благословения грузинскому войску!

Самоэл еще раз осенил крестным знаменем воинов, затем, не в силах скрыть волнение, удалился во храм.

Волнение владело всеми — и эристави, и простоледиными. Даже Григол готов был взять в руки меч вместо креста.

Но он быстро пришел в себя, перекрестился и испросил у Господа прощения за греховные помыслы, ведь он был уже слугой Господа, ему не подобало держать рукоять меча, это отныне не его удел.

Григол с крестом в руке ехал на своем коне впереди эристави. Он думал о Самоэле, вспоминал, как грозно светились глаза главы грузинской церкви, когда посреди райского сада слал он проклятия поработителям отчизны. Еще никто не видел архипастыря в таком гневе. «Его схватят», — с горечью думал Григол.

Вдруг за его спиной кто-то бархатистым, гортанным голосом затянул песню. Это был оруженосец эристави Ашот, совсем еще юный, но рано возмужавший юноша. Из самой глубины сердца вырвалась у него песня, и теперь он оглядывал всех ястребиным взглядом, приглашая подхватить ее. Но не пришлось ему ждать. «Мумли мухасао...»¹¹ — грянуло войско. И эристави пели вместе со своими ратниками, несмотря на то, что они еще не миновали Мцхета и вокруг было множество сарацин, провожающих их недоуменными взглядами. Все свои сокровенные думы и помыслы вкладывали воины в песню, еле сдерживая себя, чтобы тотчас не схватиться за меч и не ринуться в бой.

Эристави Ашот направил своего коня к Нерсе.

— Эриставт-эристави! — обратился он к нему, как прежде, — сердце зовет меня в бой!

— Вернемся! — Нерсе осадил коня.

¹¹ «Мумли мухасао» — («Мошкара вокруг дуба...») — грузинская народная песня.

— Пойдем на Уплисхихе¹². Осадим ее с двух сторон — с севера и с востока. Уверен — нас ждет удача. Они быстро завершили свое короткое совещание, чтобы не привлекать внимания войска, и вновь поскакали во главе отряда.

Нерсе по душе пришли слова Ашота.

— Если мы решимся на бой, то главные ворота крепости буду брать я! — тоном, не допускающим возражений, сказал Нерсе, пришпорил коня и поскакал галопом. Воины, стегая своих коней, последовали его примеру.

Нерсе прав, об этом нечего было и говорить. Но не это главное. Главное то, что он согласился с Ашотом, что и он предпочел дать бой арабам. «Пусть прольется кровь, даже если нас ждет поражение», — упрямо думал Ашот. При упоминании Уплисхихе Нерсе овладело желание сразиться. «Сам Господь ведет нас на битву», — думал он. Если им будет сопутствовать удача, они возьмут Уплисхихе и укрепятся там. Поначалу они бы только защищались, затем постепенно к ним стали бы присоединяться люди из Картли, Кахети, можно было бы и в Абхазети послать гонцов, на деле проверить Божественный союз.

Въехав в рошу, эристави объявили привал. Надо было посоветоваться. Воины спешили, распрягли коней, Ашот изложил план боя. Войско должно разделиться надвое. Один отряд последует по Мухранской долине в сторону Куэрнаки¹³. Другой двинется вверх по течению Куры до Квахврели¹⁴. Напасть одновременно они бы не смогли, но, по мнению Ашота, именно это и принесло бы им победу. Они должны были двигаться с одинаковой скоростью, всего лишь раз остановившись на привал. Заход солнца должен был служить сигналом к началу боя.

— Так вот, братья! Крепость находится здесь, — Ашот рисовал на песке план боя концом хлыста, — мы

¹² Уплисхихе — скальный город, одно из древнейших поселений на Кавказе.

¹³ Куэрнаки (Квернаки) — холмистая гряда в Восточной Грузии.

¹⁴ Квахврели — село в районе Гори.

ударим с севера, те, что подступают с востока, запаздывают. Иноверцы основные силы бросят на защиту главных ворот. Мы же, те, кто двинется с востока, разделимся надвое. Пересечем Куру и неожиданно ударим по врагу. Решат, небось, что вся Картли двинулась на Уплисцихе и призовут к себе защищающих главные ворота. Вот тогда отряд Нерсе и обрушит на врага смертоносный меч и с победными возгласами мы с двух сторон ворвемся в город.

Ашот закончил свою речь, подошел к Григолу и поцеловал висевший на его груди крест.

Эристави подвели оседланных жеребцов. Они вооружились щитами, обтянутыми барсовой кожей, вскочили на коней, пожелали друг другу удачи, и Нерсе повел свой отряд вброд через Куру на Мухрани, а Ашот — берегом, на Квахврели.

Как и было условлено, первый удар нанес Нерсе со своим отрядом. Словно вихрь, пронесся он по скалистым дорогам Уплисцихе.

Предположения Ашота оправдывались — брать Уплисцихе надо именно небольшим конным отрядом, тогда можно смело маневрировать в скалах.

Через главные ворота крепости проходили торговые караваны и воинские отряды. Установленные между двумя отвесными скалами, они были достаточно широки. Но числом, как известно, войны не выиграть, а в скалистой местности и вовсе не развернуться, лишь десять-пятнадцать всадников могли одновременно нанести удар, остальные только топтались в арьергарде. Но это и устраивало малочисленное грузинское войско. Двум десяткам отважных бойцов следовало прокладывать путь остальному войску.

Первым в бой ринулся Нерсе, первым скрестил с сарацинами меч, первым поразил врага. На узких тропинках верхом на своем жеребце Нерсе казался скалой среди скал, молнией сверкал его разящий меч.

Нерсе отобрал лучших из лучших, статных, стройных, отважных и сильных воинов. Как мухи кружились вокруг них враги, но ни на шаг не отступали славные воины.

Такова была первая схватка. А в самой Уплисцихе

трубили тревогу. Начальник крепости поспешно бросил к городским воротам все оборонительные отряды. Началась кровавая бойня. Нерсе отдал приказ к отступлению. Надо было медленно отходить. Солнце клонилось к закату, хотя его и не было видно за высокими скалами. В ущелье нависали сумерки. Вскоре должен был подоспеть Ашот. Вновь затрубили бы трубы на крепостных стенах, и часть войска сарацин развернулась бы, чтобы дать бой напавшей с тыла коннице. Вот тогда-то Нерсе и ударил бы с новой силой и победа была бы неминуема.

Так думал отважный эристави, геройски орудя мечом и вслушиваясь в рокошующие звуки битвы. Но произошло то, чего, пройдя безбедно столь долгий путь, никто не мог и предположить.

Именно в тот момент, когда грузинское войско разделилось надвое, дабы с двух сторон напасть на Уплисцихе, во Мцхета прибыл посланный в погоню за бунтовщиками отряд в пятьсот всадников. Отряд тот поздно выехал из Тбилиси — его всячески задерживал Степаноз. Правда, эрисмтавари был изрядно зол на дядьев, сам готов был заточить их в темницы, но смерти им не желал. А Хаджидж ибн аль-Бабак посылал в погоню отборных молодцов, и встреча с ними грозила самым страшным. Что только ни придумывал Степаноз, даже самого амира просил простить беглецов, но не сумел уговорить его.

Отряд миновал Мцхета на полном ходу. В прибрежной роще арабам повстречался пастушок. «Не встречал ли ты здесь грузинское воинство?» — спросил его предводитель. Мальчик указал пальцем в сторону Мухрани. Отряд помчался по указанному пути. Нерсе и не подозревал о том, что погоня следует за ним по пятам.

И лишь почувствовав смятение в задних рядах, лишь услышав за своей спиной крики и брань, очнулся эристави Нерсе. Дрогнули славные ряды грузинского войска. Началась кровавая сеча.

Нерсе развернул коня и оглядел свое поредевшее войско. Враг наступал с тыла. «Погоня!» — пронеслось в сознании, и он ринулся назад, на поддержку своему арьергарду. Но было уже поздно. Враг перекрыл все пути. Увидев, что Нерсе повернул коня, защитники кре-

пости тотчас усилили напор и взяли верх. На глазах у Нерсе арабы жестоко рубили грузинских воинов и безжалостно топтали раненых копытами своих коней. Кровь грузин рекой лилась по ущелью.

Словно воронье, вились сарацины вокруг Нерсе. И никак не одолеть бы им славного героя, если бы не подвел его белый жеребец. И даже упрекнуть-то коня не в чем, не пожелало благородное животное топтать копытами усеявшие поле трупы, смятенно металось из стороны в сторону, словно слыша стоны порубленных. И не рассчитал жеребец прыжок, и случилось — вздыбившись, опустил копытами на раненого, раненый застонал, и заржал скакун, отпрянул в сторону, но, натолкнувшись на груды трупов, не сдержал равновесия и рухнул на колени.

Нерсе упал с седла. Тут же, словно мухи, облепили его враги и ударили мечом в спину. Все новые и новые сарацины с гиканьем и свистом окружали его. Удар мечом был смертелен. Но разве стали неверные дожидаться смерти эристава. Они растоптали его тело копытами коней, затем впопыхах, опережая друг друга, спешили, отсекали ему мечом голову, бросили в хурджин, вскочили на своих коней и помчались прочь. Хаджиджу ибн аль-Бабаку был приготовлен дорогой подарок.

Войско эристава Ашота смяло отряд, защищающий горные подступы, напало на сторожевую башню. Убили дозорных и сквозь тайные ворота проникли в город. До осуществления задуманного оставалось совсем немного. Крепость оставалась без защиты. Издалека доносились звуки труб и бой барабанов. Но именно в этот миг раздалось вражеское гиканье и на отряд обрушилась арабская конница, градом посыпались стрелы. Ашот ожидал встретить победоносное войско Нерсе, и теперь, видя перед собой море арабов, не верил своим глазам. Неожиданную беду встретил эристава достойно. Не с одним и не с двумя сарацинами сражался он разом — с десятью. А их становилось все больше. Разгорелась неравная сеча. Теперь уже Ашот не прочь был бы и повернуть назад. Пора было думать не об отступлении, а о бегстве. Но и бежать было уже некуда. Каждого грузина окружало десять, а то и пятнадцать арабов. И все же Ашот сумел отбросить врагов и ринуться на помощь тем, кому приходилось наиболее тяжело.

В отряде Ашота остались в живых лишь десять отважных воинов. Молниеносно врезались их кони в водоворот Куры, даже не ища брода, а по пятам за ними мчались с гиканьем сарацины. Солнце клонилось к закату и нависающая тень обещала укрыть беглецов.

Иноверцы и вправду не решились переправиться через Куру, лишь с берега посылали вдогонку отряду стрелы, не видя цели, наугад, и свист их был слышен беглецам.

Наконец всадники выбрались на берег. Стояла темная ночь. Но это было им на руку. В темноте легче скрыться от врага, а дорогу они как-нибудь отыщут.

Промокшие, продрогшие и изнуренные ехали они шагом по окутанным тьмой пригоркам, держа путь на Зедавела. Оттуда близко Триалети¹⁵, а там уж недалек путь на Тао-Кларджети.

На следующий день тбилисцев вновь выгнали на улицы. Вновь на берегах Куры собралось множество народа.

«На колени!» — кричали стражники и стегали плетками каждого, кто не успевал вовремя подчиниться их приказу.

Проверить готовность народа прибыли амир, эрисмтавари и начальник стражи. Прежде чем самим встать на колени, им хотелось лицезреть коленопреклоненный народ.

Народ был готов к встрече халифа. Весь Тбилиси стоял на коленях. И не только Тбилиси, вся Картли ждала коленопреклоненной, но эрисмтавари тем не менее не мог угомониться. Даже этого ему было мало, и он решил, что следует также усладить халифа плясками на площади. Он призвал Микаэла и доверил ему свои мысли. О задуманном не должен был знать никто. Даже амир. Когда халиф приблизился бы ко дворцу, из стоящей на коленях толпы должны были подняться девушки и закружить в плавном танце. Нужно было отыскать в толпе самых красивых девушек. И если улыбнется счастье и какая-то приглянется халифу, то он отдаст ее ему в дар, а если все приглянется, то и всех отдаст. Правда, амир преподнесет халифу золото и сереб-

¹⁵ Триалети — область в Нижней Картли.

ро. Но и Степаноз не собирался ударить в грязь лицом. Ведь красивые грузинки ценились у хазаров и арабов больше, чем золото и серебро.

Подношение приготовил и Хаджидж ибн аль-Бабак — голову Нерсе. Он держал это в глубокой тайне, которую и амир, и джамаат должны были узнать лишь тогда, когда владыка мира возьмет подношение в руки.

Бабак поведал амиру о поражении грузин при Уплисцихе, но о том, что ему привезли голову эристави Нерсе не сказал ни слова. Но шила в мешке не утаишь. Вихрем разнеслась в народе весть — порубили множество грузин у Уплисцихе, отрубили Нерсе голову и привезли в Тбилиси.

Иоанн не верил в то, о чем шептались стоящие вокруг него на коленях люди.

— Это, оказывается, правда, в живых никого не осталось, — сообщил отцу подбежавший Микаэл и вновь, низко согнувшись, куда-то умчался.

Конечно же, стражники знали его в лицо, но излишняя осторожность не помешает.

— Сотник говорит, что всех перебили до единого, — убеждал Иоанна стоящий рядом старик-рыболов, чернявый, как турок, дед Ниния.

— Эристави нет в живых? Так он сказал? — в тревоге прервал его Иоанн.

Он обнажил голову и медленно поднялся на ноги. Молча стоял он, словно окаменев на месте.

«На колени!» — кричал ему возникший откуда ни возьмись всадник. Но Иоанн не слышал его.

Молниеносно подскочил к нему стражник и полоснул по лицу плеткой из коровьих жил.

Иоанн даже не шевельнулся. Лишь осенил себя крестным знаменем.

Подбежали разгуливающие неподалеку стражники и тоже обрушились на Иоанна. Кровь струилась по его лицу, еще немного, и он просто рухнул бы на землю. И тут, словно сговорившись, поднялись с колен грузинские юноши и обнажили в память о павших головы. Стражники оставили Иоанна, поторопились к ним, размахивая плетками и батогами. Но все новые и новые юноши поднимались с колен и обнажали головы, стано-

вась плечом к плечу. Иоанн оглянулся по сторонам, ища того, кто избавил его от стражников.

Гордо и мужественно стояли юноши, осеняя себя крестным знамением. Кровь текла по их лицам, а стражники все продолжали осыпать их побоями. Лицо одного совсем еще молодого парнишки показалось Иоанну знакомым. Он пригляделся внимательнее и, узнав, не поверил своим глазам — это был Кецеца.

Амира и весь джамаат охватил ужас. То и дело призывал Хаджидж ибн аль-Бабак стражников и выговаривал за то, что не удается им поставить на колени «этих сопляков». Эрисмтавари никак не мог понять юнцов. Если они хотят почтить память павших, то напротив, им надлежит преклонить колени. И разве нельзя обнажить голову коленопреклоненными?

Но ни угрозы, ни побои не могли сломить молодых людей.

Иоанн больше не мог стоять, — опустившись на колени, вытирал он окровавленное лицо, не спуская глаз со своих юных сподвижников.

«Они отдали дань несгибаемому духу Нерсе», — думал он и сердце его переполняла гордость. Значит, не сломился грузинский народ, значит, теплился еще в нем огонек свободолюбия, не удалось иноверцам истребить, выкорчевать в народе гордость и волю. Кровь, пролитая у Уплисхихе, еще не остыла, но уже поднялись ростки, орошенные ею.

Степаноз вынужден был самолично приструнить неразумных строптивцев, ведь халиф мог каждую минуту появиться в городе. К каждому в отдельности подходил Степаноз и каждого в отдельности просил смириться. Побитые батогами и плетью, с окровавленными лицами и спинами, внимали юноши его увещаниям и опускались на колени.

Микаэл же в это время рыскал среди стоящих на коленах людей в поисках красивых девушек. И свою Ано он тоже выбрал, гордясь тем, что исполняет поручение эрисмтавари. Правда, на миг ему даже стало страшно — вдруг Ано понравится халифу, и он отнимет ее у него. Но ведь когда еще представится случай показать свою Ано всему миру. В это время пронеслась весть — «Едут!»

Стражники в последний раз окинули стоящих на коленях людей грозными взглядами. Народ замер, затаил дыхание. Распахнулись главные городские ворота, и в них показался небольшой конный отряд — это были тбилисские стражники, они указывали дорогу высоким гостям. За пешими копыеносцами следовал на черном коне, разукрашенном красными лентами, какой-то юноша и оглядывался по сторонам. Рядом с ним ехал крепкий, жилистый человек с проседью. Оба вели своих коней шагом. Пешие воины шли, высоко подняв обнаженные мечи, охраняя своего господина. Шествие замыкали лучники.

Амир, шуртадмтавари и эрисмтавари в удивлении переглядывались — ждали халифа, а вместо него появился какой-то юнец. Они никогда не бывали при дворе халифа, никогда не видели его и теперь растерянно недоумевали — прислали хотя бы визиря, а этот кто таков? Но теперь уже для обид не оставалось времени, кто бы ни был этот юноша, он был прислан халифом, и амир двинулся ему навстречу. Людское море, стоящее на коленях, расступилось, дав дорогу идущим навстречу гостям. Четверо молодцов несли навстречу прибывшим огромный поднос с драгоценными дарами. За ними следовали амир, Хаджидж ибн аль-Бабак, Степаноз и весь остальной джамаат. Высоко подняв поднос и радостно улыбаясь, встретил прибывших амир.

Высокие гости даже не взглянули на преподнесенные им богатства. Они улыбались толпе и махали рукой. Так, сопровождаемые приветствиями и радостными возгласами, достигли они дворца амира. На дворцовой площади образовали большой круг, в котором плясали юные красавицы. Амир удивленно смотрел на Хаджидж ибн аль-Бабака, Бабак пожимал плечами, эрисмтавари улыбался и кивал головой амиру — мол, моя то заслуга.

А девушки, взявшись за руки, грациозно выгнув шеи, плавно проплывали перед гостем. Угадали Степаноз в Микаэл — танцующие девушки пришли по вкусу людям халифа, настроили их на дружелюбный лад. Теперь наступал черед Хаджидж ибн аль-Бабака, пришло время ему доказать свою преданность. Он сделал знак стражникам и тотчас подали ему в руки окровавленный хурджин.

Бабак разорвал цепочку танцующих, приблизился к гостям и поднес им хурджин. С отвращением и брезгливостью смотрели гости на хурджин, о чем-то перешептываясь по-арабски и повторяя имя Нерсе. Нерсе... — словно задохнулась вся площадь. Один из стражников поддел окровавленный хурджин копьем и поднял высоко над головой, показывая всему народу. Танцевавшие девушки разбежались, а стоящие на коленях люди в ужасе прикрывали глаза руками.

Гости спешили и скрылись во дворце, амир и джамаат последовали за ними. Люди постепенно расходились, в страхе оглядываясь по сторонам.

Из прибывших высоких гостей один оказался советником халифа, а другой — юным Али Хасаном. Советник созвал джамаат и провозгласил Али Хасана амиром, отстранив тем самым от дел Саида ибн аль-Хаиса ибн Шуаба, или, как его называли в Тбилиси, амира Саида.

Советник пожелал новоиспеченному амиру удачи и, покинув джамаат, продолжил свой путь к хазарам — он вез письма халифа к хану.

Саид в ту же ночь вместе со всем семейством, родственниками и приближенными бежал — испугался, как бы не заточили его в темницу.

Сменив амира, халиф Мосе аль-Мумни завоевал сердца грузин.

Новый амир, Али Хасан, казалось, был настроен по отношению к грузинам весьма благожелательно. Он тотчас велел ликвидировать конюшни в монастыре и вернуть его законным владельцам, восстановив тем самым справедливость.

Иоанн Сабанисдзе с недоверием отнесся к новому амиру. Но после того, как ему действительно вернули его монастырь, окрыленный отправился к Самоэлу сообщить ему радостное известие. И раз новый амир оказался столь милостив, то появилась у Иоанна надежда — вдруг и Або удастся ему вызволить.

Иоанн полностью посвятил себя заботам о юноше. И вернул-таки старый монах с того света своего духовного сына. Каких только врачей не приводил он к нему, какие только бальзамы не добывал, какие молитвы не произносил во имя его выздоровления.

Настал день, когда юноша открыл глаза, взглянул вопросительно на своего учителя и спросил: «Где я?» Иоани рассказал все, что с ним приключилось и поведал о том, что во что бы то ни стало должен он вернуться в свою веру — эрисмтавари поклялся в этом во дворце.

Ученик улыбнулся своему учителю и тихо произнес: — Кто постиг однажды истинную веру, не отступит от нее.

Иоани впал в раздумье. Разве для того жаждал он освободить Або, чтобы вновь сделать из него мусульманина? Неужто должен он погасить огонь, который сам раздул?

Юноша лежал в монастыре, устремив молитвенный взор на его величественные своды.

— И Григол тоже не вернулся? — спросил он учителя.

— Нет, Григол не вернулся — живым его не видели, а среди мертвых не нашли...

Но день ото дня сомнения все сильнее овладевали сердцем Иоанна, не оставляла его тревога за поручительство Степаноза: ведь Або даже не мыслил себе возвращения в прежнюю веру. Иоани же не смел настаивать на этом. Напротив, ему и его народу Або нужен был живым и верующим во Христа. Степаноза ждала жестокая кара.

— Тогда, я прошу тебя, храни веру в душе своей, не входи открыто в наши храмы, — с мольбой в голосе произнес Иоани.

— Я уповаю на Господа моего, ты же сам учил меня, отец мой, тому, что гласит Писание: «И зажегши свеч, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме». Так к чему скрывать истинный свет, который осенила меня вера Христова, вера Спасителя нашего...

Сердце Иоанна исполнилось гордостью. Он видел перед собой верующего, коего никто не мог бы свратить с пути истинного. Господь создал его для духовной жизни, другой жизни он не знал и не хотел знать.

Продолжение следует

Перевод Динары КОНДАХСАЗОВОЙ

Сад наслаждений

мистерия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

И долго ль, коротко Поэт
замаял взор, заветрил грудь,
но одолел свой крестный путь
в пять тысяч дум, в пять тысяч лет.

И захоlóнуло зверье,
как если б Шивы грозный лик
в потемки грешные проник
души и выстудил ее.

И содрогнулась твердь вдали,
разъялась дюжина дверей,
и в каждой встал глава зверей
великий Энцо — пуп земли,

не зверь, не птица... Наконец
воззвали двери, грянул глас,
и через все двенадцать враз
шагнул нечаянный истец.

Пришельцу стул предложен был:
мореный дуб, лиловый тик.
И гость молитвенно поник.
И Энцо лоб перекрестил.

— Зачем пожаловал? — рекли
глаза владыки рифмачу.

Журнальный вариант.

— Поведать скорбь мою хочу.
И замер сброд всея земли.

II

«Итак... Однажды Лев, томим
печалью раненой овцы,
вскричал: — Ликуйте, стервецы!
Вот Гусь, что спас когда-то Рим.

— Гусь — брав! — проквাকাла орда
болотных дэвов невпопад.
Тер Шимпанзе плешивый зад,
зело румяный от стыда.

А между тем по мостовой,
отмытой псами добела,
надутый Гусь влачил крыла
и тряс надменно головой.

Он голосил во весь опор
про обретенье вольных прав.
И, гордо головы задрав,
жирафы правили дозор.

Плечо к плечу пылил обочь
эскорт шакалов и лисиц
из облеченных властью лиц,
зевак отбрасывая прочь.

И только Змей лежал плашмя
и все шипел, таясь, как тать:
— Хорош! Хорош! Какая статья! —
враздрай чешуями гремя.

Он словно тщился угадать,
стреляя узким языком,
что происходит и в каком
отныне боге — благодать.

— Иль это Гусь? — И, смех дробя,
прикрыл печальные глаза. —
По мне, он — Селезень... И за-
вернулся в самого себя.

— Тот Гусь? И это не вранье? —
роптала кротко мелюзга,
в копыта тычась и рога.
Но что им было до нее.

И, заслоня белый свет,
Медведь качался, как беда.
— Где Гусь? — туда. — Кто Гусь? — сюда.
Простим его за младость лет.

— Да ты — невежа! — тут как тут
блеснуло тусклое пенсне.
Пойди проспись... И, как во сне,
пропал Медведь.

●
Вершился суд,
скрипел юродивым пером,
блюдя державный интерес.
Медвежий род редел, как лес
под беспощадным топором.

В том смысл насущный и простой
всесильный Бестия узрел,
ведь мир изрядно надоел
ему излишней пестротой.

IV

И тут на шум и свет из тьмы
пробился черный нос Крота.
Толпа разинула уста
и в крик: — О нем забыли мы!

Он держит нас за дураков!
И ну шипеть, визжать, рычать.
— На нем лазутчика печать!
Но Крот чихнул и был таков.

И Коршун сыску тон задал:
— Живей вдогон! Берите след!
Нашли? — Увы. — Скрутили? — Нет.
А Зяблик вякнул: — Не видал.

-
- Ты слеп иль нет? — Как будто так.
— Ты лжешь иль нет? — Как будто так.
— Так нет иль да? — Как будто так.
— Да ты на рассказы мастак!

Сощурил Ястреб желтый глаз,
два уха вытянул в одно:
— Понять язык твой мудрено.
Пошли! Обучишь темных нас.

— Тебе ли, хват, в ученики! —
озлился Коршун. Но уже,
как лунный луч на витраже,
сверкнули Ястреба зрачки.

И видит Зяблик, что врата
в зарю смыкаются и, зла,
не дух, но взор объемлет мгла
черней, чем шкура у Крота.

V

— Крот! — ярый вскинулся галдеж. —
Ужо дадим ему урок!
Лишь Аист с хохотом изрек:
— Лукавишь, Змей! Ведь это Еж.

Нашли припек, где грел бока
в мечте и дреме мнимый Крот.
Лежит, не ведая забот,
и вслух считает облака.

— Скажи, где Крот следы замел.
Стань спицей в нашем колесе.
И Еж на стороны на все
седыми иглами повел.

И Змей уткнулся в зеленя.
И, мир сей зная назубок,
в колючий съежилась клубок
живая тварь от злобы дня.

— Все говорят — неуязвим.
Но ты, трава, мокра от слез...
До глаз оружием оброс.
Лишь тем, пожалуй, и храним.

VI

— Тебе ли, Червь, впадать в тоску?
Счастливым был и будешь впредь.
А каково их мне терпеть,
тупиц ничтожных — Ишаку?

Ты кладь на круп не возлагал
и не терпел лихой поклеп...
И Червяку на темя — шлеп! —
и вдаль понуро зашагал.

Очнулся Червь: — И поделом!
Сидеть бы мне в своем дому...
Ишачий срам на плешь тому,
кто рыщет с мокрым помелом.

VII

А вот картина — сущий бред:
Быку набалтывает Волк:
— Мой друг! В рогах я знаю толк.
Знать, за Коровой глаза нет.

Блоха от смеха чуть жива:
— Эй, Бык! Рогам твоим хвала!
Но как Быком назвать Вола?
Эй, Вол — пустая голова!

Как огонь терзающий возник
под сердцем бычьим... И с тоской
несуществующей рукой
рванул он душный воротник.

VIII

У вод Урго, текущих в ад,
крадущих тени у земли,
спор Авель с Каином вели.
Один — безрог, другой — рогат.

— Где рог твой, Авель? — Не сердчай!
Бог не дал. Иль не повезло?
— Мне должно, брат, содеять зло.
— В том нет ума, а есть печаль.

Изгнавший тьму из сердца раз
умеет больше, чем злодей.

— Мне должно выбить из людей
безрогий дух... — Ты агнецв пас!

Ты брат мне, Каин! — Братства нет,
а есть вражда и зависть. Но
тебе постичь не суждено
того, что знает целый свет.

— Ты, верно, прав... А виноват
в том, что завидуешь с пелен
тому, кто рогом обделен...

— Тогда умри, несчастный брат!

Померкли Авеля глаза.

Слетел Комар на смертный вздох:

— Чтоб я ослеп! Чтоб я оглох!

И все Фазану рассказал.

● Арш-два! — О страждущих не плачь!

Арш-два! — Забудь про рай и ад!

Арш-два — вперед! Арш-два — назад!

Руками — встречь. Ногами — вскачь.

Один иль двое? Там иль тут?

Под скользким пологом знамен

без лиц, без чести, без имен

Верзила с Карликом идут.

— Что есть в колодце, то и пьем...

— Заметано! Идут. Блажат.

А звезды зябнут и дрожат

во весь туманный оком.

IX

— О край возлюбленных болот!

Надежды слабая слега...

Я — твой Комар и твой слуга.
Помилосердствуй! — Идиот!

Отныне — край прозрачных вод.
Взашей загнали на межу
и пнули в зад. — Зудишь? — Зужу.
— А мутишь воду и народ.

— Я протестую! — Сукин кот!
Пустили юшку по ножу
и пнули в зад. — Зудишь? — Зужу.
— А мутишь воду и народ.

— Нет, нет! Ручей! Водоворот!
Все сплошь — прозрачная вода!
— Что скажешь, Карлик? — Ерунда!
Пускай висит. Не видишь — врет.

— О горе мне! Когда б спасти
могла Фазания от врак...
— Итак, Фазан?.. К тому же — враг?
Пора и с ним расчет свести.

— Он нам ответит головой!
— Итак, вперед!.. Но впереди
лежал Фазан с дырой в груди,
и дым синел пороховой.

●
— Стоп! — режиссер нахмурил взгляд. —
Дать роль другому. Этот — плох.
И вдруг услышал чей-то вздох
«и вправду помер...». Сплюнул яд.

Поднялся. Понял — слух не лжив.
И глянул вверх: подать рукой
Комар, висевший вниз башкой,
скулил и радовался — жив!

XI
Журавль, писатель, чья болезнь —
стило, Гиеной был смущен.
— Как пишется? Уже? Еще?
— Как вам угодно, ваша честь.

Теперь сам черт не разберет,
где вьется тело, где душа.

Бежать мне впору от греха.
Куда? Летучей Мыши тень
упала сверху. — Сгинь, мигрень! —
взъярился Коршун. — Потроха

мне выел твой плачевный вид.
Ты белым днем совсем Гомер.
Иль ночь твоя, коль есть пример,
стать «Илиадой» норовит?

— Спаси от Каина меня,
от злой тоски по рубежу,
где сгинул Зяблик — я скажу,
чем ночь пленительнее дня.

Отраден труд и сладок пот.
И мысль-гора сначала — мышь,
помет мышиный, а глядишь —
и дnevью правит без хлопот.

В единый мах свечой стгорел
и канул Коршун в ночь и тьму.
Но было знаменье ему,
что не ослеп он, а прозрел.

Прозрачный легкий звук дрожал
вокруг. Не всякий слушал, но
все знали твердо и давно,
что небу он принадлежал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

И вновь, как эхо: — Славься, Гусь!
Забилась Муха в сетях мук.
— Сгинь! — осадил ее Паук. —
Я за себя не поручусь.

— Да это свинство, наконец! —
взял Гусь индеек на испуг. —

С тех пор, как листья бранных книг
вы мудро предали Огню,
я зло подрезал на корню
и сжег постыдный черновик .

Гиена брызнула слюной:
— Что мыслишь впредь — неужто мстить?
— Вторую ногу опустить.
Неловко, право, на одной.

— На то закон, а не подвох,
Создателя и иже с ним...
Кивнула бегло и засим
ушла на всех на четырех.

ХП

И полыхнул среди двора
Огонь, пол-мира опалив.
Под хохот дьяволов и див
испепелялась книг гора.

Споткнулся Ветер, как ослеп.
Вскричал отчаянно: — Огонь!
Молю, души моей не тронь,
покуда дух мой не окреп!

Зачахнет лес к исходу дня
без песни утренней моей.
Изнемогаю! Пожалей!
— Приди в объятия Огня!

И Ветер пеплом лег в костер...
Но Солнце брызнуло сквозь дым.
И вновь, как Феникс, невредим
он крылья вольные простер.

И листья сон свой отрясли.
И Воробей взлетел, крылат.
И семь дубов на вешний лад
Хасанбегури вознесли.

ХШ

Очнулся Коршун, чуть дыша.
— Я мертв и холоден, как лед.

Теперь сам черт не разберет,
где вьется тело, где душа.

Бежать мне впору от греха.
Куда? Летучей Мыши тень
упала сверху. — Сгинь, мигрень! —
взъярился Коршун. — Потроха

мне выел твой плачевный вид.
Ты белым днем совсем Гомер.
Иль ночь твоя, коль есть пример,
стать «Илиадой» норовит?

— Спаси от Каина меня,
от злой тоски по рубежу,
где сгинул Зяблик — я скажу,
чем ночь пленительнее дня.

Отраден труд и сладок пот.
И мысль-гора сначала — мышь,
помет мышиный, а глядишь —
и дnevью правит без хлопот.

В единый мах свечой стгорел
и канул Коршун в ночь и тьму.
Но было знаменье ему,
что не ослеп он, а прозрел.

Прозрачный легкий звук дрожал
вокруг. Не всякий слушал, но
все знали твердо и давно,
что небу он принадлежал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

И вновь, как эхо: — Славься, Гусь!
Забилась Муха в сетях мук.
— Сгинь! — осадил ее Паук. —
Я за себя не поручусь.

— Да это свинство, наконец! —
взял Гусь индеек на испуг. —

Коль я не пыжусь, как индюк,
так я уже не молодец?

Индейки обмерли: — Погром!
Спасайся! Шухер! Цоб-цобе!
И дружно бросились к арбе,
груженной снedyю и добром.

В чужой попрыгали рундук,
вращая шеи наголо.
Ну чистый Аспид в сто голов,
поелику ни ног, ни рук.

— Господь! Суди и покарай,
низвергни извергов в навоз,
что обрекли нас на извоз.
Наследуй, Канн, чудный край.

II

Решили свиньи в ночь тщеты
себя от глаза уберечь:
— Уж лучше нам в могилу лечь.
И вгрызлись в землю, как кроты.

Усугубляя мор и мрак,
вконец их Квакша извела:

— Не эдак подлые дела
вершатся нынче, а вот так...

Вот так... Взвыл Бестолочь вприщур,

— Не ждал я козней от свиней.

Сто лет сражений вас верней
научат... — Это чересчур!

— А потому, когда урон
мы терпим, ибо вокруг враги,
вам... (— Вправь им, Бестолочь, мозги!)
...здесь места нет. Ступайте вон!

III

Прошли, сметая пыль с погон,
немалый путь, не сбились с ног.

— Смелей, смелей на огонек,
то бишь пожалуйте — в огонь!

Теперь вы дома, не в гостях.
Сюда — кулак! Туда — сапог!
— Как вынести, помилуй бог,
столетний танец на костях?

Туда-сюда! — Мой час настал.
Туда-сюда! — Прощай, жена.
Туда-сюда! — Моя ль вина.
Туда-сюда! — Я Вепрем стал.

Под дых и в пах! Круши! Коли!
Наотмашь! С хрустом! Впроворот!
Сапог — под ребра! Штык — в живот!
Ой, ди-ди, ладо, дель-люди...

IV

И минул сотый год войны.
И выжил, и пришел домой
Кабан, увечный и хромой,
но ненаглядный для жены.

— Тебя в окопах съела вошь.
— Зато рыгается врагу
и на траве и на снегу.
— Тогда зачем ты слезы льешь?

— На мне судьба сломала плетъ.
Из всех своих и всех чужих
меня оставила в живых,
чтоб мне от горя околетъ.

V

Валюсь от голода с копыт.
Где наша курица, Коко?
— Давно ушла. — И далеко?
— Зажарь меня и будешь сыт.
— Ты шутишь? — Был бы интерес.
На сотню верст — шаром кати,

лишь я с тоски, да ты с пути.
Решайся! Времени в обрез.

— Стыдись! Я все ж не людоед.
Мне не впервые натошак
глазеть, как пляшут свет и мрак
под барабаны гиблых лет.

Мы не покинем этот край.
Да будет жизнь, где был падеж!
— Не мешкай! С голоду помрешь.
Вот нож и вертел. Начинай!

VI

— Уймись! — сказал Кабан жене.
...И Ангел в круг добра и зла
внес две свечи и два крыла:
— Не совершайте грех вдвойне!

— А ты кто будешь? — Я — Цател¹.
Давно я к вам направил путь.
— Обед наш пуст, не обессудь.
Уж больно скоро прилетел.

— Не в этом суть. Я — о другом.
Отныне вы отомщены,
казнен наместник Сатаны.
— Черт с ним! Заесть бы пирогом.

Видать, упас его завет
и от сумы и от тюрьмы.
— Тогда утешьтесь, ибо тьмы
такой не ведал белый свет.

Когда — на то и божий дар —
я всем и вся до самых жил
нутро убийцы обнажил,
хватил разбойника удар.

Хрипел: — Не будь я свинопас,
отстал наш край?! Грешно его

¹ Производное от «небесный».

равнять с державой Ого-го!
Ты поспешил! Всему свой час!

Потом ударился блажить,
слезясь, как поляя вода,
и утверждал, что от стыда.
— Коль стыд съедобен, можно жить.

— Молчи! — Кабан сказал Коко,
глухую сдерживая злость. —
Ты трижды прав, крылатый гость.
А свечи? Что в них? Высоко

горят, не тают от огня...
— То есть добра пречистый свет.
Ему вовек изъяна нет.
Да корм, признаться, не в коня,

коль скудоумие пока
в округе вашей — фаворит.
Где Квакша глупая царит,
там Соловью намнут бока.

Душа — сияние небес.
Плоть — вожделение одно.
— О чем ты? — То-то и оно... —
Вздохнул Цател и враз исчез.

— Да где же он? Опять обман?
— Кто знает... Плавилась заря,
— Цател! — Коко взывала зря
— Цател! — напрасно звал Кабан.

VII

Уныл от долгого поста
и на безрыбье не у дел
глаз Пеликана разглядел
два холодных тела без креста.

Их примирил умерший страх
с уделом, богом и зимой,
два камня Памяти немой,
две правды о семи ногах.

Спешил он к озеру... Но прочь
ушла вода в сухой прогал.
Один Малек изнемогал:
— Ничем, ничем нельзя помочь!

И Пеликан, как Осетра
с чужого блюда под смешок,
поклал в свой кожаный мешок
беду, большую, как гора,
и опочил...

VIII

— Взметни подол
до звезд, хранительница тьма!
И, словно черная чума,
кротовый род усеял дол.

Садилось солнце, и луна
едва желтела, ибо роль
светил, влиятельных дотоль,
была никчемна и темна.

Казалось, ныне и по гроб
Не будет новости важней,
чем изваянье двух свиней
и Пеликана вздутый зоб.

Светясь, как фосфор на часах,
лес доступ к таинству открыл.
И легион кротовых рыл
его, как гребнем, прочесал.

Пейзаж невзрачен и убог,
как нам и сниться не могло.
Всего и проку, что светло,
а в остальном — избави бог!

Кто жаждет солнца — еретик!
А ересь вытравить пора.
Итак, да здравствует нора!
И, испустив истошный крик,
пропали...

IX

Гусь в державный раж
вошел и так себя трудил,
что еле дух переводил,
сдавая задом в экипаж.

Но вечер близил благодать.
И Лебедь Валю в два крыла
истома сладкая влекла
герою почести воздать.

— Вот, — сонно думала Сова, —
что значит знание основ.
По-русски Гусь чесать здоров,
как редкий русский... Голова!

X

— Пора, пора в конце концов
Собратся с мыслями всерьез! —
взывал Осел, жуя овес,
чей мозг был гладок, как яйцо. —

Родная сыть умом крепка.
Так и чужая не во мгле.
Лишь нашим Небу и Земле
быть Гусю храмом на века.

И греза благостным крылом
насущный осенила путь,
округла, как лебязья грудь,
светла, как храмовый шелом.

Быки опешили зело...
— Достоин памятника он,
великий Гусь! Со всех сторон
в том прок, чтоб вам так повезло!

XI

— Иль это сон?! — катился ком.
Ломали шапки все и вся,
когда история Гуся
достигла Рима прямиком.

— Так мир обрел его... — Обрел! —
поддакнул Форум. — Быть сему!
Ста лет вам хватит? — Как кому...
— Доставлю! — вызвался Орел.

Сто лет прошло и семь еще,
Орла и Гуся нет как нет.
Тогда Винчестер в кабинет
призвал Орловых на отчет.

И по-турецки: — Выжму жмых! —
он громыхнул без лишних слов.
Умножил страх число стволов
в глазах ответчиков немых.

— Послабло? И светильник дня
померк. Племянница Орла
желудком вдруг занемогла:
— Послабло... — ахнула родня.

Взглянули робко. Но в упор
чернели дула тусклых глаз:
— Небось вином залил наказ?!
Даю неделю! — Был бы спор.

Поляжем в прах, но сыщем в срок.
Нет вашим милостям границ!
...Пропели славу. Пали ниц.
И — точно справили урок.

ХII

— Так ты и есть особа та?
— Я самый! — гаркнул Гусь в растяг.
— Умора! — выкрикнул Толстяк.
А Дылда в голос: — Срамота!

Но Гусь, презрев свой знатный род,
присел у Рима на виду
и справил походя нужду,
мол, вот вам от моих щедрот.

И осенило всех тотчас:
— Все ясно! Нашенский мужик!
И не отсох дурной язык.
И не моргнул бесстыжий глаз.

Воздали должное ему
за все и в клетке золотой
определили на постой
со всем почтением к нему.

А поутру, кроша цветы,
удобный выбрали момент
и вознесли на постамент
непостижимой высоты.

Качнулось небо от огней.
Взметнулся возглас: — Видно всем?
Жираф смутился: — Не совсем.
— О да! — воскликнул Муравей.

●
Курится утро, как повесть.
И счастлив Рим, как никогда,
во все грядущие года
взирать, кадить, благоговеть.

XIII

Поэт умолк... И Энцо дрожь
унял. И Волк с лица пожух.
— Что и сказать, — заерзал Жук. —
Кусает кто-то... Невтерпеж!

Вмиг Энцо в сторону отсел
себя на случай побережь.
— Мне лично, — Волк изволил речь, —
сей импонирует прицел.

Но кто поверит в тезис ваш,
что был де Бык и прочий скот?
Был, правда, некий рифмоплет.
Впрягли в ярмо — и бросил блажь.

— Все шито фактам вопреки, —
Жираф проблеял. — Бузотер!
Все нынче братья меж сестер —
бараны, волки и быки.

А Энцо вслух: — В краю свиней...
— Он пуст! — ...покой! — И поднял бровь. —

**Цивилизованная новь
взыскует новых слов о ней.**

**Кривому зеркалу сполна
потрафил ты, когда не прочь
был в ступе воду потолочь...
А так поэма недурна.**

**— Поэма — вздор! В ней соли нет.
Иная песнь и лад иной
уже вовсю владеют мной, —
едва откликнулся Поэт. —**

**Я заблужденья этих глав
подброшу Ветру поскорей! —
И через дюжину дверей
на волю выбежал стремглав.**

**На том, что это не обман,
стоит мудрейший из котов
и в том поклясться всем готов
и Мышью и ее маман.**

**Доныне помнится векам
и множит эхо сей рассказ.
Смежает Рим соцветья глаз.
Почиет втуне Ватикан.**

**Вершатся судьбы без прикрас.
Чадит свеча. Горит звезда.
И неподсудный навсегда —
Цате-е-е-л! — зовет незримый глаз.**

Перевод Сергея БОРИСОВА.

Рассказы

СКАБИОЗА

Поздно приходит в горы лето. Самый разгар его начинается лишь в середине июля. Но как радостно-свежи краски цветов в необыкновенной прозрачности воздуха. Их пламенный праздник длится вплоть до конца августа, когда начинается косовица.

...Над синей скалистой цепью Куро, развернувшись исполинским веером, засияли золотые столбы солнечных лучей, воспламенив далекий луг у подножия снежного Казбега. Много диких цветов родится здесь в эту пору: воздушно-лиловые кувшинки сон-травы, тянущиеся высоко к солнцу, пугливые голубые незабудки, пышные аметистовые соцветия горной буквицы, бледно-розовые зонтики остро-пахучей валерианы, душистые алые свечи кавказской орхидеи...

А вот на скате редкая высокогорная ромашка с нарядными малиновыми лепестками и золотистой грудкой. И почти повсюду, развешивая по высоким стеблям свои ярко-ярко синие кисти, вьется кудрявый мышиный горошек.

...Наклоняю голову. На ослепительно белый венчик полевой гвоздики почти падает шмель в темной шубке с золотой опояской и, нетерпеливо перебирая лапками, сладострастно пьет нектар. Потом, загудев виолончельно струной, перелетает на другой цветок.

Невольно вспоминаю оранжерейную гвоздику, сестру полевой, вырванной когда-то из родного лона.

Живя в тепле и довольстве, позабыв о невзгодах жизни — жажде, зное, неистовых грозах весны и ледяном дыхании осенней ночи, она мало-помалу потеряла душу — свой аромат, и сделалась мертвым цветком.

В неумирающем стремлении вырваться из проклятой стеклянной тюрьмы, где чудовищными садовыми ножницами методически в пору цветения отрезают ее сестрам головки, бездушно лишая их потомства, бедная гвоздика, обезумев от страха, все тянется головкой вверх к синеве, не заботясь о своем несоразмерно вытянувшемся стебле, которому уже не под силу держать ее прямо.

Купив гвоздику на рынке, ее несут вниз головкой, чтобы не сломалась хрупкая ось.

...Впрочем не лучше ль писать о бесчисленных вольных цветах. Ибо не в драгоценной хрустальной вазе, не в душной теплице, или букете, стянутом жесткой бечевой, но лишь там, на своей дикой родине, в степи ли, в горах, пылают они своей первозданной магической красотой.

...Лишь одна скабиоза не раскрывает своих чар медлит, выжидает. Чтобы затмить всех, она, как истинная царица, явится на летний бал последней.

Ударит час. Таинственным розовым огнем загорятся снега Казбеги. И над притихшими цветами поднимется голубая звезда скабиозы, сияя тихой, возвышенной красотой.

Все в ней — и тонкий, высокий, чуть изогнутый стан в серебристой опушке, и прозрачные лепестки небесно-голубого шелка в мелких сборках с узорчатыми вырезами по краям, и бледно-розовые тычинки, украшающие грудь, все говорит о сдержанности и благородстве вкуса.

Но отличаясь чудной красотой, скабиоза ничуть не кичится ею. Вот даже к вездесущему лютику, этому самоуверенному выскочке, заполонившему своими золотистыми монистами весь луг, даже к нему она добра и великодушна, терпеливо выслушивает его бесцеремонный говор.

Долго, миновав грань лета, — если по счастливой случайности не коснется ее смертоносное жало косы, —

будет цвести в горах скабиоза, пока ледяное дыхание надвигающейся зимы не сожжет ее нежных лепестков.

Просветленным воротился я в то утро к завтраку в гостиницу. За соседним длинным столом сидели ученые, съехавшиеся на какую-то важную встречу. Один за другим входили гости. Но вот появилась юная участница со свежим и приветливым лицом. Вместо броши на груди сияла большая голубая скабиоза. Она поздоровалась, и всем, поднявшим на нее глаза, вдруг стало легко и радостно на сердце...

Пожалев в душе о сорванном цветке, я отдал должное врожденному чувству красоты, что от века живет в душе каждой истой француженки. Это чувство безошибочно шепнуло ей из целого сонма горных цветов избрать лишь этот один... Поистине «мы знали бы слишком мало знаков и выражений счастья, если бы не знали цветов».

...Прекрасны погребальные изумрудные ожерелья, священные каменные скарабеи, нефритовые статуэтки и золотые маски на лицах мумий, извлеченные из древних гробниц Египта, но всех мне дороже и трогательнее сохранившийся пучок простых полевых васильков, что 4000 лет назад женская рука возложила в знак любви на холодную грудь юного фараона, провожая его в вечность...

ГОРЕЧАВКА

Из наших горных лесов мне более по душе еловые боры. Может, оттого, что от неувядаемой зелени их игл веет мечтой человека о бессмертии, или, может, оттого, что юную красу елок я невольно связываю с новогодними днями детства, что как чудный сон давным-давно унеслись в вечность. Не знаю...

...Вот и нынешней зимой, вернее на ее исходе, потянуло меня вдруг с необыкновенной силой в бакурианские леса. Захотелось вдохнуть пахучего запаха смолистой хвои, стряхнувшей снег, услышать первые гимны певчих дроздов...

Чуть свет, ступая по пушистому, выпавшему за ночь, снегу, легко поднимаюсь к лесу.

Сквозь черное кружево елей на востоке уже плещется серебристо-голубое сияние горной зари. Нетерпеливо сменяя лады, звонким хрустальным колокольчиком разливается на сосне крошечный крапивник. Низко стелется над селением утренний туман.

Под сенью древних елей еще царит полумрак. Золотистыми сережками принарядилась к весне лещина. По лесным прозорам, здесь и там, пробиваются желтые груды первоцвета.

Поднимаюсь вверх по склону и, достигнув гребня, приостанавливаюсь перевести дух. Словно повитая шелком, ослепительной белизной сияет в первых лучах светила снежная цепь Триалетского хребта.

Перевалив гору, начинаю бочком спускаться по крутому лесистому скату вниз. Таясь в зеленом узоре елок, вспыхивают на солнце бусинки влаги, переливаясь то жарко-золотистым, то сапфирово-синим огнем.

Вдруг чуть ли не из-под самых ног срывается в смертельном ужасе большой темный тетерев, за ним со свистом устремляется сидевшая чуть поодаль самка. «Я пришел в ваше царство с любовью. У меня нет оружия...» — хочется крикнуть вдогонку уносящимся птицам.

Побродив в бору добрых три часа, решил я воротиться домой короткой тропкой, едва заметной на свежем снегу. Но на полпути сбился, наткнувшись на какую-то изгородь, за дальним углом которой виднелась полураспахнутая калитка. За изгородью темнели сложенные бревна. Среди высоких редких сосен — деревянный домик с балконом, а на отлете перед ним — насыпные холмики. Над одним из них видна низко склонившаяся фигура человека. Подойдя ближе, узнаю, что забрел в заповедные владения Института ботаники, именуемые высокогорным ботаническим садом. Здесь Ираклий — так звали моего нового знакомого, — научный сотрудник института, проводит какие-то сложные наблюдения над растениями.

— Глядите, сцилла поднялась, — кивнув на голубые пролески в оттаявшем снегу, замечает он. Потом, подойдя к другой куртине с аккуратными латинскими таб-

личками, показывает на ярко-желтые чашечки купальницы.

— Да, немало дикорастущих видов удалось нам акклиматизировать на этих вот куртинах. Есть среди них и представители из других стран. А вот нашу генциану, то есть горечавку, что живет под боком, сколько уже лет бьемся, никак не приручим, — озабоченно говорит он, обводя взглядом снежные выси. — Верно, тоскует по своему высокогорью...

За темным хребтом в лимонно-голубом отсвете мало-помалу скрывается светило. Густая белесая мгла затягивает низину. Вечереет над Бакуриани.

Следующим днем, вскарабкавшись на скалистую вершину Дэкиани-Клдэ, увидел я все-таки сказочную горечавку. Ту, которая умирает, не в силах перенести разлуки с подоблачной родиной...

Шквальный ветер рвет куртку. Срывая с крутизны белые хлопья, обжигает снегом лицо и отчаянно звенит в ушах. Кругом ни единой живой души, лишь когтистые следы медведя, почуявшего весну. До вершины уже подать рукой... И вдруг на солнечном скате — синее пятно среди слепящей белизны. Подхожу ближе и замираю. Дрожа на ледяном ветру, волшебным синим огнем горят в снегу пять лепестков, а посередине лунным камнем мерцает палевый пестик. «Огонь цветов — это желание», — всплывают в голове слова великого мечтателя.

...С небом во взоре родится дикая горечавка и увядает, до смерти не склоняя головки.

Не так ли и человек — крепче жизни любит лишь ту землю, что грудью своею взрастила его от самых ранних лет.

ЗЕЛЕНАЯ ТАЙНА

Солнечным осенним днем брел я по притихшему лесу. Купаясь в сладостном тепле, носилась в воздухе синие стрекозы. Рея в сквозном луче солнца, желтым огнем горели на деревьях листья.

Подошел я к старой темной липе и, коснувшись дрожащего на ветке листа, спросил:

— Скажи, листок, отчего желтеет в эту пору лее?

— Увядая, мы отдаем все соки дереву, что дало нам жизнь. А солнце золотит нас своим светом... — послышалось мне в его тихом шелесте.

«Так вот оно что, — подумалось мне. — Я разгадал твою чудесную тайну, листок: новою весною в зеленых жилках молодых листьев заструится и твоя кровь...»

Ты будешь жить в них силою своей любви...

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Сабчота Сакартвело»

КЛДИАШВИЛИ Д. Повести (пер. с груз. Н. Чхендзе). Тбилиси, 1988. — 187 с. — 20 000 экз. — 1 р. 10 к.

«Советский писатель»

ЦИЦИШВИЛИ Г. Одолей алчность свою. Роман; рассказы (пер. с груз.) М., 1988. 638 с. — 200 000 экз. — 3 р. 20 к.

«Наука»

РУСУДАНИАНИ (пер. с груз. А. Н. Беставашвили. 2-е изд., испр., доп.). М., 1988. — 528 с. — 75 000 экз. — 2 р. 70 к.

Размышление над неверным шагом

(Из книги „Прекрасная пришла“)

Никто не может утверждать, что владел женщиной. Когда — после продолжительных, но бесплодных увещеваний, после тривиальных, но тем не менее, единственно верных мужских попыток создать интимную обстановку — он уже распрощался с надеждой на успех, она вдруг склонила голову ему на плечо, что должно было означать согласие.

Он не мог быть доволен исходом, так как сознавал, что скорее всего он имел дело с проявлением ее воли, с инициативой, поставившей под вопрос его собственные намерения как легкомысленные, быть может, даже оскорбительные.

Вот почему живую тяжесть на плече он не воспринял как дар, либо завоевание. Скорее как ношу, уже требующую определенных обязательств. Но и не придал ситуации значения предупреждающего знака. Уязвленная было гордость с радостью ухватилась за достигнутое. Ведь так или иначе это продолжение вело к цели. Затем время потекло, как заведено, и никто из двоих не рискнул остановить его приятное течение словами, которые могли бы послужить сигналом к уточнениям.

Но именно от того, что все представлялось простым, естественным и ясным, в отношения вселилась тревога. Она жила в каждом отдельно и по-своему. У него — в виде возникшего вдруг интереса к подробностям ее

прошлого, в желании предугадать возможные варианты развития их отношений. У нее, напротив, — в стремлении уберечь данность, оградить от прошлого опыта, подавить в себе неясные страхи перед непредсказуемостью всего, что еще может ждать впереди.

В качестве отвлекающего маневра подсознание подсказало им игру в ревность — к общим знакомым, коллегам по работе, случайным попутчикам. Случалось, что они входили в роль, когда замечали неудовлетворенность друг другом в привычности прикосновений.

Дьявола вызвал он, облекши необъяснимые ощущения в весьма странный образ чужого присутствия. Он якобы уловил это в ее глазах — какую-то затаенную память, точнее — память-знание о непременности новизны, перед чем бессмысленными выглядели произносившиеся клятвы. И чем громче провозглашались чувства, тем эфемернее они казались.

Как он полагал, именно эта фатальная предначертанность вызывала в ней отчаянную нежность, пугающую самоотверженность, словно она спешила отдать все.

Ущемленный, как ему показалось, намеренной жертвенностью, он по мужскому разумению решил придать определенность роковому знаку в ее глазах, изобразив на этот раз ревность к обобщенно-собирательному предмету, и даже облек его властной и грубой плотью.

Встретив недоумение, он замкнулся, а потом, под благовидным предлогом избегая встреч, взялся переводить Вергилия.

Иступленная духом чужим,
Металась она по пещере,
Будто можно гневом и страстью
Бога из сердца изгнать...

Персонифицировав поэтический образ, она по-женски наказала его за неосторожность.

Тогда он избрал другой путь — от эмоций к иносказаниям, надеясь, что все-таки занимает именно то место в ее чувствах, которое соответствует ее намерениям: все или ничего. И рассказал ей эпизод из жизни, сам по себе мало чем знаменательный, но предусмотрительно на-

правляющий назревшие противоречия в сиюминутную за-
водь рассуждений.

— На развалинах древнего святилища близ Одина
ма я прочитал надпись, сохранившуюся, правда, не пол-
ностью. Почти вся кладка южной стены, на которой сло-
ва были начертаны, осыпалась и обломилась так, что в
просветы можно было разглядеть окрестные холмы.

Надпись вещала: «Посвященный убьет...»

Изречения, максимы, постулаты, заповеди, как
квинтэссенция мысли и опыта, всегда афористичны, а
потому привлекают своей четкостью и видимой ясно-
стью. Но глубинный смысл чаще ускользает. Иной раз
и для самих авторов, не имевших возможности предпо-
ложить, как каждое поколение интерпретирует их, исхо-
дя из своих новых ценностных категорий.

Глубинный смысл всегда многомерен, многоступен-
чат, кроме того, имеет несколько возможных осмысле-
ний. И, согласишься, истинное наслаждение для любозна-
тельного ума, ищущего — не мудрого совета, нет — от-
дохновения в прихотливой, дерзкой как парадокс игре
мысли, окунуться в таинственные воды чужих, но прибли-
жающихся к твоему бытию, по мере проникновения в
них, загадок.

Применив их к нашему с тобой случаю, можно при
определенном усердии отыскать множество забавных
разгадок.

Почему «посвященный убьет»?

Значит ли это, что, допустим я, твой наставник во
всем, что сопутствует чувствам, должен тайну нашего
общения, познания, тайну веры вместе с неизбежными
слабостями, откровениями и оправданиями носить в се-
бе, опасаясь, что буду предан, отвергнут, превращен в
прах?

И если я посвящаю в нечто, должен ли я считать,
что заранее обрекаю себя на поругание, что тайна, пе-
рестающая быть ею, уже не стоит трепета и почтения,
становясь в итоге ничем?

Я полагаю, что древний прорицатель мог высказать-
ся и не мудрствуя лукаво: не открывай всего, не срывай
покрывала условностей и недомолвок с мысли своих
даже перед тем, кого взлелеял и полюбил, ибо станешь
нагим и уязвимым.

— Ты говоришь только о себе, — прервала она.

Тогда он избрал еще более окольный путь: окунувшись в историю, с наслаждением погружаясь в музыку речений и торжественных, хотя часто ранящих аналогиями, древних свидетельств.

Ее роль: «Я иду к водам твоим, чтобы погрузиться в них перед тобой, чтобы ты увидел меня увлажненной елеем и увенчанной миртом в рубашке из тончайшего царского полотна. Я иду к твоим водам, чтобы ты увидел меня всю и возлюбил...»

Его роль: «Прекрасная Пришла и родилось солнце от союза земли и неба. И возликовал на небосклоне Атон — царь всего, что обегает пламенный диск, несущий свет и славу обоим землям.. Лучистые руки проникли вглубь моря и создали жемчужины, которыми я украсил прекраснейшую из женщин».

Ее роль: «Не раскрывай старых свитков. Они были правдой тогда, когда писались. Ты не произносишь слов, читаешь молча. Правы жрецы — кто способен внимать написанному, не произнося слов, мысли того темны и скрытны...»

Его роль: «Да, странен мир нашего молчания. Бескраен и исполнен тревожного смысла. Не равнозначны тишина и покой. Мы молчим, ибо познали. Твой язык больше не вторит тому, что задумано сердцем. Я молчу потому, что слова ранят память, которую не вылечить забвением...»

Прекрасная стояла у холодного ложа, погрузив сильные лучи своих глаз в его молчание.

«Мы читаем мысли друг друга, как читаем письменна. Мы — целое. Если боги пожелают разделить нас, у одного останутся мысли, у другого — поступки. Но возможно ли отделить реку от русла?»

«Ты прекрасна. Будто лоно твое не разверзлось рождением детей. Но почему ты больше не ослепляешь меня?»

«Тебя ослепляла созданная тобой. Не я. Ты нетерпелив в мыслях и страстен в речах. А нетерпение и страсть темны, они туманят разум как питье, которое ты дал мне испить в первую ночь...»

«Но ведь руки мои, обнимая, охраняли тебя от сомнений».

«Объятия твои, пока текло время, становились слабее, отдавая силу сомнениям...»

«Не ты ли молила меня: скажи, что я твоя наложница, купленная рабыня,.. будь грубым и жестоким...»

«Забудь. Это игра. У страсти нет памяти и угрызений. Она рождается и умирает вмиг, оставляя после себя усталость и стыд...»

«Я был и нежен с тобой...»

«Нежность приручает, но прирученный рано или поздно возжаждет новизны...»

«Твои мысли лгут. Мысли всегда лживы и угодливы, когда ищут оправдания поступкам...»

«Я стала другой, владыка. Если любовь безумна, ее надо убить, чтобы спастись...»

«Ты думаешь об этом спокойно? Неутоленная жажда лишила тебя даже слез, потому опустело их хранилище в твоих глазах...»

«Чувство просит защиты у ночи, если не находит ее у дня».

«О, я знаю, ночь — твое время. Но короток в ночи даже твой прекрасный взор. Не может быть нового бога только потому, что ты задумала возвести новый храм».

Прекрасная взяла арфу, которую он когда-то велел украсить ее бронзовой головкой.

Его раздумья вторили тихим струнам: «она была прекрасна, когда пришла к моим водам, вся в синем цвете верности и надежды. Мальчиком я видел красавиц, сбрасывающих у реки одежды и погружавшихся в воду, принося себя в жертву плодородию. И Нил, воздевая, выходил из берегов... Но ты, царица, не можешь приносить себя в жертву... Музыканты твоей души касаются струн, но струны не звенят под пальцами, потому что певцы слишком печальны. От тебя не падает тени, которая укрывала меня, уставшего от тревог и сомнений».

Ты уйдешь сегодня. И никто больше не распахнет потайную дверь твоих желаний. Твое время — ночь, и я дарю тебе Ночь ночей... Прощай, хотя уста твои по-прежнему прекраснее зеленеющего поля...»

Она задумалась: «мы жили мгновение, радуясь все опаляющему озорному огню, как дети. Слишком высоко на вызов всему свету вознесли чувство, казавшееся небывалым. Бедный, отчаянный жаворонок залетел туда, где нечем дышать, а мы ищем объяснения в земном житье-бытье. Я топчу то, чего так ждала всю жизнь...»

Она не поделилась своим неожиданным умозаключением. Подумала и тут же спряталась в настороженную темноту ожидания новой судьбы, потому что не допускала абсолютного конца, упорно видя в каждом исходе освобождение для спасительного начала.

Не открыла ей женская природа свою тайну, что нет ни концов, ни начал. Есть одно вечное продолжение, куда нельзя войти внове, а только лишь с обретенным в прошлом знанием.

Он заглянул в ее глаза и понял, что слишком много времени потратил на поиски параллелей.

«Все — едино», — решил он и вдруг вновь увидел заслоненный ранее мир.

Она жила и дальше со знаком ухода, уже навсегда поселившимся в глубине немигающих глаз.

И, иногда склоняясь, шептала те же слова, потому что других слов нет.

Если не будет

Я шел по узкой тропе, а подчас
Наощупь и наугад,
Но если не дружба, что держит нас,
Жизни не будешь рад!

Тревожна жизнь, но деревья всласть
Бушуют и в листопад,
И если ты не изведал страсть,
Жизни не будешь рад!

Порою счастье, порой беда,
Порой соловьиный сад,
Но если погибнет надежда, тогда
Жизни не будешь рад!

Ты все получил, судьбу не гневи, —
От горестей до наград,
Но если не будет в жизни любви,
Жизни не будешь рад!

Сердце

Сердце — оно двужильное,
Стерпит наветы злобные,
Холод и тьму могильную,
Плаху и место лобное.

Стерпится с пустобрехами,
Пример и кару высшую —
Дым под родными стрехами,
Пламя над отчей крышею.

Неучей наставления,
Голод, рубаху драную,
Лишь над честью глумление
Станет смертельной ранюю.

Мечта

Наши стремленья уносит времени поток,
То воплощая их, то снова их отвергая,
Жизнь я старался прожить по совести, как
мог,
Только такая мне жизнь нужна была, не
другая!

Жизнь я прожить хотел, веселье людям
даря,
И отвести в свой срок простой полевой
травую,
Не потревожив и малого муравья,
Робко ползущего узкой лесной тропюю.

Только бы знать

То, что имеет для нас значенье
И не имеет для нас значенья,
В необратимость уносит течение.
Жизнь — мученье и гибель — мученье.

И для меня, уходящего, скоро
Этой земли плодородной не будет,
Птиц щебетанье и трав разговоры
Утром весенним меня не разбудят.

Только бы знать — не напрасно на свете
Прожил я век. Все, что сделано мною,
Не потеряется в дебрях столетий
И не оденется тьмою ночью.

Перевод Нины ЛОКШИНОЙ

МЫ, МЕСХИ...

Я сажусь переводить воспоминания отца. Читаю заголовок и вывожу крупно: Латифшах Бараташвили, сын Максуда.

Материала накопилось много — несколько папок бумаг, испианных в разные годы мелким аккуратным почерком на грузинском, турецком и азербайджанском языках. Подсознательно я надеюсь, что когда-нибудь напишу книгу о своем отце.

И я стараюсь не думать — получится у меня что-нибудь или нет. Я просто сажусь и начинаю переводить.

Хорошо, если получится книга. Тогда бы я назвала ее так — «Книга об отце». Звучит хорошо. Хотя слово «отец» чужое для меня — его не сравнить с домашним словом «папа».

Итак, я приступаю.

* * *

ВОТ уже неделю ноющая зубная боль не давала мне покоя. Ни о каком путешествии, тем более длительном, нельзя было и думать.

Наш односельчанин Антон Мерабашвили был лучшим зубодером в округе. Его предки наряду с зубодерством занимались лечением вывихов и переломов. Оттого их никто не звал по фамилии, а звали просто — Костоправы.

Поскольку в описываемое время — а шел 1923 год — врачей было раз-два и обчелся, то одному врачу приходилось пользоваться по пятнадцать-двадцать сел.

Лечебные инструменты, как-то: ножи, клещи, иглы для кровопускания заказывались местному кузнецу за хорошую плату. Летом знахари собирали травы, сушили их, готовили снадобья, и их хватало на целый год.

Отец попросил Костоправа принять нас и к вечеру привел меня, прихрамывая и крепко держа за плечо.

Дедушка, оказывается, хромал уже тогда, когда папа был ребенком. А я его иначе и не представляла. У него всегда были кра-

сивые, тяжелые трости, обычно с инкрустацией, которую мы тщетно пытались выколупать. Они так нравились нам, что однажды Барат, когда бабушке подарили очередную трость из красного дерева, с досадой спросил маму: «А мне вы подарите трость, когда я буду бабушкой?».

У камина стоял низкий стол, накрытый бязью. На нем лежали клещи, плоские и острые ножи. Костоправ ловко протирал их, весело напевая. Мне стало не по себе от тусклого блеска металла и лязга клещей. Наверное, я побледнел, потому что отец вопросительно посмотрел на меня. «Нет, я не боюсь,» — почему-то шепотом ответил я.

Когда дядя Антон ловко схватил зуб, пронзительная боль ударила в голову и я потерял сознание. Очнулся я от звонкой пощечины. Костоправ так же весело глядел на меня, отец же недовольно крутил свой «николаевский» ус, и я подумал: наверное, это очень похоже на смерть.

Декабрьские дни коротки. Но этот день тянулся почему-то очень долго. Снега выпало немного. И я был рад этому.

МЕСХЕТИ И МЕСХИ

Месхети, или Верхняя Картли — собирательное название юго-западной части исторической Грузии. Она расположена в бассейне рек Мтквари (Куры) и Чорохи и состоит из провинций: Самцхе, Джавахети, Кола-Артаани, Шавшети, Кларджети, Тао и Спери. Месхи, коренные жители Месхети, — одно из основных картвельских племен, составивших грузинскую нацию.

Месхи внесли весомый вклад в развитие культуры феодальной Грузии. В IX—X вв. они явились инициаторами объединения Грузии. Грузинский царский дом Багратиони происходил из Месхети. Выдающиеся деятели грузинской церкви Иоанн Эквтиме и Георгий Мтацминдэли были месхи, Шота Руставели родом тоже был из Месхети.

В XV—XVI вв., после распада единого Грузинского царства, на территории Месхети образовалось самостоятельное самтавро (княжество) Самцхе-Саатабаго, которым правили мтавари (князья) Джакели. На рубеже XVI—XVII вв. Самцхе-Саатабаго покоряют турки. Они упраздняют здесь грузинские социально-политические институты и вводят турецкие законы землевладения. Вместо самтавро создают Гурджистанский вилайет, или Ахалцихский пашалык, а мтавари Джакели, предварительно

Где-то с полудня я начал тайком готовиться в дорогу — я собирался в дальнюю дорогу, разумеется, без ведома родителей.

По соседству с нами жил Шахбаз Бакрадзе. Вот уже несколько дней у него гостил тесть. Чтобы повидать свою дочь, ему пришлось перейти границу — родное село жены Шахбаза находилось за кордоном, на турецкой стороне. Этим вечером гость нашего соседа собирался в обратный путь, но не один, а с братьями Балахашвили — Павле и Осе. Они не раз совершали подобные переходы и возвращались не с пустыми руками — в турецком районном центре Поцхов они выгодно сбывали пшеничную чачу¹.

В сумерках эта троица направилась на запад, в сторону мусульманского кладбища. К этому времени был готов и я. Мой путь был вместе с ними, хотя мои попутчики-контрабандисты и не подозревали об этом.

Боясь застудить больную десну, я обвязался теплым баш-

---

¹ Чача (груз.) — водка.

заставив их принять мусульманство, превращают в потомственных пашей.

Со второй половины XVII в. начинается процесс омусульманивания месхетских феодалов, что было связано и с землевладением: в Турецкой империи землевладелец непременно должен был быть военнообязанным, а военнообязанный — только мусульманином. К середине XVIII в. процесс омусульманивания феодалов был завершен. Крестьян омусульманить полностью не удалось.

Грузия никогда не примирялась с утратой Месхети и, опираясь на патриотов-месхов, боролась за возвращение края в лоно родного государства. Несмотря на многочисленные попытки, воссоединение Месхети со всей Грузией тогда оказалось невозможным. Лишь после русско-турецкой войны 1828-29 гг., согласно Адрианопольскому договору, из двадцати четырех санджаков Ахалцихского пашалыка освобождены от турок и присоединены к Российской империи были десять. Эти десять санджаков охватывали части Месхети — Самцхе (нынешние Ахалцихский, Адигенский и Аспиндзский районы) и Джавахети (нынешние Ахалкалакский и Богдановский районы). К сожалению, часть населения этих санджаков вынуждена была переселиться в Турцию, и покинутые села царское правительство заселило армянами-христианами из Эрзерума. Тех грузин-

лыком по самые глаза. На ногах были чарухи², обутые на две пары шерстяных носков. Пальто в те времена не носили — на мне был теплый архалук. В бязевой торбе, которую я брал летом на пастбище, лежали свежее испеченное мчади, две головки лука, два курута³ — я думал, что этого хватит на весь путь.

Я притаился среди могильных камней и стал дожидаться своих спутников. Как только они показались, я радостно выскочил им навстречу. Мое появление здесь, среди могил, вызвало замешательство, путники остановились, стали пятиться, потом Павле, скинув двухпудовый бурдюк с чачей, бросился бежать.

Я понял, что поступил неосторожно. Пришлось бежать вдогонку. Павле, услышав, как его окликают по-грузински, остановился: наверное, подумал, что мусульманские привидения не могут так хорошо говорить по-грузински.

---

² Чарух (турецк.) — крестьянская обувь из сыромятной кожи.

³ Курут — сушеные лепешки из подсоленного мацони.

мусульман, которые оставались на родине и пока еще говорили на родном грузинском языке, царское правительство с целью раздробления грузинской нации, по религиозному признаку объявило турками, придав им турецкоязычных мулл и учителей. Такое положение существовало в Месхети вплоть до установления в Грузии Советской власти. Однако после установления Советской власти, вопреки интересам Грузии и согласно создавшейся конъюнктуре, с 1923 года месхов записывают азербайджанцами, в школах учащимся твердят, что мусульманин — не грузин, грузинские фамилии переделывают на азербайджанский лад и всю культурную жизнь Месхети подчиняют Азербайджану, откуда комплектуются кадры педагогов школ и партийно-хозяйственных работников.

В наших архивах по сей день пылятся на полках прошения грузин-мусульман из Гиоргицминда, Мугарети, Зикилиа, Сакунэти и др. сел о том, чтобы для их детей, которые не знают никакого другого языка кроме грузинского, открыли грузинские школы. На одном из прошений красуется резолюция: «вы есть татары (общее, собирательное название мусульман в Грузии) и должны обучаться на своем языке», то есть на азербайджанском. Столь превратно понятый интернационализм привел грузин-мусульман к потере ими национального самосознания и превратил их в денационализованную массу, для которой «му-

Когда же меня узнали, то бежать от разъяренных братьев пришлось уже мне. Отбежав на безопасное расстояние, я крикнул им: «Я не буду вам мешать! Возьмите меня с собой. Мне надо попасть в Ардаган — я хочу поступить в школу!». В ответ мои односельчане погрозили кулаком: «Мы тебе, сукин сын, покажем Ардаган». Тогда я прибегнул к крайней мере. «До границы вам не дойти! — крикнул я им издали. — Милицию позову. Качкачашвили как раз дома». Качкачашвили служил в милиции и был злейшим врагом контрабандистов. Хуже всего было то, что его нельзя было подкупить — он единственный из сотрудников милиции не брал взятки.

Контрабандисты посоветовались вполголоса и, видимо, решили не рисковать. Мы двинулись в путь. Прошли нашу мельницу, затем соседнее село Хуро.

Осе, идущий впереди, выбрал удобное место для привала, скинул груз и велел нам отдыхать. Сначала мы подкрепились, затем Осе стал рассказывать, какой дорогой он думает вывести группу через границу.

«Сначала Чернекет, затем Гуалпанта, далее выйдем на

сульманство» и «турок» стали синонимами национальности, а «грузин» — синонимом христианина.

В предвоенные годы по настоятельным требованиям части месхов в некоторых селах открыли грузинские школы, но вскоре по мотивам, исходящим из политики сталинизма, на месхов-мусульман обрушилась новая беда: их всех объявили предателями, турками и турецкими агентами и выселили в республики Средней Азии. Это произошло 15 ноября 1944 года.

В течение двенадцати лет они жили в Средней Азии под комендантским надзором.

По данным последнего времени грузины-мусульмане Месхети записаны турками, азербайджанцами, «мусульманами», «кавказцами» (двух последних национальностей, как известно, не существует!), узбеками и др., — кем угодно, только не грузинами, которыми они являются в действительности. Дети одних и тех же родителей — четыре брата Заутадзе, — причислены к четырем различным национальностям: один записан азербайджанцем, другой — турком, третий «кавказец», четвертый — узбек...

Казалось бы, все уже давно предано забвению, стерты следы прошлого, но... по каким-то непостижимым законам природы многие месхи заинтересовались своим происхождением и начали ощущать себя грузинами. Ожили корни нашего единства,

Чоловский лес, — говорил Осе, — а там, дай бог, перейдем границу у Марельского пастбища. Ну как, согласны?» — спросил он спутников. Моего согласия, конечно, не требовалось — 16-летний мальчишка был для них только помехой в пути. Павле озабоченно покусывал свои длинные усы — он был известный трус, но трусость свою оправдывал заботой о четверых детях. «За них боюсь, — всегда говорил он, — не за себя».

Привал закончился. Взваливая бурдюк, Осе еще раз предупредил: «В голос не разговаривать. Кашлять, чихать, курить тоже нельзя. Возьмите в карманы камешки. Если нужно будет обратиться к кому-нибудь, киньте в него. Идти друг за другом — Павле замыкающий».

Тучи закрыли луну, стало темней. Дорога к Чернекету шла круто вверх и утомила моих нагруженных спутников. У Гуалпанты пришлось сделать второй привал. Место было тоже надежным. Здесь контрабандисты выкурили по одной папиросе, пряча ее в кулаке и вполголоса переговариваясь — мы находились уже в пограничной зоне. Дальше дорога вывела нас к Чоловскому лесу. Мы не вошли в него — ночью там легко

и голос крови продиктовал Нариману Инасаридзе, высленному в Узбекистан из села Гиоргицминда, такие строки: «Брат мой Бахши, ты пишешь, что вместе с тобой служат в армии грузинские парни. Ты знай, грузины — это наши корни. Как ветка дерева не живет без корней, так и мы не сможем жить без грузин. Те грузинские парни и есть наша кровь, часть нашего дерева. Запомни крепко: наши корни грузины, так и знай, и скажи об этом всем остальным...» Что же это, как не голос крови?!

Чахо Читадзе, отвоевавшийся на фронтах Великой Отечественной, раненный возвратился в родное село Вале, откуда был выслан вместе с семьей в далекий город Красногвардейск в Узбекистане. Там ему поручили руководить школой. И он затратил много труда и усилий, чтобы школе этой было присвоено имя Шота Руставели. Это тоже голос крови.

Проходит время, и переселившийся из Узбекистана на Северный Кавказ Халил Умаров-Гозалишвили пишет историю истерзанного края Грузии — Месхети. Книга эта, размноженная на ксероксе, быстро распространяется среди месхов-мусульман.

И наконец сейчас перед нами мемуары Латифшаха Бараташвили, одного из лидеров движения месхов-мусульман за вос-

заблудиться и напороться на волков — обогнули его с запада, идя Лелванским пастбищем, и вышли на равнину, которая была частью Таронской возвышенности, и, как я потом узнал, уровень ее соответствовал уровню альпийской зоны.

Взяв южнее, мы вышли к летнему пастбищу села Марелис. В его низине проходила государственная граница между Грузией и Турцией, проведенная заново два года назад. Прейдя границу, мы оказались в окрестностях Поцхова. Третий привал мы сделали на летнем пастбище — уже на турецкой стороне, отойдя немного от границы. Из негромких переговоров я понял, что это пастбище села Шуварцкали. Как и на всех пастбищах на нем должен был быть деревянный домик, где можно будет передохнуть.

Его мы отыскивали без труда — ветхая деревянная лачужка. С большой предосторожностью разобрали часть ее для костра и развели огонь. Мои спутники сбросили с себя тяжелый груз и, сердито ругаясь шепотом, потирали натруженные плечи.

Выложив остатки еды, мы разогрели ее, насколько это было возможно, и Осе молча разделил мчади с луком и сы-

---

становление национального самосознания и возвращения на родину. Эти мемуары писались в течение многих лет на грузинском, турецком и азербайджанском языках. Дочь Латифшаха, Клара, журналист по профессии, изложила их в хронологической последовательности, дополнив хронологические пропуски устными рассказами отца и снабдив все повествование собственными пояснениями. Книга была завершена летом 1984 года, за несколько месяцев до кончины Латифшаха.

Мемуары Латифшаха Бараташвили запечатлели жизнь месхов-мусульман с 20-х по 80-е годы. Описаны топонимика и быт не только Самцхе и Джавахети, но, что особенно важно, и Кола-Артаани, и Шавшети. Трагические картины выселения тяжело читать. Тяжело и горько. Это вопль обреченных людей о том, что грузин, мусульманин он или христианин, должен быть грузином.

Людей, отторженных от своей нации, вернуть сегодня в родное лоно возможно, лишь опираясь на исторические национальные и культурные корни.

Будущее месхов-мусульман зависит от разумных действий их самих.

Шота ЛОМСАДЗЕ.

ром. Мы молча жевали, чутко прислушиваясь к тишине, которую нарушало уханье филина из соседнего леса. Тихо трещали дрова. Иногда они ярко вспыхивали, и тогда добродушное усатое лицо Павле становилось резко очерченным и складывалось в причудливую гримасу. Боясь лишний раз взглянуть на своих молчаливых сотрапезников, я зачарованно смотрел на огонь, и мне становилось спокойно.

Надо было идти дальше, чтобы к рассвету уйти на безопасное расстояние. Как только мы вышли, ледяной холод охватил нас, заставив съежиться. Тучи разошлись, выплыла полная луна, освещая нам путь. Но не прошло и четверти часа, как разыгралась непогода. Ветер мешал идти моим спутникам, а меня просто сбивал с ног. Самое обидное заключалось в том, что оставалось одолеть последний перевал — южную часть Арсианских гор, и я был бы в селе Колицкали у тетушки Гюльназ, сестры моей матери.

Заснеженная дорога обросла ледяной коркой. Тяжелый груз моих попутчиков давал им преимущество — ледяная корка проламывалась под тяжестью, и они ступали на снег. Ноги мои скользили, едва я делал шаг. Кое-как дойдя до середины подъема, я начинал скользить вниз. И так несколько раз. Этот подъем окончательно выбил меня из сил. Мы находились в пути уже десятый час. Бессонница, обжигающий холод горного воздуха, от которого не спасал ни архалук, ни две пары носков. Ныла десна. Я отплевывался от колючего снега и уже готов был расплакаться, как увидел, что Осе сверху замахал мне. Я судорожно вцепился в брошенный мне коней длинного кушака, и меня почти поволокли наверх по льду и снегу.

Впереди зачернело что-то — то ли лес, то ли село. Когда мы, сбиваемые ветром, подошли почти вплотную, то это оказалось Колицкали. Я обрадованно попрощался со своими товарищами. Они свернули в сторону — их путь лежал дальше, в Дигур — центр Поцхова. А я побежал к огню и теплу.

...Трое суток я пролежал в жаре и беспомощности и только через неделю встал на ноги.

Воспоминания отца изобилуют историческими и географическими подробностями. История и география были его страстью. Любовь к этим наукам он привил и нам. Я училась в четвертом классе, когда получила от него задание — начертить подробный топографический план небольшого земельного участка. И хотя мы только начинали изучать географию и естествознание, я смастерила

деревянный аршин и бегала по участку с папиным военным планшетом.

Мне кажется неверным рассматривать человека вне исторической и географической обстановки. Именно поэтому я не пропускаю подробностей из его воспоминаний.

Экономическое положение Месхети в то время было очень тяжелым: экономика была сильно расшатана четырехлетней войной 1914—1918 годов, к тому же взаимные распри среди населения играли не последнюю роль в ее ослаблении.

Политическая власть переходила здесь несколько раз из рук в руки — из рук меньшевиков в руки местных беков-мусульман. Разорялись села, уничтожались дороги, мечети, церкви.

Короче говоря, с 1918 по 1920 год здесь уничтожались материальные ценности, гибли люди. В моем родном селе Удэ проживали грузины — как мусульмане, так и христиане-католики. Все они кормились исключительно землей. Но земля не могла обеспечить их хотя бы на полгода. Крестьяне занялись садоводством — это было более прибыльно, чем высевать зерновые и ждать капризный урожай.

Жили мы далеко от лесов. Топлива не было. И вьючных быков у нас тоже не было. Эти обязанности в семье приходилось выполнять мне. Село наше находилось на высоте 1300 метров над уровнем моря. Сельские сады — в десятки гектаров — ниже примерно на 200 метров, у берегов реки Коблиани. Каждый вечер я должен был добыть связку дров. Как только наступали сумерки, я вскидывал на плечо маленький топорик-наджах, моток веревки и отправлялся на поиски дров. Вечер мне нужен был для того, чтобы тайком пробраться в чужой фруктовый сад.

Отойдя от села на приличное расстояние, я, оглядевшись, осторожно начинал срубать фруктовые деревья. Хорошо, если попадались засохшие — живые было жаль рубить. Но особенно выбирать не приходилось — дома меня ждали братья и сестра. Их было пятеро, и в доме было холодно.

Срубив дерево, я складывал ветки на веревку и, прижав их коленом, стягивал веревкой, затем садился спиной к связке и закреплял веревку на плечах. Иногда связка получалась такой большой, что я с трудом поднимался на ноги.

Когда я, согнувшись, в темноте подходил к дому, силы уже покидали меня. Веревки так впивались мне в плечи, что раны на плечах заживали только летом. Изю дня в день — исключая лето — я обеспечивал семью теплом.

Но мне виделась другая жизнь — я страстно хотел учиться. Что меня выручило — так это письмо, которое прислал с оказией дядя Кадим — старший брат матери. Он тоже жил за кордоном — в селе Конк тогдашнего Ардаганского вилайета.

Дядя Кадим писал отцу, что в Конке открывается школа нового типа — «лейли-мектеб». Школа прогрессивного направления, много естественных наук — география, биология, физика. Обучение на турецком языке. Это не было для меня помехой, оба языка, и грузинский, и турецкий я прекрасно знал. «Хорошо сделаешь, если пришьлешь Латифшаха, — писал дядя в конце, — мальчик он толковый, пусть пойдет по ученой части».

Письму я очень обрадовался, и оно стало для меня ориентиром в жизни. Но родители были категорически против моей учебы, и я сбежал из дома.

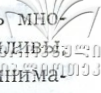
В селе Колицкали я был в детстве, когда мне было лет шесть. Приезжали мы сюда с матерью и дядей Кадимом погостить к тетушке Гюльназ, младшей сестре матери. Тетушка и ее муж дядя Нури были веселыми и гостеприимными людьми. Помню, как весело мне было с моими многочисленными двоюродными братьями и сестрами. Не успевали мы въехать на лошадях во двор, как нас окружала визжащая орава, меня стаскивали с лошади, и начиналась веселая возня. Дядя Нури тут же отправлялся к речке Колицкали (она была небольшим притоком реки Поцхови) и возвращался с ведром крупной форели. Когда мне велели отнести ведро на кухню, помню, с каким страхом и любопытством я долго разглядывал шевелящиеся плавники пятнистых рыб, вздрагивая от шумных всплесков воды.

В те годы дорог не было, и Колицкали был практически оторван от Ардагана и всей Грузии. Тем более, в 1921 году была осуществлена демаркация границы между Грузией и Турцией, которая разделила родных и друзей. Волею демаркации все мои родственники по материнской линии и тетушка Гюльназ, жившая в селе Колицкали, оказались в Турции. И вот 7 декабря 1923 года я, еле живой, появился на пороге ее дома, лицо у меня распухло, правый глаз не открывался.

Меня немедленно раздели, растерли руки и ноги, переодели в теплое сухое белье, накормили и уложили в постель. Несколько дней я метался в горячечном бреде, не чувствуя от боли ни рук, ни ног. Соседи забегали к тетушке, сокрушенно качали головой.

Пока я выздоравливал, долгими зимними вечерами у те-

тушки собирались соседи, и тогда мне довелось услышать много забавных историй. Истории были сами по себе незатейливы, но мастерски рассказанные тетушкой, они живо воспринимались. Обычно слушатели по ходу рассказа подбрасывали остроумные реплики, меткие прозвища и, обогащенные таким образом, истории эти запоминались и передавались от поколения к поколению.

Вспоминаю, как Тамара, в прошлом году побывавшая у родственников в Турции, посещала сельские вечера, на которых рассказывались истории полувековой давности, причем часто слышалось: «А наш прадедушка сказал...», «а наша бабушка ответила...».

Меня поразила неизменность сельского уклада — те же сборища в одном доме, те же рассказы, до сих пор в селах нет электричества, и до сих пор, слушая старые истории, женщины при свете сосновой лучины ловко нанизывают бисер на иголку и так же ловко пришивают его на марлевую ткань.

Но не только это. Меня поразила некая внутренняя связь между людьми — этих прабабушек, прапрадедушек они никогда не видели, но они и сегодня словно живут среди живых. Над их промахами смеются внуки и правнуки, их остроумными ответами гордятся.

Я вижу воочию, как, склонив голову и закусив губу, женщины рукодельничают. Изредка они вскидывают глаза на рассказчика, и по их губам пробегает улыбка. Эти истории все знают наизусть, но слушают с явным удовольствием. Трещит лучина и смола жирными каплями падает в подставленную медную миску...

Вот одна из этих историй. Мой дед, Искандер-ага, часто навещал родственников в Колицкали, когда граница еще не разделяла их. Однажды, приехав погостить, дед привез в хурджинах невиданные здесь доселе арбузы. Мужчин дома не было. Дед, передав хурджины женщинам на кухне, уехал, пообещав вернуться к вечеру. Вечером, после сытного ужина, на десерт вместе с печеной тыквой как диковинку подали арбузы.

— Что вы с ними сделали?! — закричал пораженный Искандер-ага. На блюде дымились арбузы в желто-коричневую полоску.

— Они пеклись столько же, сколько и тыквы, — оправдывались женщины.

До слез хохотал Искандер-ага, а история о том, как в Колицкали испекли арбузы, закрепилась в устном рассказе.

Еще один рассказ тетушки Гюльназ.

«Было это лет 15 назад, в моем родном селе Гвиния — я была еще девчонкой. В село приехали наши соседи по Удэлю Чагиашвили Осе и еще один католик — покупать быков. Остановились они у нас, и хотя наш стец был муллой, гостям-христианам был оказан достойный прием. А в те дни наш сельский кузнец, роя землю под фундамент для пристройки к своему дому, наткнулся на глиняные кувшины, судя по всему, внушительных размеров. Кузнец обрадовался несказанно, решил, что обнаружил клад. Боясь посторонних глаз, он стал работать по ночам. Наконец, в одну из ночей при свете факела кувшины были вскрыты. И что же увидели обалдевшие от счастья кузнец и его семейство? В нос ударил винный запах. Это оказались четырехсотлитровые винные кувшины, простоявшие в земле невесть сколько лет.

Кузнец был потрясен. К тому же он, как мусульманин, увидел в этом дурное предзнаменование. И чтобы оградить себя и свое семейство от гнева аллаха, поспешил к сельскому имаму с покаянием, польстился-де на чужое добро и вот оно как обернулось.

Наутро имам должен был объявить о духовном решении. Оно было кратким: разбить шайтанские сосуды с греховной жидкостью, а место захоронения сосудов объявить запретным для правоверных. Кувшины торжественно извлекли из земли и сбросили вниз по склону горы. Многолетнее вино хлынуло рекой, увлекая за собой черепки и распространяя вокруг прекрасный аромат.

«Дайте хотя бы попробовать!» — закричал Осе, размахивая черепками, и кинулся в середину винной реки. Потом Осе долго не давался в руки, пел песни и кричал: «Какое вино загубили! Пару быков отдал бы за него!..» Наконец правоверные подхватили его под руки и приволокли к нам.

Интересна еще одна история. Мой отец часто ездил в Ардаган, когда еще Поцхов принадлежал царской России. Дело было в 1912 году. В тот раз его попутчиком оказался некий мулла Реджеб. Ехали в арбе, запряженной двумя быками. В огромных глиняных кувшинах везли ардаганское сливочное масло.

Утомившись, они решили отдохнуть. У ближайшего родника сделали привал. Неторопливо, со вкусом уминали мчади с маслом и сыром. Мулла Реджеб нагнулся к воде попить. Вдруг — тынк! — что-то звонко тренькнуло. Копеечная монетка выскользнула из-за пояса и закатилась между камнями родника. Мулла начал искать монету. Ищет час, другой. Отец не выдержал наконец: «Слушай, сколько можно искать! Я дам тебе копейку, только поехали!..»

Мулла взял монетку, повертел ее, сунул за пояс и продол-

жил поиски. Отец взорвался: «Слушай, зачем ищешь? Дал же я тебе копейку!».

Мулла невозмутимо ответил: «Копейка копейке рознь. Ты что думаешь, твоя копейка моей копейки стоит?».

Отец еле оттащил упорствовавшего муллу от родника и так хлестнул быков, что те понеслись. Мулла все оглядывался и сокрушался. С тех пор с кем бы мулла Реджеб ни ездил мимо этого родника, он всегда останавливался и искал утерянную копейку.

Я уже почти поправился, набирался сил и думал как бы поскорее выбраться отсюда и прямым ходом в Конк, в школу! Часами я лежал и предавался мечтаниям о предстоящей учебе, о том, как сию за партой со своими сверстниками — тоже необыкновенно умными.

В те дни, когда в Удэ отец получил письмо от дяди, был рамазан, и мы постились. Ночами мы совершали длинные намазы, которых в сутки должно было быть пять. Как муэдзин, я помогал нашему мулле. По окончании намаза все вскидывали ладони кверху. «Аминь!» — проносилось по мечети и все мысленно просили у аллаха небесных милостей.

Я же, говоря «аминь», просил всевышнего о самой большой милости — сделать так, чтоб я учился. Я готов был заплатить самую дорогую плату — пусть за это он отнимет у меня руку, ногу, глаз, — только бы учиться.

С 1917 по 1923 год я был приставлен к сельскому мулле читать молитвы. Сначала муллой был Шамиль Канчадзе из Царбастубани, затем Али. Между жителями села и муллой существовали строго определенные отношения. Во-первых, каждый совершеннолетний мусульманин раз в году обязан был преподнести мулле пуд зерна. За это мулла проводил с верующими ежедневные намазы, обучал детей в медресе арабской грамоте. Кроме того, освящал брак, записывал новорожденных, за что получал отдельную плату. Неграмотные платили ему за написание и прочтение писем. Когда в селе кто-нибудь умирал, мулла обмывал покойника и читал над ним молитвы.

Обучение грамоте велось без каких-либо учебников, программ и учебных пособий. Был только Коран на арабском языке. Текст просто заучивался по главам и использовался в намазах. Считалось, что прочтение всего Корана от главы «Альхамдулилах» до главы «Алиф лям мим» достаточно для образования, это значило, что ученик прошел один «хатим». Я считался ученым малым — прошел два «хатима». Именно поэтому меня и назначили муэдзином (думаю, что и моя голо-

систость сыграла в этом не последнюю роль — попросту пять раз в сутки кричать с минарета «Аллаху акбар!» — «Аллах велик!»). Помогал я нашему мулле и в других его делах — проверял учеников, спрашивая заученный текст, готовил воду для омовения.

Как только в Удэ установилась власть меньшевиков, а это произошло в 1917 году, сразу же открылась начальная школа на грузинском языке. К нам пришли представители власти и попросили отца отдать меня в школу. В конце концов решили, что до обеда я буду в медресе, а с обеда — в грузинской школе. Таким образом к 1923 году я закончил и 4-летнюю школу на грузинском языке.

17 декабря 1923 года с утра установилась ясная погода. Перевалы хребта Мутруджан вот уже несколько дней были проходимыми. Как раз накануне мы узнали, что кто-то из соседнего села Клдэ собирается в Ардаган на лошадях. Дядя Нурри сходил в Клдэ, договорился, что тот возьмет и меня.

Рано утром я обнялся со всеми, тетушка поцеловала меня, и мы двинулись в путь. Дорога была нелегкая. Я то взбирался на вьючную лошадь, то бодро вышагивал рядом. Шли мы так до позднего вечера. Когда совсем стемнело, мы подошли к селу Кара-Кала — оно уже отошло к Ардаганскому вилайету.

Мой молчаливый спутник остановил лошадь возле большого длинного дома. Залаяли собаки. Стараясь перекричать их, он несколько раз крикнул в темноту: «Кязым-ага! Эй, Кязым-ага!» Это оказался дом моего кирва⁴. Кязым-ага был терекеминцем⁵ по происхождению. 1 октября 1907 года он гостил у нас. Выгодно обменяв молочные продукты, которыми славился Ардаган, на наши знаменитые фрукты, он собирался в обратный путь. Трое быков уже были запряжены, как в доме раздался крик младенца — на свет появился я. Искандер-ага — мой дед — решил породниться с богатым терекеминцем, и Кязым-ага стал моим кирва.

Заскрипела дверь, и на пороге появились мужчины, женщины и дети. Когда меня узнали, я оказался в объятиях, меня зацеловали и чуть ли не на руках внесли в дом. Я не успел даже поблагодарить своего молчаливого спутника, как оказал-

---

⁴ Кирва — названный отец, который назначается ребенку при обрезании.

⁵ Терекеминцы — скотоводы-кочевники (из тюркских племен), частично осевшие в Грузии.

ся в большой светлой комнате, где вечеряла дружная семья Кязым-аги.

Невестки тут же проворно накрыли низкий деревянный столик и устали его всевозможными яствами — сметаной, сыром, соленым творогом, соленым и несоленым сливочным маслом. Рядом лежали плоские хлебцы в виде изогнутых рожков.

Из Кара-Кала часто приезжали к нам в Удэ обменять молочные продукты на фрукты. Я не понимал, как можно менять такие вкусные вещи на яблоки и груши. Они лежали у нас круглый год навалом в подвалах и прихожих.

При виде еды у меня разбежались глаза, но, несмотря на голод, я старался есть степенно. Меня закидали вопросами об отце, братьях, сестрах, о хозяйственных делах, о скоте, дровах. Я отвечал, не переставая жевать. Едва я наелся, как глаза стали закрываться сами собой, и я уснул прямо за столом.

Утром я проснулся с тревогой — вот уже десять дней я добираюсь до Конка, а конца пути еще не видать. Каждое новое препятствие на пути к цели я воспринимал с досадой. А тут еще я не совсем окреп от перенесенной болезни.

За завтраком, таким же вкусным, как и ужин, кирва сообщил, что он уже успел узнать, что сегодня в село Синдизком на свадьбу отправляются два ашуга. А Синдизком совсем рядом с Конком. «Вечером посмотришь свадьбу, а завтра с утра отправишься в Конк», — посоветовал мне кирва.

И вот я снова в пути. Да, я забыл упомянуть, что захватил из дома свой кинжал, подарок деда Искандер-аги. В руках у меня была суковатая ореховая палка, хотя зверей и бандитов я не боялся, да и какому бандиту охота бродить зимой по горам.

Сравнительно легко мы одолели еще один перевал, держа направление к истоку Куры.

Как только мы взобрались на вершину перевала, ашуги указали мне, где находится Конк. У меня дрогнуло сердце. Мне показалось, что я вижу дома, пастбища и даже очертания деревьев у знакомого дома. Было около пяти часов вечера, время третьего дневного намаза. Ашуги обеспокоенно посмотрели на меня. До Конка тридцать километров, сказали они.

Я, не дослушав их, попрощался и побежал вниз налево. Однако ашуги догнали меня. Поправив перекинутые за спину сазы, они схватили меня за рукава и стали сердито объяснять, что за три часа мне не одолеть тридцать километров, что дорогу я не знаю, и, заплутав, замерзну ночью в горах. Я

молчал. Как объяснить им, что такое школа и как я хочу учиться в ней?..

Поняв, что убедить меня невозможно, ашуги стали объяснять дорогу. «Километров через десять дойдешь до двух сел. Справа будет Эдэ-гель, слева — Дэдэ-гель. Не вздумай заходить в эти села — живым тебе не выбраться». Эти села славились своими сторожевыми собаками. Волкодавы были с хорошего теленка и надежно охраняли стада.

Ашуги, сокрушенно качая головами, попрощались и быстро пошли своей дорогой.

Горный воздух чист и прозрачен. Вечером предметы вырисовываются особенно четко. Я представляю, как в разные стороны удаляются невысокий крепыш, охваченный нетерпением поскорее добраться до Конка, и двое пожилых людей. Я вижу их спины. Во что они могли быть одеты? Наверное, в архалуки, сшитые из овчины. Наверное, были в высоких бараньих папах.

Сазы, наверное, висели на широких кожаных ремнях, лоснящихся от времени. Длинные грифы сазов четко вырисовывались в сумеречном воздухе. Издалека их можно было принять за ружейные стволы, а ашугов — за охотников или разбойников. Но ни теми, ни другими они не были. Это были простые люди, любящие песни и шутки. И шли они на свадьбу — прославлять любовь и жизнь.

Было очень холодно. Я быстро бежал, глаза слезились от морозного воздуха, и слезы тут же застывали на ресницах. Щек я уже не чувствовал — должно быть, я их отморозил. Почему-то мерз лоб.

Не останавливаясь, решил проскочить между Дэдэ-гелем и Эдэ-гелем. Было время первого вечернего намаза, часов шесть вечера.

Неожиданно справа возникли силуэты мчащихся собак. Это были эдэгельские волкодавы — сука со щенками. Я знал, что отбиться от сторожевых собак практически невозможно. Можно, конечно, бросив палку, лечь на землю и замереть. Тогда собаки не трогают жертву, обнюхав, садятся возле нее и ждут пастуха. Но я знал, что пастухов поблизости нет, и решил отбиваться от собак.

Когда они приблизились, я швырнул в суку палку и схватил кинжал. Сука захрипела от ярости. Лай щенков и их матери был услышан собаками Дэдэ-геля, и вот уже целая стая мчалась в нашу сторону. Сука, позабыв обо мне, с яр-

ственным визгом набросилась на своих противников. Я боялся смотреть на это зрелище, настолько жутким оно оказалось вблизи, и попытался незаметно отползти за большой валун.

Как я потом узнал, Дэдэ-гель и Эдэ-гель издавна враждовали, и собачья грызня тоже была традиционной — именно поэтому собаки так быстро потеряли ко мне интерес. Их стало больше. Из Эдэ-геля примчалось еще несколько волкодавов.

Я присидел за валуном до наступления темноты — дрожь от холода и страха. Ветер усилился, и я попытался отползти подальше от побоища. Воспользовавшись темнотой, я вскочил на ноги и припустил изо всех сил.

Пробежав метров двести, я услышал проклятия в свой адрес. На место побоища сбежался народ. Оглядываясь на бегу, я видел, как качались в темноте светящиеся пятна факелов, раздавались крики, ружейные выстрелы. Несколько пуль было пущено мне вслед.

Я бежал до тех пор, пока путь мне не преградила река. Я знал, что здесь начинается Кура, знал, что вода в ней ледяная, и стоит мне войти в нее, как я обрасту льдом.

Цепляясь за кустарник, я ощупывал ногой спуск и вглядывался в берег. Сначала хотел снять одежду и обувь. Но внезапно из кустов на берег метнулась серая тень. Не успев испугаться, я прыгнул в воду и стал пробираться меж речных валунов. Кинжал я успел выхватить из ножен, иначе он бы примерз к ним.

Вода сначала дошла мне до пояса, потом до груди, потом до плеч. Плавать я не умел и решил, что придется карабкаться на валун, однако не был уверен, что это мне удастся — валун был совершенно гладкий.

Постепенно стало мелеть и только тут я оглянулся: на берегу сидели волк с волчицей и внимательно наблюдали за моей переправой. Сверкнули зеленые огоньки, и я содрогнулся, представив, что ждало меня, будь я менее внимательным.

Выйдя на противоположный берег, я задумался — что делать: то ли выжимать мокрое платье, то ли бежать так, не раздеваясь, покрываясь ледяной броней. Зубы начали тихонько стучать. Пока я стану стаскивать негнушимися пальцами архалук, потом выливать воду из обуви, то заоченею окончательно. Мелкая дрожь охватила все тело. Я знал, что это плохой вестник — дело могло кончиться хуже, чем в прошлый раз. Спасение мое было в одном — бежать и как можно быстрее. И я побежал. Не помню, сколько я бежал еще, но, по-моему, было время второй вечерней молитвы (десять часов

вечера) «ясин намази», когда я со скрипом открыл тяжелую дверь и с клубами морозного воздуха очутился в большой комнате.

Картина, которую я увидел, доныне стоит перед глазами, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет.

У передней стены на мягких подушках возлежал дядя Надим, младший брат матери, и тихонько напевал:

Соловей, что ты делаешь в Чухурове?

Зачем поешь тоскливо, наводишь грусть ты на меня.

Тебя подруга ищет в твоём родном гнезде,

Не пой тоскливо, наводишь грусть ты на меня...

Ярко горели дрова в камине. Над огнем висел ошипанный гусь, и жир тяжелыми каплями падал на чугунную сковороду, стоящую на треножнике. Рядом, на низком столике Сона-абла, жена дяди Надима, раскатывала тесто длинной узкой скалкой и ловко бросала на шипящую сковороду лепешку.

Эта часть воспоминаний, пожалуй, самая цельная. А дальше все смешалось — воспоминания, размышления, исторические ссылки...

Сначала я вычертила четкую временную линию: Удэ — Конк — Дигур — Ардаган — Удэ — Тбилиси — Ахалцихе — Удэ. По времени это почти двадцать лет. Стала собирать из всего написанного относящееся к этой линии. Прочитала. Получилось довольно схематично. А папины рассказы тем и привлекательны, что похожи на замысловатые кружева.

Особенно хорошо я помню, как мы жили в Мугани. Я училась во втором классе, Тамара — в четвертом, а Маратику было пять — карапуз с вечно открытым от удивления ртом.

Помню, папа был так занят — размещал людей, прибывших с нами из Средней Азии, добивался палаток, пробивал школу — и, несмотря на страшную занятость, почти каждый вечер рассказывал нам сказки.

Начинал он неизменно так: «Было да не было, не было да было...»⁶ и рассказывал медленно, подробно и так живо, что мы целиком погружались в волшебный мир. Причем, у бесчисленных героев его сказок были наши имена. Может, папа делал это из педагогических соображений, не знаю. Мы умирали от любопытства и страха за судьбу героев и срывающимися голосами спрашивали, удастся ли им одолеть все невзгоды и вернуться на ро-

⁶ Традиционный зачин грузинской народной сказки.

дину. Эти сказки были чистым волшебством, и с тех пор я влюблена в них. Кстати, позже, читая «Тысячу и одну ночь», я с удивлением обнаруживала папины сказки, правда, сильно измененные. Но все равно они радовали меня, как старые знакомые.

На другой день на пороге один за другим стали появляться родственники. Мой рассказ о фантастическом переходе через границу приводил всех в удивление и стал передаваться из уст в уста. Чтоб услышать этот рассказ, приезжали даже из дальних сел. Два дня меня не выпускали из дома. Отдыхай, говорили, и заставляли пересказывать еще и еще раз.

Перво-наперво я постарался выяснить географическое положение села. Ранее Конк был большим селом, в нем прошли несколько лет моего детства. Село разделяла небольшая речушка, текущая на север. Крыши домов были обмазаны глиной. Коровники стояли вплоты к жилым домам, а заготовленное на зиму сено в стогах — в стороне, чтобы в случае пожара огонь не перекинулся на дома и сарай. В Поцхове дома, как правило, имели очень маленькие окна. Здесь же, в Конке, окна по-европейски большие. В этих домах раньше жили молokane. Не привыкшие жить в таких домах (к тому же стекло в те годы было в большой цене), конковцы забили часть окон и теперь окна эти смотрелись как большие заплатки на домах.

Кстати, откуда в Поцхове появились молokane? На мой письменный вопрос папа ответил целым трактатом. Папа писал, что молokane — одна из христианских сект, возникшая в XVIII веке как следствие протеста против социальных условий крепостнической России, что они отвергают иконы, мощи, святых, считая, что целью верующего является духовное возрождение. Относительно происхождения названия «молokane» существуют различные версии. Одни связывают его с местом поселения молokane на реке Молочная на Крымском полуострове, другие — с тем, что сектанты считают свое вероучение «чистым молоком духовным» и пьют в пост молоко. Что после русско-турецкой войны 1828-29 годов Николай I приказал выселить всех молokane из Молочных вод в отвоеванный от турок Ахалкалакский уезд и поселить их на Джавахетском плато. В горах Джавахети молokane построили такие же деревни, как и на Молочных водах, занялись сыроварением, овцеводством, извозным промыслом. Жестокие репрессии властей вынудили молokane выехать из Ахалкалакского уезда и близлежащих сел сначала на остров Кипр, а затем в Канаду.

Тут я вспомнила, что Тамара рассказывала, как прошлым ле-

том в Турции в городе Карсе она встретила русских девочек. Они были одинаково одеты в цветастые сарафанчики, одинаково голубоглазые, а легкие льняные волосы были одинаково заплетены и перехвачены голубыми бантами. Тамара окликнула их по-русски и спросила, как их зовут. Девочки переглянулись и неуверенно ответили: «Нюра», «Катя». Но дальше этого разговор по-русски не пошел. Девочки оказались местными, как они выразились, русский язык знают их родители и бабушка, а они только понимают немного. Потомки переселенных молокан бойко тараторили по-турецки, а потом вежливо распрощались. Почему-то мне стало грустно, сказала моя сестра Тамара, заканчивая рассказ.

Кроме того, в Конке жили туркмены и терекеминцы, насильно переселенные более 200 лет назад. Однако до сих пор они не ассимилировались с другими народностями.

Дома в Ардаганском вилайете были одноэтажными, и зимой снег укрывал их полностью. Жители отправлялись на быках в поцховские и шавшетские леса. Там они выкорчевывали из земли наиболее смолистые сосновые пни, расщепляли их на тоненькие лучины, которые и служили по вечерам источником освещения. Когда я стал бывать в Поцхове чаще, то убедился, что с топливом и освещением там действительно было плохо. Уже позже народ покупал контрабандный керосин, вывезенный из России. Пока этот керосин довозили до Ардаганского вилайета, цена его становилась баснословно высокой — за литр керосина брали два литра топленого сливочного масла. Деваться было некуда, и люди шли на такой невыгодный обмен. В то время ни у нас, ни в Поцхове и Ардагане денег в обиходе не было, шел обмен товарами.

Кукуруза (по-турецки «лазут») в Ардагане не приживалась из-за холодного климата. По мнению профессора С. Джикия, слово «лазут» произошло от «лаз оти» — «трава лазов». В Месхети кукуруза распространилась одновременно с турецким языком и вскоре кукуруза стала популярной культурой. В 20-е годы в Ардагане и Ахалцихе бытовало много песен и дастанов, прославляющих кормилицу-кукурузу. Я охотно распевал эти дастаны в кругу взрослых и сверстников. Вот один из них:

**Зовут меня лазут и мисир⁷ иногда,
Обильное потомство у меня всегда.**

---

⁷ «Мисир» от арабского «Маср» — Египет. Возможно, кукуруза пришла в Грузию из Египта.

Пленен был в Поцхове, не помню когда,
Теперь же вся степь Ардагана моя!

Я там, где сады, огороды, вода,
Персик и гранат мне спутники всегда,
Чурук Су⁸, Мачахели, Батуми, Ливана,
Имерхеви⁹, Кутаиси мне принадлежат!

Я — лазут! Разорился и в забвении бывал,
Но сейчас я сладким и вкусным стал,
Везде и всюду теперь меня хвалят,
Ахысха¹⁰, Ардаган мне принадлежат!

Богатые крестьяне, переехавшие в Конк из Поцхова, стали еще богаче. Знамениты были братья из поцховского села Али: Кочи-ага, мулла Касим и Ахмед-ага. Они открыли в Конке лавку, в которой продавалось все — от керосина до парчевой ткани. Популярная на селе кофейня, так называемая хахве-хана, тоже принадлежала братьям. Каждому из них прислуживали 3—4 семьи. Хотя братья и жили вместе, хозяйство их было отдельным и размещалось в разных сараях и амбарах. Овцы, буйволы, табуны лошадей, коровы — все это содержалось образцово. Сельским старостой обязательно был кто-нибудь из них. Старшина волости тоже избирался из них. Лучшими пастбищами и посевными площадями владели братья. У каждого было по две-три красавицы жены. Моя теть Дильфуз, сестра матери, была первой женой Ахмед-аги. Женился он на ней в Поцхове, а затем, уже в Конке, взял себе в жены еще двух красавиц. От каждой жены у него было по несколько детей, и в доме с утра до вечера шли шумные скандалы.

В соседнем селе Кодисцкаро богатейшим человеком был Фейзо-ага, который даже открыл молочный завод. Он скупал все молоко в своем селе и окрестностях по самой дешевой цене, перерабатывал его в масло, сыр, творог, айран. Затем продукция отправлялась на караванах в портовые города, а оттуда новоиспеченный капиталист умудрялся переправлять ее и за

⁸ Чурук Су — гнилая вода. Так раньше называли город Кобулети.

⁹ Мачахели, Ливана, Имерхеви — провинции Южной Грузии.

¹⁰ Турецкая огласовка грузинского топонима «Ахалцихе», что значит «Новая крепость».

границу. В соседних селах и даже в самом Ардагане были лавки, принадлежащие Фейзо-аге. В Ардаганском банке он имел личный счет.

Школа в Конке, в которую я поступил учиться, занимала большое здание. Когда-то, лет сорок назад, в этом здании жили молокане. Оно было таким большим, что в нем свободно проживало сто — сто двадцать семей, целая община. Но хотя молокане жили тогда не бедно, школы здесь не было.

Начальную школу в Конке открыли в связи с первой годовщиной Турецкой республики. Единственным учителем в ней был лаз Идрис-эфенди из города Риза. Видимо, этот чиновник здорово поднаторел в науке обучения. Ходил он всегда с черным зонтом, служившим ему тростью, надменно задрал лицо, побитое оспой. На уроках Идрис-эфенди нещадно бил ребят, однако никто из родителей не возмущался этим, простодушно считая, что избивание помогает в учебе. Я много помогал по дому, поскольку у дяди не было ни слуг, ни батраков. Как-то Сона-абла, двоюродный брат Изаар и я вычищали навоз из сарая. Мимо проплыла надменная фигура Идрис-эфенди. Я поправил феску на голове и поклонился. Учитель брезгливо окинул взглядом унавоженный двор и поплыл дальше. Наутро он спросил меня: «Ответь, чем это ты занимаешься дома?». Я вспыхнул и, вскочив с места, ответил: «Учу уроки, эфенди». Тут учитель размахнулся и ударил меня по лицу. До сих пор не знаю, за что. Все поплыло перед глазами. Домой я прибежал заплаканный. Дядя тут же отправился в школу. Я сначала уперся — уйду из школы и все! Но потом вспомнил, как я мечтал об учебе и смирился.

В школе мы изучали грамматику, арифметику, закон божий, историю, естествознание, чистописание, занимались физкультурой и пением. Подобные школы были открыты лишь в некоторых селах новой Турецкой республики.

Позже я узнал, что город Ардаган был в 1921-28 годах центром вилайета. Население занималось в основном скотоводством, было неграмотным и представления не имело о медицине. Все это было наследием Османской империи, которая потерпела полное поражение в первую мировую войну. Англичане заняли Стамбул, наступая со стороны Ирака, Франция наступала из Александрии, большая пограничная территория с Измиром находилась в руках греков. С востока наступали дашнаки.

Турки во главе с Мустафой Кемалем объявили Турцию республикой. Президентом ее был избран Мустафа Кемаль-

паша, которого позже прозвали Ататюрком, что означает «отец турок».

В апреле 1920 года президент обратился к Ленину с просьбой поддержать турецкий народ в его борьбе за независимость. Советское правительство ответило согласием — в Турцию было отправлено 10 миллионов рублей золотом. Кроме того, для помощи в военных действиях был направлен Фрунзе. Войска под руководством Фрунзе одержали ряд важных побед, за что советскому полководцу был присужден высший воинский титул — паша.

Турция обрела независимость.

В те годы в Месхети было нелегко. В 1922 году дядя Меликшах, брат отца, был ревкомом в Удэ. Я помню, как он реквизировал запасы пшеницы и кукурузы у Гейдар-аги, самого богатого человека в районе. Помню, по селу прошел восторженный слух: ревком смело ворвался на мельницу богача и сбил все замки на амбарах. Потом это зерно спасло жителей Удэ от голода.

Мой переход через горы сказался скоро. Через месяц на животе у меня выскочил фурункул, который с каждым днем все больше беспокоил меня. Чем его лечить, я не знал, обратиться к теткам стеснялся и очень страдал от изнуряющей боли. Когда Сона-абла узнала об этом, она всполошилась:

— Какой там чирей! Клянусь Кораном, это черная болячка! Мало того, что этот бездельник много ест, так еще подхватил где-то заразу. Уводи, уводи его куда хочешь!

Но дядя прикрикнул на жену, и я продолжал учиться. С фурункулом я промучился с месяц. До марта следующего года проучился без особых происшествий.

А там пришло новое несчастье — всю семью охватила чесотка. Врачей на селе не было, а местные знахари были бессильны перед этим всепожирающим зудом. Мы чесались остервенело, до полного изнеможения. Положение стало невыносимым. К тому же в Конке было очень голодно.

Дядя решил съездить в районный центр. В Поцхове было много контрабандного товара. Может, и удастся что-нибудь достать.

Двумя днями позже пустились в путь и я с Изааром. Я убедил дядю с тетей, что в Удэ брату будет лучше. Отправились мы в апреле, в горах уже начинал таять снег, но идти в гололед было трудно.

Когда мы взобрались на Мутруджанский перевал, неужи-

данно встретились с дядей — он ехал уже обратно с провизией. Дяде повезло: он достал пять пудов кукурузы у знакомых контрабандистов. После привала мы попрощались и торопливо зашагали к границе.

Мы благополучно пересекли границу и поздно вечером были в Удэ.

Дома нас встретили с радостью — отец уже не гневался на меня за побег.

Мы вымылись, переоделись в чистое белье и сели к очагу. Аба¹¹ разламывала мчади, пододвигала мацони в деревянных чашках, тихонько утирая слезы. Я подробно рассказывал о своем житье в Конке, об учебе, о том, что вынудило меня уйти из села.

Меня все еще продолжала мучить чесотка. Была у нас в Удэ бабушка Пенбе, приходившаяся нам дальней родственницей. Вообще-то, она не была знахаркой, но людям помогала. Как-то она здорово подлечила меня. В 1920 году на селе сплавляли лес. Я напросился подработать. На втором часу работы я глубоко засадил топор в левую ногу на сгибе колена. Брызнула кровь, и я закричал от страха и боли. Аба побежала к сельскому знахарю Петре Бабунашвили. Тот потребовал за лечение пять пудов пшеницы. Естественно, такая плата была нам не по карману. Тогда бабушка Пенбе сама взялась вылечить рану. Она размотала перевязанное наспех колено и промыла его. Достала из деревянного сундука мешочек, неторопливо развязала его, вынула большой кусок сахара. Бросила его в чугунную ступу и стала сосредоточенно дробить. Потом высыпала его себе в сухую ладошку, поднесла к ране и стала равномерно посыпать рану серым порошком. Затем наложила на рану вчетверо сложенный кусок марли, смоченный в керосине и туго перетянула его марлевым лоскутком.

Почему я все это помню так подробно — я сидел тогда и со страхом наблюдал за неторопливыми движениями старушки.

Рана стала затягиваться и вскоре зажила.

Чесотку вылечила она же. Состав «лекарства» на сей раз был сложнее: сажа, курут, керосин. Бабушка долго размешивала в деревянной миске эту смесь, мяла в пальцах, нюхала, что-то бормотала про себя.

До сентября мы с Изааром оставались в Удэ. Хозяйство было большое, хлопот со скотиной, сенокосом и садом хвата-

---

¹¹ Аба (турецк.) — мама.

ло. Но когда пришел сентябрь, я стал проситься на учебу обратно в Конк.

С трудом уговорил родных. Особенно упорствовала она панически боялась всяких переходов через границу и твердила, что меня обязательно убьют.

В конце-концов нас отпустили, и в начале сентября мы с Изааром отправились в Конк. Но добравшись до дяди, мы узнали, что школы в Конке уже нет, ее перенесли в дальнее село, где значительно переплатили за возможность иметь свою школу. Удрученный, я на другой же день пустился в обратную дорогу. Изаар со слезами на глазах простился со мной — за это время мы привязались друг к другу и расставаться нам не хотелось.

В Удэ я пошел через районный центр Дигур — так было ближе. Совершенно случайно встретился там со своим учителем — в 1921 году мулла Алы учил меня Корану. Оказалось, что он недавно устроился на работу в школу — учителем пения. Он посочувствовал мне и тут же предложил устроить в Дигурскую школу, где он работал. Но где жить? Мулла Алы сказал, что на окраине он знает одно старое заброшенное здание, где когда-то находилось медресе. Мы нашли его, осмотрели пустые комнаты. Одну из них можно было приспособить под жилье.

Я добрался до Удэ и рассказал обо всем родителям. Смирившись с моим стремлением получить образование, они вечером стали собирать меня в дорогу. Достали жестяную печь (она валялась в подвале), сложили в мешок сковородку, шерстяное одеяло, муку, сушеные груши. Вещей набралось много и отец сказал, что пойдет со мной.

Глухой ночью мы вышли в путь. Жестяная печь с трубой висела у отца за спиной и громыхала в самые неподходящие моменты. Мы в страхе замирали и прислушивались, не слышно ли цокота копыт — объездчики погранотряда разъезжали тогда на лошадях. Но все было тихо, и мы шли дальше.

К утру мы прибыли в Дигур. Я привел отца в свое будущее обиталище. Мы выбрали одну комнату, развели огонь в печи. Когда отогрелись, стали размещаться. Отец забил окна, сделал крючок на двери. Мы натаскали солому, набили ею наволочку, набрали дров.

В школе меня приняли во второй класс. Учился я плохо — постоянно хотелось есть и спать. Готовить еду я не умел. Получалось только гоми. Я долго помешивал кукурузную массу,

вдыхал вкусный запах горячей пищи и иногда засыпал от усталости прямо у печи с деревянной лопаточкой в руках.

Иногда навещал знакомых и родных в Дигуре — там хорошо кормили, но я очень стеснялся своего голодного вида и боялся беспокоить их слишком часто.

В Дигуре торговали эмигранты-беки из Ацкури. Как-то отец, навестив меня, зашел в лавку. Владелец ее — Кахриман-бек говорит отцу: «Забирай товар, масло хорошее, выгодно продашь в Удэ». «Нет денег, бек-эфенди», — отвечает отец. «Бери, бери, — настаивает Кахриман-бек, — что, я не знаю тебя? Продашь — вернешь деньги. Да и сын твой здесь учится». Затем поворачивается ко мне: «Ола¹², отец товар просит. Дать?». Я говорю: «Твое дело, бек-эфенди». «А вернет ли деньги?» — допытывается бек. «Куда денется», — в тон ему важно отвечаю.

Кахриман-бек выносит два пуда отменного ардаганского масла в коробках и нагружает отца.

На сей раз отца поймали на границе. Отпустить — отпустили, но масло конфисковали, все 32 килограмма.

Через некоторое время бек встречает меня и в гневе хватает за шиворот: «Где твой отец, сукин сын?».

Объясняю — так и так. Кахриман-бек недоверчиво слушает меня и говорит наконец: «Тьфу ты, черт! Этот Максуд одну границу перейти не может, а я еще связался с ним!..». «Но ты ведь сам всучил ему масло, бек-эфенди», — робко возражаю я. «Молчи, сукин сын! — гремит бек. — И не показывайся мне на глаза, не то кишки выпущу!..» С тех пор я обходил стороной лавки ацкурских эмигрантов.

Выходным днем в школе была пятница. В четверг вечером я брал обоюдоострый кинжал, — «бебут ханчар», — и шел в пограничное село Гуме. Там жила моя двоюродная тетька, и у них я дожидался темноты. Село было расположено очень удобно, и по этой дороге переходили границу многие — кто шел к родственникам, кто эмигрировал, контрабандисты проносили товар. У пограничников этот путь не вызывал подозрений — он пролегал по непроходимым оврагам, лесам и перевалам. Но был и самый короткий — всего 16 километров от Дигура до Удэ.

Дома меня ждали. Стаскивали одежду и я ожесточенно смывал с себя недельную грязь. Целые сутки я блаженство-

---

¹² Ола, олан — от турецкого «оглан» — «мальчик», «парень».

вал. Но приходил вечер, меня нагружали запасами продуктов на всю неделю, и я вновь уходил в темноту и неизвестность. Именно эта неизвестность и постоянное присутствие опасности совершенно изматывали меня. Я валился с ног в своей холодной пустой комнате, натягивал одеяло и долго лежал без движения и мыслей.

Как-то зимой я собрался домой. Затянул узел на мешке, сунул кинжал за пояс. Пришел к тете в село Гуме. Она сытно, как всегда, накормила меня и говорит: «Ты знаешь, сегодня никто не собирается за границу. Останься, пойдешь завтра. Видишь, какой снег идет». Я отказался: «Нет, пойду. А волков я не боюсь — вооружен». Тетя вздохнула и сказала: «Забери тогда и мальчишку. Он тоже один. Из беков. Пришел из Ардагана, а идет в Кахарет».

Мальчишке было лет семь, не больше. Он надел шапку из хорошего каракуля, поправил за поясом дорогой кинжал и сумрачно посмотрел на меня. Мы вышли. Было тихо и таинственно, как бывает в сумерках зимой. Бесшумно падал снег. Это меня обрадовало — снег тут же заметет наши следы. Мы шли по дороге, увязая по пояс в снегу и как бы погружаясь в темноту.

Через несколько часов пути, у мельницы, нам повстречался мельник. «Кто такие, куда идете?» — резким голосом спросил он. Я назвал соседнее село. Он прикрикнул: «Ай, хитрецы! Бегите скорее, пока вас не заметили!».

Мальчик, мой попутчик, вскоре попрощался и свернул налево. Я ускорил шаг. Подойдя к дому, я увидел, что снегом завалило окна.

Так я проучился до марта 1924 года. В марте к директору школы пришла телеграмма из Ардагана. В ней говорилось, что в Ардагане открывается школа нового типа под названием «лейли-мектеб». В связи с этим директор получил распоряжение прислать для учебы шесть учеников. «Детей граждан, верных родине!» — было особо подчеркнuto.

Был составлен список детей влиятельных родителей. Но кто-то пустил слух, что детей заберут навсегда, и кампании грозил провал. Дирекция стала спешно подбирать новые кандидатуры, и я попал в их число. Кроме того, я узнал, что это не просто школа, а школа-интернат, т. е. забота о жилье практически отпадала. Я немедленно согласился и с 15 марта 1924 года был включен в списки учеников.

Все мы из дигурской школы были второклассниками. В школе мы изучали историю, географию, естествознание, Коран,

грамматику, рисование, были такие предметы, как пение и физкультура.

Директором школы был стамбулец, богослужение вел Реджеб-эфенди — он был родом из поцховского села Али. Остальные учителя были из разных районов Анатолии.

Школа размещалась в длинном двухэтажном каменном здании. Недалеко стояли еще три таких же здания. В одном из них была казарма, два других пустовали. Как я узнал, до Октябрьской революции в этих корпусах располагались части русской армии.

С позволения городского начальства молодые учителя заняли один пустующий корпус и устроили в нем театр. Школа была мужской, и все женские роли прекрасно исполняли молодые мужчины. Они сами делали декорации, шили костюмы, мастерили парики и бороды. По воскресеньям мы ходили смотреть захватывающие представления.

Врача в интернате не было. Была баня, но мыться разрешалось не всем, хотя почти все учащиеся были приезжими. Зато постельное белье меняли раз в неделю.

В большом зале висела причудливая лампа. Светила она хорошо, но при горении издавала сильный треск, к которому мы вскоре привыкли. Ее называли «газ-лампа».

Ели мы в общей столовой, где каждый имел свое место. Перед едой, занятиями и сном делалась перекличка. Нас вызывали по номерам в журнале — «первый! второй!..» — и мы отзывались. Фамилий в то время в Турции не было. Меня, например, звали «Латиф-эфенди», хотя я и твердил, что у меня есть фамилия. Учителя, жившие при интернате, дежурили по корпусу и имели широкий круг обязанностей — следили, как режут хлеб на кухне, учили нас пользоваться вилок и ножом, помогали готовить уроки.

Когда приезжали богатые родители, то, как правило, кроме верховой лошади с ними были и две другие, навьюченные вяленным мясом в хурджилах, кувшинами с медом, сливочным маслом в огромных коробках. Все это предназначалось директору и учителям. Поэтому детям богатых родителей уделялось больше внимания, и оценки они получали выше.

Знания оценивались по десятибалльной системе. Оценки 1, 2, 3, 4 означали «плохо», 5—6 — «посредственно», 7—8 — «хорошо», 9—10 — «отлично». Кроме того, отличники награждались грамотами.

Учился я хорошо. Не нужно было постоянно думать о еде, одежде, жилье, и, главное, не нужно было каждую неде-

лю переходить границу. Теперь я с удовольствием тренировался в чистописании, изучал грамматику, знал наизусть все стихи в учебнике. Тайны природы раскрывала мне книга по естествознанию и рассказы на уроках о дождях, снеге, го-рах... География же совершенно пленила меня. Я часами рассматривал красочные географические карты, усердно перерисовывал их и вскоре мог на память нарисовать карту любой страны со всеми координатами.

Мне не хватало учебного времени для занятий, и я ночью тайком изучал учебники на несколько уроков вперед. Учителя начали ставить меня в пример. Все знали, что у меня нет богатых родственников, и пытались меня дразнить. Но я хорошо дрался, был физически сильным и вскоре отбил охоту задевать меня.

Звание учащегося считалось почетным, и сукно для форменной одежды покупалось у богатых купцов. В 1925 году в форму ввели новшество — пряжки ремней и фуражки были украшены медным рельефным вензелем «АЛМ» — «Ардаган-лейли мектеби». В те годы в Турции пользовались еще арабским шрифтом, и название нашего интерната было выполнено арабской вязью. Арабские буквы, причудливые сами по себе, сплетались в замысловатый узор и создавали нашу эмблему.

В 1925 году в Турции ввели правило носить европейские фуражки, что возбудило настоящий религиозный саботаж. Он вылился в целый мятеж в ряде юго-восточных районов Турции — в Диарбекире и Дерсиме. Религиозные мятежники пошли на столицу против правительства, которое вводило европейскую моду. Этим мятежом хотели воспользоваться контрреволюционные элементы в стране, однако мятеж, хотя и с большим трудом, но был подавлен.

Весной 1925 года нам сообщили, что в Ардаган прибывает национальный поверенный по государственной обороне Турции Февзи-паша. Тогда министров называли так — национальный поверенный. В день приезда высокого гостя школа вышла на торжественную встречу. Мы в своих форменных одеждах стояли вдоль дороги, а за нами шумела толпа горожан, бурно приветствуя министра.

Ярко блестели начищенные пряжки и вензеля. Паша проезжал в машине. У нашей колонны Февзи-паша царственным жестом остановил ее, вышел и подошел к нам. Я стоял во главе шеренги, как самый лучший ученик. Рядом стоял наш учитель по богослужению Реджеб-эфенди. Мы замерли. Кто

мог подумать, что человек военный до мозга костей может спросить такое.

Февзи-паша спросил у меня: «Сколько столпов веры ислама?» Я усмехнулся — вопрос был для первоклассника. Я знал наизусть, какие пять столпов веры мусульманин обязан признавать. 1. «Севим» — соблюдение поста. 2. «Селат» — совершение ежедневных молитв. 3. «Хадж» — совершение паломничества в Мекку. 4. «Зекеат» — уплата религиозных налогов. 5. «Келимен шехадет» — произнесение символа веры: «Ля илахи иль ля лах, Мухаммеди расул иль лах!» — «Нет божества, кроме Аллаха и Мухаммед — посланник божий!».

Но я подумал — если выпалю всю подряд на одном дыхании, подумают, что я вызубрил эти священные истины, не вникая в их смысл. Поэтому я помедлил, якобы раздумывая, назвал все их вразнобой и замолчал, ожидая похвалы. Однако этого не случилось. Национальный поверенный с отвращением посмотрел на Реджеб-эфенди и сказал: «Да повылазят глаза у твоего учителя!».

Событие это взволновало всю школу. Репутация интерната по моей милости оказалась на волоске.

Впрочем, хотя город и рад был приезду национального поверенного, но откуда-то стало известно, что Февзи-паша по происхождению курд (а над курдами у нас посмеивались). Это сообщение послужило пищей для зубоскалов, которые не оставили без внимания и его диковинную в то время машину. Машина тарахтела, выпускала дым и вонь, а на другой день и вовсе застряла на пустыре перед нашей школой. Двое сильных мужчин целый день крутили ручку, толкали ее взад и вперед, но ничего не помогало. К вечеру пригнали равнодушных буйволов, впрягли в машину и она тихо покатила под наше улюлюканье и хохот.

Разгневанный паша ускакал в Анкару на верховой лошади.

1917—1921 ГОДЫ

В этот промежуток времени Месхети подвергалась разорению и грабежу. Происходили нескончаемые распри между христианами и мусульманами.

Меньшевики организовали 1-ю Месхетскую национальную гвардию, половину которой составили христиане из Удэ. Начальником гвардии был назначен Петре Мерабишвили, тоже

из нашего села. Пользуясь своим положением, он держал в страхе всю тысячу семейств села.

Во время правления меньшевиков в церквях, на улицах в домах шли споры между мусульманами и христианами. Разные религии разобщи́ли месхов настолько, что они забыли о своем общем грузинском происхождении.

Южнее Удэ, на холмах, мусульмане вырыли окопы, день и ночь между окопниками и солдатами меньшевистской национальной гвардии шла перестрелка.

В январе 1919 года, ночью национальная гвардия начала отступать. Петре Мерабишвили запряг быков в несколько арб, побросал в них узлы, усадил семейство и укатил вслед за гвардейцами. Часть католиков последовала за ними, и в одну ночь Удэ почти опустело.

Рано утром в село ворвалась одна из банд мусульманских головорезов. Оставшимся католикам грозила смерть. Но случилось невероятное — католики нашли убежище в мусульманских семьях. Не знаю, что сработало в сознании и душах людей, но христиане в свой самый трудный час нашли приют в домах своих вчерашних противников. С января по март 1919 года в мусульманских семьях Удэ укрывалось 180 католиков. Мои родители прятали в то время от религиозных фанатиков 12 человек.

Когда я сейчас вспоминаю все это, я думаю, что кровь оказалась сильнее религиозных распрей.

Из мусульманских политических деятелей Месхети того времени выделялся Омар-эфенди Кипиани. Родом он был из села Агара Ацкурского района. Образование получил в Стамбульском университете. В Агара имел хорошие сады и деревообрабатывающий завод. В 1906 году он знакомится с азербайджанским писателем и общественным деятелем Джалилом Мамед-кули-заде. Вместе они открывают журнал «Молла Насреддин», журнал хлесткий, остро-сатирический. В 1917 году Омар-эфенди возвращается в Грузию и возглавляет мусульманский отряд, выступая против меньшевиков. Когда в 1917 году в Ахалцихе был расформирован русский стрелковый полк, все оружие полка попало в руки Омара-эфенди. Отряд был большим, в несколько сот человек, со своим знаменем, со своим уставом. На красном полотнище знамени был изображен мусульманский религиозный символ — полумесяц со звездой. Ниже арабской вязью было выведено «Да здравствует свобода!». Ее Омар-эфенди понимал превратно: он считал, что весь Ахалцихский округ должен отделиться от меньшевистского

правительства и присоединиться к Турции. В 1919 году в Анатолии началось восстание турков под руководством Мустафы Кемаль-паши против существующего строя. Омар Нишани считал, что Ахалцихе и Турция должны объединиться, чтобы разбить меньшевиков, с одной стороны, и войска Антанты, с другой стороны.

Когда в 1921 году в Грузии установилась Советская власть, Омар-эфенди вернулся к журналистской деятельности. В Баку, где его называли Омар Фаиг Номен-заде, под его руководством снова стал выходить «Молла Насреддин». Летом 1937 года Омар Фаиг поехал отдыхать в Агара. По дороге его арестовали как турецкого агента и посадили в тюрьму, где он и умер.

До марта 1919 года власть в Месхети принадлежала мусульманским отрядникам. Села в окрестности Ацкури контролировал Омар-эфенди, села восточнее реки Абастумани — Сарвар-бек.

Был еще один мусульманский отряд, которым руководил богач, владелец села Даниэти Аспиндзского района Бахши-бек Мачабели. В его отряде было 150 хорошо вооруженных человек. Отрядники хорошо обеспечивались продовольствием и без задержки получали жалование. Они контролировали Абастуманский курорт и села западнее реки Абастумани. Бахши-бек поддерживал меньшевиков и был связан с Ноем Жордания. В марте 1919 года он известил меньшевистское правительство о том, что в Ахалцихском уезде у мусульман нет серьезной военной силы. Получив это известие, меньшевики ввели в Месхети свои регулярные войска. Не встретив сопротивления, они заняли Ацкурский район. Мачабели за эту операцию получил военное звание полковника и очень гордился им.

25 февраля 1921 года в Тбилиси была установлена Советская власть. В марте 1921 года в адрес реввоенсовета XI армии пришла телеграмма от Ленина.

«Телеграмма реввоенсовету XI армии

Копия РВС Кавфронта

Копия Ревкому Грузии

Копия тов. Орджоникидзе

Ввиду того, что части войск XI армии находятся на территории Грузии, вам предлагается установить полный контакт с Ревкомом Грузии и строго сообразоваться с директивами Ревкома, не предпринимать никаких мер, могущих затронуть интересы местного населения, без согласования с грузинским Ревкомом. Относиться с особым уважением к суверенным ор-

УДК 37.015.59.41
И 101933

ганам Грузии, особое внимание и осторожность проявлять в отношении грузинского населения. Дайте немедленно соответствующую директиву всем учреждениям армии, в том числе: особому отделу. Привлекайте к ответственности всех, нарушающих эту директиву. Сообщайте о каждом случае нарушения или хотя бы малейших трениях и недоразумениях с местным населением.

Председатель Совобороны В. И. Ленин.
10 марта 1921 года».

Власть меньшевиков продержалась в Месхети до марта 1921 года. За это смутное время я успел параллельно проучиться в мусульманской духовной школе — медресе и начальной грузинской школе с христианским уклоном.

В Ардаганском интернате я проучился до 10 июня 1926 года. Летом, на каникулах, я пришел домой, как всегда, через границу. И тут аба сказала в отчаянии: «Если снова уйдешь — сейчас же пойду к Курбану».

Этот Курбан из пограничного села Хона слыл опасным человеком. Сначала он был бандитом, промышлял в пограничных лесах. Потом его привлекли к работе в погранотряде — Курбан хорошо знал эти места. Выдали ему оружие, коня и объявили объездчиком. Однажды мы встретились в лесу. Я даже вскрикнул от неожиданности — передо мной вдруг, словно из-под земли вырос всадник. Усы торчком, в руках сложенная камча¹³. «Кто такой?» Я быстро ответил. Он тупо посмотрел на меня. «Ну-ка, спой что-нибудь». Я робко затянул какой-то дастан. Потом осмелел и спел еще несколько песен. Он спросил еще что-то, потом стегнул меня камчой и отпустил.

Дома меня так уговаривали остаться, что я не мог противиться. Тем более, что в Удэ к тому времени открыли новую школу. И так как в Ардагане я закончил 4 класса, с сентября 1926 года пошел в пятый класс новой школы в Удэ. Школа была семилетняя, называлась ШКМ — школа крестьянской молодежи. В классе я был старше всех — пока я учился в разных школах по обе стороны границы — годы шли.

В 6-м классе я вступил в комсомол. В школе мы распевали «Марсельезу» на грузинском языке — ее с нами разучил один из учителей — бывший меньшевик. Ставили пьесы Ильи Чавчавадзе. Сначала давали представления в Удэ, затем

¹³ Камча — плетка из сыромятных ремней.

стали выезжать. В спектаклях играли и мы, и учителя. Сначала ставили пьесы только на грузинском языке, потом переводили их на тюркский язык и разъезжали по селам — Брели в Каратубани, Кахарети, Лелвани. В Лелвани остановились у двоюродной сестры матери. Это село было самое религиозное во всей округе. В селе было двенадцать духовных чинов — два хафиза¹⁴, остальные десять — муллы. Встретили нас враждебно. Еще бы! — мы привезли сатирическую антирелигиозную пьесу. После первого скандального представления разъяренные духовники нагрянули к тете: «Угмоните своего гяура, иначе мы за него не отвечаем. Пусть убирается!».

Я, чувствуя, как холодеет у меня внутри, громко крикнул: «Хватит вам дурманить народ!».

С 1927 по 1929 год я был секретарем комсомольской ячейки в Удэ. В ячейке сначала было всего 8 человек, но потом число членов достигло 35.

В Удэ находился пункт погранотряда из двух человек — секретаря с прекрасным почерком и начальника — рослого красавца Микеладзе.

Все вылазки населения за границу активировались и регистрировались. Микеладзе ежевечерне сообщал коммунистам о вылазках (как только он узнавал обо всех!), те распределяли зоны, всегда включая в группу охраны и меня. Несмотря на мою молодость, мне многое доверяли. Ни одно партийное собрание не проходило без меня. Мне сообщали маршруты и выдавали оружие. В 1918 отец подарил мне немецкое ружье. Мы с ребятами ходили к реке Коблиани и стреляли в противоположный скалистый берег. Тогда-то я и научился метко стрелять — с пятнадцати шагов попадал в бираббаси¹⁵.

Для обходов выдавали ружья «османли копуси», которые в первую мировую войну Германия делала для Турции. Чтобы легче было справляться с заданием, я садился на нашу лошадь и объезжал пункты верхом. В основном попадались контрабандисты, переправляющие из Турции ткани, промтовары. Товары конфисковывали, а контрабандистов сажали до утра под замок в пыльный амбар. Рядом, в небольшом домике, я ночами дежурил. В домике хранилось оружие, документы, а в углу как-то небрежно, большими брусками лежало розовое свиное сало. Вначале с непривычки я сторонился греховной

¹⁴ Хафиз — знающий коран наизусть.

¹⁵ Бираббаси — двадцатикопеечная монета.

для мусульман пищи, но однажды попробовал. С нашим белым хлебом оно показалось мне изумительно вкусным. По ночам я сидел в этом домике, выпускал контрабандистов по нужде, подавал им воду в сплющенной кружке и уплетал запретное сало, посыпанное серой солью.

Контрабандисты простодушно сокрушались о конфискованных товарах и кричали мне из окошка:

— Олан, сообщи нашим, пусть хлеба пришлют.

— Папа, а как ты был одет в то время? — прерываю я рассказ.

Папа задумывается, потом говорит: «Обыкновенно. Служащие из приезжих дали мне тогда плащ. Из кооперативного магазина выдали юнштурмовку комсомольского цвета».

— Что это за цвет? — недоумеваю я.

— Ну, защитного цвета юнштурмовка: гимнастерка с накладными карманами, ремень, портупья, гетры, ботинки, кепка...

Я представляю себе молодого папу в этом наряде и мне почему-то становится весело. Большая кепка, конечно, была лихо надвинута на одно ухо. И вообще, вид у папы, наверное, был очень «революционный».

Летом 1929 года, по предложению комиссии по разгрому меньшевиков, сняли с работы председателя кресткома (он объединял 20 сел) Саркиса Мартиашвили за проявленную им «безактивность». По предложению той же комиссии председателем кресткома выбрали меня. Зарплату мне назначили 60 рублей.

Когда я принимал дела, оказалось, что у кресткома был долг — 160 рублей, а доходов не было совсем. Кроме того, крестком раздал по селам 120 пудов пшеницы и никак не мог получить ее назад. По работе меня никто не знал — для этой должности я был слишком молод.

Перво-наперво я вместе со своим секретарем Андреем Кулиджанашвили собрал пшеницу и расплатился с долгами кресткома. Затем на сплаве я взял в долг сто бревен. Нанял сорок плотников с пилами. У реки, на лугах они соорудили двадцать плотницких станков и начали распилку бревен. Распилили 50 бревен на доски и сложили. Потом я пригласил еще десять мастеров, и они стали делать ящики. Построили временки, я нанял сторожа. Работа кипела. Многие скептически относились к моим затеям, но слушались беспрекословно.

В этот момент пришла телеграмма из отдела пропаганды Ахалцихского УКОМа: «Немедленно приезжай. Шихлинский».

Я растерялся — что делать? Наш парторг Кевлишвили торопил меня — мало ли что, поезжай... Я поехал. До Ахалцихе было всего 18 километров. Пришел в УКОМ, оттуда меня направили к председателю уездной потребительской кооперации, который сказал, что меня в таком-то кабинете ждет человек из Тбилиси. Когда я вошел в тот кабинет, навстречу мне поднялся красивый мужчина. Я сразу почувствовал к нему симпатию. «Вы — Бараташвили?» — спросил он. Я кивнул. «А вы знаете, что такое кооператив?». Я усмехнулся: «Конечно! Каждый день покупаем там спички». «Да нет же! Читали что-нибудь о кооперации?». «Конечно. Роберта Оуэна, Шарля Фурье, Сен-Симона». Я очень любил этих утопистов. Он продолжал: «Как вы посмотрите на то, если вас направят на курсы в школу кооперации?». Я сказал, что поехал бы с удовольствием, но затеял в Удэ большое дело — изготовление ящиков, необходимых для отправки в Россию фруктов, что я собираюсь строить фабрику, в которую вложу кресткомовские средства с тем, чтобы получить доход. Короче, я отказался.

Оказалось, что я был кандидатурой УКОМА партии. И вот я снова в кабинете секретаря УКОМА. Завотделом пропаганды Шихлинский говорит мне, посмеиваясь: «Ты, оказывается, такой же темный, как и твой отец». Я обиделся: «А что мой отец? Для меня он самый умный человек». Он стал убеждать меня, что на пост председателя кресткома нам нужны экономически грамотные люди, что выстроить фабрику не так-то просто, нужны не только средства, но и знания... И я согласился.

Приехал в Удэ и сообщил новость моим комсомольцам. Они очень обрадовались за меня. Стал сдавать дела своему заместителю Ахмеду Абуладзе. Проверяющим финансовые дела оказался бывший меньшевик. Он так напроверял, что в итоге я оказался должен кресткому 62 рубля. Я получил зарплату и покрыл «недостачу». Ахмед остался председателем кресткома, но ни читать, ни писать он не умел.

Я попрощался со всеми и поехал в Ахалцихе. Там сообщают новость — меня назначили культурным пропагандистом Ахалцихского уездного потребсоюза. Кроме того, в Грузпотребсоюз было написано отношение: посылаем нашего культурного пропагандиста на курсы. Мне выдали причитающуюся месячную зарплату — 80 рублей. Добавили командировочные — 120 рублей, и я внезапно разбогател — никогда у меня не было таких денег.

Поехал в Тифлис, нашел директора курсов. Им оказался приятнейший человек, фамилия его была не то Гоголашвили,

не то Гоголадзе. Он внес меня в списки и направил жить в шикарный отель. Моим соседом по номеру оказался Степан Чилашвили. Я обрадовался — он тоже был из Удэ и тоже комсомолец. Его отец Ваню пришел с первой мировой войны хромым. Я дразнил его: «Дядя Ваню — хромой!». Он платил мне тем же: «Внук кривого!» Дедушка Искандер был слепым на один глаз: как-то пришел с холода, подсел поближе к камину и вдруг ослеп на один глаз.

Степана направили на курсы кооператоров из Адыгенского районного потребсоюза так же, как и меня.

На курсы прибыли слушатели со всей Грузии, в основном имевшие высшее образование. Для меня открывался новый мир — все было внове и захватывающе. Только мы боялись, что не осилим всех знаний и нас выгонят отсюда взашей. Но что будет с деньгами? Наверное, тоже отберут! Решили держаться до последнего. Занимались мы вечерами, а дни у нас были свободные. Нас учили пропагандировать кооперацию. Преподаватели были в основном университетские, материал преподносили хорошо, интересно. Одна мысль особенно поразила меня. «После каждого рабочего дня вы должны поставить перед собой зеркало и давать отчет своей совести. Сегодня я получил зарплату — честно ли заработаны эти деньги? Все ли я сделал для народа?»

На лекциях мы изучали утопистов, Маркса, научный коммунизм, вопросы организации кооперативов, вовлечения народа в кооператив. Запомнились два преподавателя — молодые турецкие коммунисты, брат и сестра. Они бежали из Стамбула от преследований кемалистов, в Тифлисе работали в газете, а также вели преподавательскую и организационную работу. В 1937 году их постигла участь многих: они были объявлены «турецкими агентами» и расстреляны без суда и следствия.

По утрам, захватив конспекты и консервы, мы отправлялись на гору св. Давида — там удивительно хорошо было заниматься на лоне полудикой природы. Рядом же был склеп Грибоедовых. Мы раскладывали конспекты на камнях и погружались в чтение. Лекционного материала было очень много и давали его на высоком уровне. Мы, не щадя себя, занимались. За два месяца мы освоили информацию, рассчитанную примерно на два года. Нас так поразили слова о честном использовании народных средств, что мы ежедневно отчитывались перед собой.

Два раза нам выдавали стипендию, но у нас оставались еще ранее выданные деньги, которые мы тратили с большой оглядкой.

Как-то к нам в номер пришел наш товарищ по нуреам. На ногах у него блестели новенькие туфли. Оказалось, они стоили баснословных денег — 30 рублей. Я возмущенно спросил: «Какое ты имеешь право делать такие покупки? Где твоя совесть? Родным хоть копейку послал?». Степан поддержал меня. А товарищ посмеивался над нашими словами и любовался обновой.

Мы со страхом ждали конца учебы. Боялись оценок. Но оценок не было. Экзаменов тоже. В зависимости от посещаемости выдавали удостоверения.

Деньги я не тратил, привез домой. Аба поразилась им. Дома не было пшеницы, было голодно, и деньги оказались весьма кстати.

После приезда с курсов я работал в Ахалцихском потребсоюзе. При заполнении анкеты меня спросили по-русски: «Женатый?», а мне показалось: «Жена ты?», то есть женщина. Кровь ударила в голову, меня насилу успокоили. После этого я стал изучать русский язык.

Как только я приступил к работе, сразу же открыл два кружка кооперативной пропаганды в селах Вале и Уравели. В средствах нас не стесняли, только просили грамотно отчитываться.

У постояльщика Вагана была красивая коричневая лошадь. На ней я обычно и ездил в свои пункты. Или же на фаэтоне. Фаэтонщик расписывался — я платил за проезд.

Я читал лекции по кооперации — знания были свежими, плюс к тому я хорошо владел обоими языками — грузинским и тюркским — и пользовался большим авторитетом. В Вале моим заместителем был дядя Атанас, слепой от рождения. Он был таким хорошим собеседником, таким подвижным человеком, что иногда даже забывалось, что он слепой.

Как только я приезжал в село, Атанас взбирался на холм и кричал: «Эй, народ! Бараташвили приехал! Сегодня вечером будет лекция. Не члены кружка тоже могут приходиться!».

В конце лета 1930 года Ахалцихский УКОМ партии направил меня на учебу в Центральную партийную школу.

28 августа 1930 года я приехал в Тбилиси. В кармане у меня лежали документы, в которых было написано, что Ахалцихский УКОМ комсомола направляет меня на учебу в Центральную партийную школу при Коммунистическом университете имени Сталина.

Город я знал хорошо, поэтому быстро нашел здание Ком-

партии Грузии. Оно находилось недалеко от театра имени Руставели. Я зашел в громадное здание и удивился длинным, сумрачным коридорам. Мои шаги гулко отдавались в прохладной тишине. Не успел я сделать несколько шагов, как передо мной вырос часовой и потребовал документы. Я молча отдал ему бумаги. Часовой бегло просмотрел их, внимательно и строго взглянул на меня и направил дальше по коридору.

Меня несколько раз останавливали, каждый раз вглядываясь в лицо. Наконец я отыскал нужную комнату. Она была полна людей. Юноши и девушки громко разговаривали. «Ну, кто там еще?» — весело крикнул сидящий за столом человек в выцветшей гимнастерке. Я подошел к столу и протянул направление. Он так же весело глядя на меня, сказал: «Первый набор, ты понимаешь, что это значит!».

Здание партшколы на углу Джугашвили и Энгельса было трехэтажным. На первом этаже находилась столовая, на втором — спальные комнаты, а на третьем этаже мы занимались. «Слушатели», как нас называли, были из разных районов — Ахалцихского, Борчалинского, из Аджарии и Нахичевани.

Занятия велись на грузинском, тюркском и русском языках. Я узнал, что грузинский преподавательский состав сильнее и попросился на грузинское отделение. В ответ на мою просьбу меня вызвал представитель ЦК и убедил остаться на тюркском отделении. «Понимаете, республике нужны кадры! И владеющие тюркским языком особенно!» Мне пришлось согласиться.

Но я не жалел об этом. Все было вновь для нас — и много сверстников, которые, как и я, жаждали знаний о мировой революции, и сама учеба. Занятия велись по методу Дальтона-плана¹⁶, то есть несколько человек объединялись в одну группу и изучали материал. Через некоторое время группа сдавала преподавателю зачет и получала новое задание. Если я не ошибаюсь, с 1933 года этот метод обучения был отменен.

В свободное время мы ходили в театр, покупали самые дешевые билеты и смотрели все подряд — и все с восторгом. Нам нравились спектакли Котэ Марджанишвили и Сандро Ах-

¹⁶ Дальтон-план — метод обучения, введенный впервые в городе Дальтоне в Северной Америке в начале 20-х годов. Он сводит учебные занятия к самостоятельной проработке заданий, что снижает роль учителя.

метели. Мы были покорены молодой Верико Анджапаридзе, ее необыкновенным голосом.

В воскресные дни мы обычно поднимались на Мтацминда. Дорога шла крутыми тропинками через монастырь св. Давида. Мы бродили по заброшенному, и от этого особенно таинственному, монастырю, читали надписи на могильных плитах и долго простаивали перед склепом, увитым густым плющом, где покоились Грибоедов и Нина Чавчавадзе.

Мы выходили и на субботники, сажали саженцы на склонах Мтацминды.

Через два года лысоватый склон Мтацминды зазеленел.

Когда после 8-го класса я впервые приехала в Тбилиси, и папа показывал мне город, меня особенно поразила густая зелень гор, в окружении которых раскинулся Тбилиси.

Мы поднимались в дребезжащем трамвайчике фуникулера, и я восторгалась первозданной красотой природы. Нет, сказал папа, красота эта рукотворна. Эта зелень — результат наших субботников в 30-х годах. Наша группа работала вон там, — и папа показал вниз вправо, прямо под монастырем. Я недоверчиво посмотрела тогда на папу. Мне не верилось, что и он причастен к этой красоте.

Я смотрела на золотую вязь цитат, выбитую на белом мраморе, а папа, стоя позади меня, переводил слова, написанные Николозом Бараташвили более ста лет назад.

Нет, в 30-м году его могилы здесь не было, ответил папа на мой вопрос. Прах поэта перенесли сюда в 1938 году с Дидубийского кладбища. Это его третья могила.

Я слушала папу и думала, как ужасно, наверное, было умирать 28-летним в пыльной Гяндже, вдаль от родных и друзей, не увидев напечатанной ни одной строчки своих стихов, не получив ни одного поцелуя от той, которую любил больше жизни.

«Пусть не усну я в земле отчизны

Среди старинных могильных плит...»

Потом мы еще долго бродили по пантеону... И хотелось сидеть на лавочке под могучими платанами и, не торопясь, читать что-нибудь хорошее, изредка поднимая глаза на город в таинственной дымке внизу.

Учился я хорошо, с жадностью впитывая все, о чем говорилось на занятиях. Да и сама атмосфера в партийной школе была проникнута романтико-революционным пафосом.

В Германии в это время вспыхнули новые классовые бои, усилились преследования коммунистов в Болгарии, фашизм

поднимал голову. Особенно волновали нас дела в соседней Турции, где народ страдал под гнетом капиталистов и феодалов, и компартия была на нелегальном положении.

Долгими вечерами мы спорили о революции, о месте коммуниста, вспоминали подробности трагической гибели Мустафы Субхи, его 15 товарищей¹⁷. Мы знали наизусть многие стихи Назыма Хикмета и с гневом осуждали арест поэта и издевательства над ним.

А у нас революция завершилась, и профессиональным революционерам, каковыми мы себя считали, было место в гуще событий. Непременно проситься на революционную работу! Эту идею мы долго вынашивали, находя новые и новые доказательства нашей правоты.

Нас было трое: я, Хусейн Нагиев из Борчалинского района и Гаджи Дашдемиров из Караязского района. Наши кровати стояли рядом, учились мы в одной группе и очень подружились.

Заканчивался второй год нашей учебы. Мы готовились к выпускным экзаменам. В один прекрасный день, очень решительно настроенные, мы отправились к заведующему. Им в то время был дагестанец Расул Ходжаев. Член партии с 1917 года, участник гражданской войны, Расул был для нас идеалом коммуниста.

— Ну, с чем пришли? — Расул-муэллим¹⁸ доброжелательно смотрел на нас.

Мы переглянулись, но не проронили ни слова. Наконец, Хусейн сказал:

— Да вот, Латифшах хочет что-то сказать.

— Слушаю тебя внимательно. Только, — он улыбнулся, — чтобы это не был вопрос женитьбы.

— Что вы, Расул-муэллим, мы об этом даже не думаем... — и я замолчал, чувствуя, как ослабли колени. — Вы знаете, — начал я издали, — мы два года учимся марксизму-ленинизму. И без участия в классовой борьбе не представляем жизни.

— Да, уже два года я знаю вас как испытанных комсомольцев. Из вас выйдут отличные партийные работники. Но что вас беспокоит?

¹⁷ Мустафа Субхи — один из основателей и руководителей компартии Турции. В 1921 году он и 15 активистов партии были вывезены в море и потоплены близ Трапезунда.

¹⁸ Муэллим — учитель.

— Понимаете, — горячо заговорил я, — мы считаем, что наше место не в скучных кабинетах, а там, где разгорается классовая борьба. Мы не можем отсиживаться, когда гибнут наши братья-коммунисты. Долг интернационалистов обязывает нас помочь делу революции.

Глаза у Расул-муэллима стали вдруг серьезными.

— И вот, — тут я перевел дыхание, — мы хотим по направлению КИМа уехать в Турцию, на помощь турецким коммунистам.

— Да, да, — подтвердили Хусейн и Гаджи, — именно по этому вопросу мы и пришли. Помогите нам.

Расул-муэллим некоторое время молчал. Потом сказал неожиданно строго:

— Товарищи, вопрос этот сложный, и сразу его не решишь. Договоримся так: я жду вас здесь в воскресенье, в 12 часов дня.

В назначенное время мы робко открывали дверь в кабинет заведующего.

— Я говорил с товарищами из ЦК о вашей просьбе, — сказал нам Расул-муэллим. — Ну, во-первых, — он улыбнулся, — меня поздравили с такими питомцами. Во-вторых, меня просили передать, что вам надо еще подучиться, вступить в партию. А там посмотрим.

Мы переглянулись.

— Но ведь Камо стал революционером, когда ему было двадцать пять, как и нам! — упавшим голосом сказал я.

— А у нас еще и политическое образование.

Тут мы разом загалдели, доказывая свое.

Расул-муэллим терпеливо выслушал нас, а потом сказал:

— Поймите, чтобы стать профессиональным революционером в современных условиях необходимо не только высшее политическое образование. Нужен опыт политической борьбы, которого у вас еще нет. Кроме того, требуется разрешение Коминтерна. Не огорчайтесь, у вас вся жизнь впереди, но я рад за вас. Значит, зерна пали на благодатную почву.

Мы были так расстроены, что вышли не попрощавшись. Рушились наши надежды на захватывающую, полную интересных событий жизнь. Мы долго молчали. Потом Гаджи сказал: «Я вчера получил письмо от отца. Хочу работать в нашем районе». Я молча глотал слезы. Всю жизнь я завидовал таким людям, как Камо.

В 1977 году мне удалось побывать в Турции. В Стамбуле, Бурсе, в Геле и всюду, где я бывал, я горячо говорил о

социализме, о коммунистах, о Ленине. Но все равно это было не то, о чем я мечтал в молодости.

После этого события я оказался на распутье, не знал, как мне жить, что делать дальше. Мои сомнения разрешил тот же Расул-муэллим.

Накануне выпуска он встретил меня в коридоре, взял за локоть и спросил, чем я намерен заняться в дальнейшем. Я молча пожал плечами. «Тебе нужно продолжить учебу, — сказал Расул-муэллим. — Если хочешь, оставайся на грузинском отделении Высшей сельскохозяйственной школы. Она тоже находится в ведении ЦК. Получишь, кроме политического, еще и специальное образование. Правда, туда принимают только коммунистов, но я постараюсь тебе помочь. И не обижайся на меня, — добавил он, — отправить тебя в Турцию было не в моей власти».

И вот я с сентября 1932 года учусь в том же здании, только слушаю лекции в других аудиториях и на грузинском языке. Самое примечательное событие за эти два года — мое знакомство с Зиной и наша женитьба. Зина училась в нашей группе. Она ничем особенно не выделялась — невысокого роста, темноволосая и черноглазая, но меня как-то сразу поразила ее взгляд — ясный и спокойный.

Наша группа готовилась к октябрьским праздникам. У одной из сокурсниц оказалась книга «Асли и Керем»¹⁹. Она была написана на тюркском языке арабским шрифтом. Так как кроме меня никто не знал тюркского языка, а тем более арабского шрифта, то я прочел и перевел несколько страниц. Хозяйка книги Памбух Нанеишвили сказала: «Ребята, я предлагаю собраться для прочтения и обсуждения книги».

В воскресный вечер мы собрались у девушек. Меня усадили посередине комнаты, и я стал читать и переводить историю трагической любви Асли и Керем.

Мы все в то время жили революцией, делали вид, что любовь нас не интересует, считая ее пережитком прошлого. Девушки сознательно не носили никаких украшений, — это тоже было буржуазным пережитком. Единственным их украшением были круглые гребенки в волосах. Но эти гребенки лишь с большой натяжкой можно было назвать украшением. Скорее,

---

¹⁹ «Асли и Керем» — иранская легенда о любви, ставшая народным эпосом.

ими просто закрепляли густые волосы, обрезанные по тогдашней моде прямой линией.

(Помню, как ужаснулась аба, когда ей издалека показали Зину. «Вай ме! — сказала она. — Неужели у меня будет стриженная, как жеребенок, невестка?»).

И все же история любви захватила всех. Я, заражаясь своим чтением, переводил и голос у меня дрожал от волнения. Трагедия Асли и Керем была в том, что они были разного вероисповедания: Асли была христианкой, Керем — мусульманином.

Я кончил читать и перевел дыхание. Сразу же посыпались вопросы: а как? а почему? И тут же завязался спор: как мы, люди новой формации, должны относиться к религиозным барьерам и к любви вообще? Мы проспорили целый вечер. Больше всех задавала мне вопросы Зина Гигинейшвили.

Так мы познакомились ближе, стали встречаться чаще и потом полюбили друг друга. Все, кто узнавал о нашей любви, ужасались: Зина — православная христианка, я — мусульманин-суннит. Какая может быть между нами любовь? Скорее всего, как у Асли и Керем — трагическая.

Родители тоже были против брака, но мы все-таки поженились. Через год у Зины родился мертвый мальчик.

В 1934 году мы закончили учебу и нас направили в разные места: Зину — в Боржомский горком партии, меня — в Адыгенский район секретарем райкома комсомола. Мы тяжело переживали разлуку, но ничего нельзя было сделать.

Работа секретаря оказалась совсем не такой, как я себе ее представлял. Я был прикреплен к райкому партии и выполнял поручение первого секретаря. Эти поручения казались мне далекими от моей работы. В то время первым секретарем Адыгенского РК КП(б) работал некий Азизбек Радихан, человек властный и неприятный. Как-то он вызвал меня и дал следующее поручение: в Бенаре уже несколько дней работал новый директор техникума Ахундов, направленный из Баку. Ранее он был комиссаром просвещения в Нахичевани. «Поедешь к Ахундову, — сказал мне Радихан, — выяснишь, как в техникуме взвешивают хлеб для учащихся — стандартными гирями или простыми камнями (стандартных гирь в то время было очень мало). Составишь акт. Вслед за тобой сразу же приедет следователь с милицией и заберет Ахундова».

Я поехал в Бенару, проверил наличие стандартных гирь. Как и предполагали, их не оказалось. Я составил акт. Через

час Ахундова должны были забрать. К счастью, в этом техникуме работал мой брат Баттал и я намекнул ему о расправе, грозящей Ахундову. Когда директора хватились, его уже и след простыл. Без верхней одежды, без шапки он бежал, как я потом узнал, через горы в Боржоми, а потом в Нахичевань.

В следующий раз Радихан поручил мне поехать в село Чихели: «Найдешь председателя колхоза. Составишь акт о нехватке в стаде пяти-шести коров, подпишешь его у колхозников». «А дальше?» — спросил я. «Дальше не твое дело», — ответил он. Я, досадуя, запряг коня и поскакал в колхоз. Поговорил с колхозниками, которые в один голос утверждали, что в стаде поголовье не уменьшилось. Я проверил документацию, сосчитал коров, телят, быков. Потом встретился с председателем колхоза, с которым и составил акт, где утверждалось, что в колхозе количество крупного рогатого скота соответствует документации и нарушений не имеется. Колхозники с готовностью подписали этот акт и я доставил его Радихану к большому его неудовольствию.

Боржомский климат не подошел Зине. Восемь месяцев она пролежала в больнице. Я рассчитался на работе и, забрав больную жену, переехал в Поту, где стал работать учителем истории в школе. Там мы прожили до 1939 года.

В 1938 году я поступил на заочное отделение исторического факультета Кутаисского пединститута и проучился в нем до января 1942 года. В январе 1942 года пединститут закрыли и я перевелся в Тбилиси. В 1943 году я закончил пединститут Тбилисского университета. В 1939 году меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Раньше мне дважды отказывали — шла чистка рядов партии. Весной того же года я заболел сухим плевритом, и врачи посоветовали мне поменять климат. Мы с Зиной перебрались в Удэ и начали работать в школе.

В январе 1941 года мне предложили стать разведчиком, с последующей засылкой в Турцию. Я вспомнил свое увлечение революционной романтикой и хотя не был подготовлен как разведчик, согласился. Меня включили в номенклатуру погранотряда. С этого момента началась жизнь, полная опасностей. Вылазки на турецкую территорию были достаточно серьезными и отнимали много сил. Никто в селе не знал, куда я исчезаю и откуда возвращаюсь. Когда началась война, мне выдали бронь по состоянию здоровья. Я продолжал отправляться по заданию за кордон. Но эти переходы мало походили на те, прошлые, когда я отправлялся навестить родственников или

поступать в очередную школу. Шла война, я был разведчиком одной из воюющих сторон, и хотя Турция не воевала, относилась она к нашей стране враждебно.

Напряжение было огромным. Надо было не только перейти границу, но и выполнить задание. Единственно, что помогало мне — знакомая до мелочей местность и хорошая ориентация. Хотя и она иногда подводила. Как-то всю ночь я прокружил по лесу, а к утру вернулся к тому же ручью, откуда начал путь. Днем я обычно отсыпался, а ночью шел, ориентируясь по звездам и надеясь на свою интуицию.

На мне была одежда, взятая у пленных турок: чох, короткий тулупчик, чарухи из буйволиной кожи, обвязанные кожаными бечевками. За пазухой — пистолет, бинокль, батумский «бебут-ханчар» — обоюдоострый кинжал длиной около сорока сантиметров. На рукоятке у него имелась специальная выемка, чтобы большой палец, прижатый к торцу, не соскочил, когда кинжал вонзается в жертву. За плечами — рюкзак из бараньей кожи, набитый мясными консервами и лавашом.

Особенно тяжело было пересекать горные перевалы. Джинтаг, Кемер-таг, Мутруджан-таг — эти названия ассоциируются у меня с пронзительным ветром, страшными обвалами и узкими тропками на головокружительной высоте — обычный их уровень соответствовал 2500 метрам.

Первая моя вылазка окончилась неудачно. Тогда меня отправили не одного, а с незнакомцем, которого представили как участника финской войны, награжденного орденом Боевого Красного Знамени. Он назвал себя Рагимом, сказал, что он тоже кандидат в партию.

Мы вышли ночью, границу перешли благополучно. Я был так поглощен предстоящим заданием, что не сразу понял, о чем говорил мне Рагим. А сказал он следующее: «Делать нам нечего — подвергать свою жизнь опасности. Я слышал, у тебя здесь есть родственники. Пойдем, сдадимся добровольно». Когда до меня дошел смысл сказанного, я растерялся. Стал лихорадочно соображать — то ли он действует по поручению, то ли в самом деле струсил. Рагим стал проявлять нетерпение: «Ну что же ты, решайся!». Я шепотом сказал ему: «Побойся Аллаха! У меня в Удэ семья и родственники — они ведь пропадут. Не знаю, кто ты такой и трус ли на самом деле, но если тебе и вправду страшно, давай вернемся».

Мы вернулись поздно ночью и предстали перед подполковником Растревым — хороший был человек и коммунист!

Мне было невероятно стыдно и я, не поднимая головы, сказал: «На нас напали сторожевые собаки, а дальше идти мы боимся. Задание ваше не выполнили». Странно, но я не увидел презрения в глазах подполковника. Сейчас я думаю, что это была предварительная проверка, тем более, что Рагима я больше не видел.

Через некоторое время со мной в паре стал ходить Нияз — он прибыл раненный с фронта, и после госпиталя его направили в наш погранотряд. Он оказался нашим дальним родственником, и это как-то сблизило нас.

Оружие нам выдавали прямо на заставе и я как-то обнаружил, что пистолет у меня неисправный. Нияз сказал, что это сделано по приказу майора Анисонова. А еще, сказал он, Анисонов велел мне пристрелить тебя, если ты вздумаешь сдать туркам. Я усмехнулся: если бы я хотел остаться в Турции, я бы сделал это еще в 1925 году. Тем не менее, я был благодарен Ниязу за откровенность. Вообще мне нравился этот высокий плечистый парень, обладающий завидным здоровьем, что было немаловажным в условиях постоянной опасности и изнурительных переходов. Я был достаточно вынослив, но как-то при крутом горном подъеме что-то цепкое схватило за сердце, и я внезапно ослабел. У меня едва хватило сил, чтобы прислониться к отвесной скале. Остановившись было опасно, разыгрывалась непогода. Тогда Нияз, не говоря ни слова, снял с меня рюкзак, перевесил себе на шею, потом взвалил меня на спину и с легкостью продолжил путь. Так он и шел, нагруженный двумя рюкзаками и мной. Оставалось несколько сот шагов до спасительного укрытия, когда ко мне вернулись силы. Мне стало совестно и я слез со спины, хотел взять рюкзак, но Нияз не отдал его и велел не отставать. До сих пор я с благодарностью вспоминаю этого человека, спасшего мне жизнь.

Как-то нужно было исследовать окрестности села Цурмали. Мы шли вверх по небольшому уклону и быстро дошли до вершины. Спуск открылся так внезапно, что мы от неожиданности чуть кубарем не полетели вниз. Хорошо, что мы удержались на вершине, потому что внизу, в метрах двухстах расположился военный лагерь. Оживленная группа солдат окружала турник. В вечернем воздухе отчетливо раздавались голоса.

Мы вытащили бинокли, залегли в кустах и стали внимательно рассматривать орудия, пересчитали солдат. Закончив осмотр, мы обошли лагерь лесом. И тут навстречу нам попал-

ся человек. Он спросил, куда мы держим путь, подозрительно оглядывая нас. «В Дигур, добрый человек, — ответил я. — Успеем ли до заката?» «Если поторопитесь, — ответил он. — Вот и я хочу успеть к вечернему намазу».

Мы свернули налево, перешли речку — вода в ней оказалась выше колен и обжигаете холодной. На другом берегу стояли высокие стога сена. Мы забрались в один, вскрыли консервы и, поев, устроились на ночлег. Утром выглянули из стогов — стоял густой молочный туман. Компасов у нас не было, и мы решили немного переждать. Через некоторое время прояснилась верхушка горы Мутруджан (а мы находились у ее подножия), и мы продолжили путь. В камнях у родника Союбулаг мы припрятали оружие и направились в сторону Конка.

С небольшого холма я навел бинокль на дядин дом и стал жадно его рассматривать. Все было прежним — двор, плетень, деревянные столбы, подпирающие сарай. Мне хотелось увидеть кого-нибудь, но двор был пустынным. Я не виделся с родственниками много лет — больше пятнадцати — а навестить их в то время было нельзя.

Когда мы подходили к селу, навстречу попались две арбы, запряженные буйволами. Я тотчас узнал одного из аробщиков. Когда я учился в Дигуре и навещал своих родственников, к их дочке сватался один хромой парень. Тогда он увидел во мне конкурента, и мы чуть не передрались из-за этого. Это был тот самый хромой. Он внимательно вглядывался в меня, силясь, видимо, вспомнить, где мы встречались. «Ты не похож на здешнего», — наконец сказал он. «Да, я из Шавшети, — ответил я, — ищу двух быков, потерялись со вчерашнего вечера». Хромой коротко бросил: «Врешь ты все! — не сводя с меня подозрительного взгляда. — Я тебя знаю». Я вспыхнул: «Слушай, я же тебя не спрашиваю, кто ты такой и куда идешь!». Его брат поддержал меня: «Оставь человека в покое, он же нас не трогает». Хромой сказал примирительно: «Не сердись, брат, нас заставляют приглядываться ко всем подозрительным». «Иди своей дорогой, ради Аллаха!» — раздраженно ответил я, и мы пошли прочь от опасности, не оглядываясь. Арбы постояли немного, потом медленно, со скрипом, пока-тили дальше.

Продолжение следует

Тенгиз ЧХАИДЗЕ

«В ЗЕРКАЛЕ ЖИЗНИ»

ГЕОРГИИ Хоргуашвили — не новичок в писательском деле. Не первый год несуетно и достойно работает он на этом поприще. Он автор сборников рассказов «Пора любви» («Мерани») и «Коренья» («Сабчота Сакартвело»), романа «Всегда невинная Фемида» («Мерани»). В центре внимания писателя — современность, повседневная жизнь со всеми ее радостями и горестями. Художественному вымыслу он в основном предпочитает пристальное наблюдение за эмпирической действительностью, материал, который дает сама жизнь. Место действия рассказов романа Г. Хоргуашвили — село или райцентр Внутренней Картли. В этом краю он родился и вырос, с ним связана его общественная деятельность. Поэтому герои его — люди, которых он прекрасно знает, знает он и среду, в которой они живут и действуют. Приверженец эпического повествования, Г. Хоргуашвили традиционен в развитии фабулы, в построении произведения, в лепке образов, и это не достоинство его или недостаток, а стиль. Традиционность или новаторство, манера письма сами по себе никогда не определяют ценности литературного произведения. Главное — талант художника и соответствие формы содержанию произведения. Так вот, избранная Г. Хоргуашвили форма не мешает достоверному показу непростых, порой уродливых человеческих взаимоотношений, отражению современной жизни во всей ее

сложности. И это отнюдь не зеркальное ее отражение, а, прежде всего, стремление осмыслить ее.

С точки зрения тематики рассказы Г. Хоргуашвили можно разделить на две группы. К первой относятся рассказы, в которых писатель показывает нравственное вырождение определенного слоя нашего общества, карьеризм и лицемерие его представителей, их разобщенность, равнодушие, жестокость («Принесенные в жертву», «Смерть Дездемоны», «Смех Несмеяны», «Непроизнесенный тост»). Вторую группу составляют рассказы, в центре которых — простые люди-труженики, сохранившие лучшие черты своего народа. Писатель создает ситуации, в которых проявляются здоровые начала народного быта, мироощущения, сознания («Кнапе», «Этот странный дядя Шио», «Зедаше»*, «В час кончины»). Иногда обе эти темы сливаются — образ простого человека раскрывается в противопоставлении его представителям того мира, о котором речь шла выше («Кнапе», «Этот странный дядя Шио»). Обращение к этим темам позволяет Г. Хоргуашвили исследовать постоянно занимающую его проблему — проблему истинного и неистинного бытия. Если использовать понятия, к которым прибегает Эрих Фром в своей книге «Иметь или быть?», жизненным принципом людей, бытие которых «неистинно», является «иметь», а тех, чье бытие «истинно» — «быть». В сущности, это не что иное, как проблема противостояния «духа» и «плоти». Каждое время по-своему осмысливает ее, ищет новые пути ее разрешения.

Итак, основная тематика произведений Г. Хоргуашвили не нова. В современной грузинской литературе традиция постановки связанных с нею вопросов, правдивого отражения положительных и отрицательных сторон нашей жизни имеет свою историю. Однако, если вспомнить опубликованные за последние два-три десятилетия произведения, отражающие негативные явления действительности, то нетрудно заметить, что они делятся на две категории. К одной можно отнести те, авторы которых, критикуя эти явления, в финале, как правило, показывают, что зло терпит поражение: грешники и преступники либо гибнут, либо их снимают с занимаемой должности, либо они попадают в руки правосудия. Художественно-познавательная ценность подобных произведений обычно невысока. К другой категории относятся произведения писателей, пытаю-

---

* Зедаше — вино, которое специально делается к церковному празднику.

щихя поглубже заглянуть в жизнь, показать источники зла, исследовать их. К числу таких писателей можно отнести и Г. Хоргуашвили.

Нравственная, писательская позиция Г. Хоргуашвили на уже в первом же рассказе сборника — «Атэнури»*. Он и задает тон всей книге. В нем описана встреча двух товарищей, не видевшихся много лет. В ресторане за бутылкой вина друзья вспоминают студенческие годы, расспрашивают друг друга о нынешнем жите-бытье. Из их диалога постепенно становится ясно, какой избрал путь в жизни каждый из них, чего достиг. Одновременно вырисовываются и характеры этих людей, их жизненное кредо. Нужно сказать, что диалог вообще удался Г. Хоргуашвили. Он у него всегда естественный, живой, успешно выполняющий различные художественные функции. Но вернемся к героям рассказа «Атэнури». Они — люди разные. Для одного основной целью жизни является «иметь», «иметь» любой ценой, для второго же — «быть». Этот второй любит поэзию, проповедует любовь и честность. Первый откровенно потешается над ним: «Хм, любовь и честность... Кому, скажи на милость, нужно и то и другое?!». Сам он женился по расчету, с помощью влиятельного тестя получил доходное место и живет себе припеваючи. Узнав, что его собеседник работает в редакции районной газеты, он беззастенчиво заявляет: «Не скрою, я в день «делаю» столько, сколько тебе не скопить и за год, сидя на воде и хлебе...» и предлагает подыскать для него богатую невесту среди родни своей жены. Однако приятель решительно отвергает такое предложение, отвергает, несмотря на собственный горький опыт — женщина, на которой он женился по любви, ушла от него, забрав с собой ребенка, и причиной этого в основном, судя по всему, была именно его неустроенность в жизни.

Карьеризм, лицемерие, честолюбие царят в окружении районного руководителя («Смерть Дездемоны»). Но вот на смену ему приходит новый человек. Казалось бы, что-то должно измениться. Однако все остается по-прежнему. Только теперь в угоду новому начальству все наперебой поносят его предшественника. По-прежнему продвижение по службе зависит от того, в каких ты отношениях с начальством, от того, какое «теплое» место занимают твои родичи и друзья, посмотрит ли на тебя милостиво «сам». В числе приближенных районного руководителя — заведующий рестораном. Этой милости он до-

* Атэнури — сорт грузинского вина.

бился благодаря тому, что не скупится на похвалы любимой охотничьей собаке нового руководителя. Однако, потеряв в результате интриг своих врагов выгодное место, он из мести убивает эту самую собаку. Окружающие спешат выразить соболезнование начальнику в постигшем его горе. Так сатира переходит в фарс...

Герой рассказа «Непроизнесенный тост» не идет на свадьбу родного племянника, так как не хочет пропустить банкет, устраиваемый для некоего должностного лица. Дело в том, что его заветная мечта — быть избранным помощником тамбды на банкете, чтобы получить возможность произнести тост в честь этого лица и услышать от него в ответ хоть несколько теплых слов.

Невинной жертвой карьеризма и интриг может стать не только собака. Достаточно встать на пути того, кто пробился к вожделенному «креслу», или просто не угодить ему, как он, используя свое положение, безжалостно сведет со смельчаком счеты. Именно так происходит в рассказе «Принесенные в жертву». Районному руководителю не нравится его заместитель, честный, принципиальный человек, и при первом же удобном случае он расправляется с ним. В этом рассказе Г. Хоргуашвили прибегает к приему художественного параллелизма. На лоне природы районный начальник и его приближенные устраивают кутеж в честь прибывшего из «центра» руководителя. Во время этого кутежа некий Энрико Бицадзе режет олененка, специально отловленного в заповеднике. Сцена убийства беспомощного, связанного животного написана безжалостно реалистически, скорее даже натуралистически — писатель принципиально не хочет закрывать глаза на зло, имеющее место в действительности. Именно во время этого эпизода и решается судьба не угодного начальству заместителя. Подобно олененку он так же — невинная жертва. Высший нравственный суд над свершившимся злом Г. Хоргуашвили доверяет безымянным персонажам, олицетворяющим народ. Это его голос звучит в финале. И еще один художественный прием, прием пародирования использует писатель для усиления звучания темы рассказа. Действия, поступки главных его героев показаны на фоне льющейся из радиоприемника народной героической песни, и это неизбежно наводит читателя на размышления о падении нравов, о забвении современниками рыцарских традиций предков. Еще мельче и ничтожнее кажутся эти люди, разглагольствующие о своем патриотизме и в то же самое время столь безразличные к судьбам своих соотечественников.

более того, готовые затоптать любого из них, окажись он на пути к личному их благополучию.

Г. Хоргуашвили с любовью пишет о простых людях, жениках, являющихся подлинной опорой нации, воплощающих лучшие ее черты и качества. В основе его рассказов о них обычно лежит какой-нибудь эпизод или случай, через который открывается характер героя. Эти рассказы Г. Хоргуашвили примечательны колоритными сценками, живыми диалогами, doskonaльным знанием описываемых автором людей и событий.

Идет собрание колхозников, на котором им предстоит выбрать нового председателя. Колхозникам не нравится кандидатура, предложенная прибывшим из центра руководящим работником, они довольны своим старым председателем и хотят переизбрать его. Однако никто не решается возразить товарищу из центра. Все молчат. А между тем из реплик, которыми перебрасываются собравшиеся, становится ясно, что проведение новой кандидатуры — в прямой зависимости от чьих-то личных интересов. В конце концов все-таки находится человек, который открыто высказывает свое отношение к происходящему, выражая мнение всего собрания. Это — женщина, которую за решительный и твердый нрав вся деревня прозвала Цхраугела* («Коренья»). Воля коллектива торжествует.

Кнапе — водитель автотранспортного предприятия. Он уже немолод — за его плечами нелегкая жизнь, война. Судьба никогда не баловала его, не балует и теперь; время от времени, точно испытывая на прочность, она обрушивает на него очередное испытание. К тому же Кнапе — единственный кормилец в своей большой семье. Однако он не унывает, умеет за себя постоять и всегда сохраняет человеческое достоинство... Но вот неожиданно наступает момент, когда на одной чаше весов оказывается совесть Кнапе, а на другой — деньги, которых ему постоянно недостает. Автор описывает минутное колебание своего героя, но читатель уже успел оценить его характер и не сомневается, что Кнапе не поддастся соблазну и не изменит себе. Проявление честности, порядочности — нравственная норма поведения для каждого человека, и, казалось бы, стоит ли об этом столько говорить. Так-то оно так, но в каждом конкретном случае цена честности и порядочности — разная. Бывают ситуации, требующие и от порядочного и честного человека особой духовной и моральной стойкости. В та-

* Цхраугела — прозвище, подчеркивающее недюжинную силу героини рассказа (букв. тянущая девять ярем).

кой ситуации и оказывается Кнапе. Он живет в среде, где, как говорит один из персонажей рассказа, «ходить без денег позорнее, чем без шапки». Здесь всем заправляет горетка людей, один из которых не без основания говорит Кнапе: «Если у тебя есть деньги, значит, у тебя есть и совесть, и ум. Все тебя уважают. Ну а если денег нет, ты просто никому не нужен, даже собственной жене, на которой женился по любви, даже порожденным тобой детям».

Дядя Шио — полевой сторож, на первый взгляд, чудак, юродивый. Но он честен, горд, предан порученному ему делу. Всегда и везде он говорит то, что думает, хотя и вызывает этим у одних смех, у других гнев. Этот человек обладает подлинным чувством собственного достоинства и в моральном плане, несомненно, стоит выше председателя колхоза, бездельника и распутника («Странности дяди Шио»).

Главный герой романа Г. Хоргуашвили «Всегда невинная Фемида» милиционер Така Габидаури — защитник правды и справедливости. Долгое время он работал в деревне участковым уполномоченным. Автор называет его «защитником правопорядка». Тут невольно вспоминается другой «защитник правопорядка» — Сошнин, главный герой романа В. Астафьева «Печальный детектив», опубликованного в том же, 1986 году. Оба эти произведения создавались писателями в заботе о сегодняшнем дне нашего общества. И Габидаури и Сошнин — люди честные, отдающие все силы своей работе. И тот и другой берутся за перо, чтобы описать свою жизнь. Положительный литературный герой только тогда оказывает воздействие на читателя, когда образ его — убедителен и высокохудожественен, т. е. когда читатель верит в него. А читатель верит писателю, когда он создает свое произведение и образ положительного героя, пусть в определенной степени идеализированного, по велению сердца, с искренним пафосом, как образец для подражания. В этом случае он выражает потребность общества в таком герое, отвечает на требование времени. Така Габидаури, герой романа Г. Хоргуашвили, не лишен определенной идеализации, но, тем не менее, воспринимается как живой человек. Он, истинный сын простого народа, несет в себе черты традиционного народного характера, является типичным представителем лучшей части своего поколения. Его юность и духовное становление пришлось на конец двадцатых и начало 30-х годов, т. е. на ту пору, когда общественная атмосфера и нормы нравственности способствовали самоутверждению честных людей, людей-тружеников. Душу юного Таки формировали

книги, из которых любимыми были «Витязь в тигровой шкуре» и «Стих об Арсене». Герои поэмы Руставели и народной поэзии восхищали его своими возвышенными устремлениями, мужеством, благородством, чувством социальной справедливости. Така Габидаури на всю жизнь сохранил верность идеалам юности и раз и навсегда избранным жизненным принципам. Он отстаивает их и тогда, когда ради этого приходится рисковать своей головой, и тогда, когда это вредит ему самому.

Главная цель Г. Хоргуашвили — раскрыть характер героя, исходя из этого он и строит повествование, группирует вокруг него эпизоды романа. Этим «Всегда невинная Фемида» отличается от «Печального детектива», в котором личность главного героя тоже выдвинута на передний план, но акцент делается на изображении социальной среды, в которой он живет и действует. Главное для автора — показать эту среду, осмыслить ее и осудить. Его герой — личность активно действующая и одновременно думающая, а предмет размышления — окружающая действительность, он упорно старается найти и понять причины имеющих в ней место уродливых явлений. В отличие от В. Астафьева, Г. Хоргуашвили не ставит перед собой цели художественно осмыслить и проанализировать тот значительный период в истории нашего общества, который охватывает его роман, и это несмотря на то, что его герой является непосредственным участником или свидетелем множества чрезвычайно важных событий. Время действия романа — целая эпоха — от двадцатых годов до восьмидесятых, эпоха сложная, противоречивая, с ее огромными переменами как в социальной жизни и психологии, так и в общественной морали. Так, в годы юности Таки Габидаури честная бедность всеми уважалась, считалась достоинством (он был участником невероятного с точки зрения здравого смысла события — девушку не приняли в комсомол только потому, что на ней было красивое платье и золотые серьги), теперь же бедность перестала быть добродетелью. Более того, многими она рассматривается как порок. Человека, не имеющего денег, никто все-речь не воспринимает, с ним никто не считается, он подвергается насмешкам и унижению. Не случайно герои романа горячо обсуждают рассказ Салтыкова-Щедрина, главное действующее лицо которого — персонифицированная совесть. Однако и этот эпизод служит опять-таки только раскрытию образа главного героя, показу его отношения к данной проблеме. К сожалению, Г. Хоргуашвили не делает попытки понять, почему и как в нашем обществе произошла такая переоценка нравствен-

ных ценностей. Будем надеяться, что во второй своей книге писатель больше внимания уделит социальным проблемам.

Особенно острая критика общественной морали дана в рассказе Г. Хоргуашвили «Живые души». Сюжет его условно фантастичен. Воскресшие герои Илья Чавчавадзе — Луарсаб и Дареджан Таткаридзе попадают на спектакль «Человек ли он?». Они удивлены и оскорблены увиденным. Луарсаб до глубины души возмущен тем, что его с супругой выставили на посмешище перед всем обществом. Он произносит гневный монолог, в котором противопоставляет себя своим потомкам и который неожиданно оборачивается обвинительной речью против современной общественной морали. Рассказ «Живые тени» можно отнести к тем произведениям современной грузинской литературы, авторы которых, показывая кризисную ситуацию в обществе, заявляют: «Так жить больше нельзя!». Герой астафьевского «Печального детектива» говорит: «Рельсы кончились, шпалы, их связующие, кончились, дальше никакого направления, никакого пути нет, дальше вся земля, сразу, за тупиком, — иди во все стороны или вертись на месте». Это ощущение «тупика» в определенной мере меняет ориентацию художественного мышления. До сих пор критический пафос в основном был направлен на выявление кризисной ситуации. Сегодня этого уже недостаточно, как недостаточно показать и индивидуальный выход из нее, к тому же, как правило, выход абстрактно-символический. От литературы ныне требуется поиск путей обновления общественной нравственности, и путей реалистических. Именно с этой позиции должна подходить и критика к произведениям литературы при их оценке и анализе.

Взглянем с этой позиции на произведения Г. Хоргуашвили.

Одним из пороков, разоблачаемых в рассказах Г. Хоргуашвили, является лесть, подбострастие, чиновничество, извращающие человеческие отношения. Как уже отмечалось, место действия большинства этих рассказов — деревня или райцентр Внутренней Картли. Персонажи — заведующий рестораном, директор базы лесоматериалов, председатель райкооператива и им подобные. На первый взгляд, царящее в их среде чиновничество объяснить нетрудно — ведь все они целиком и полностью зависят от районного руководителя: в его власти назначить человека на должность или снять с нее, повесить в должности или вовсе прогнать с работы. Вот они и пресмыкаются перед ним, дрожа за свое благополучие. Но спрашивается, чем же обусловлена эта его единоличная, почти неограниченная власть?

В рассказе «Этот странный дядя Шю» между председателем и стариком-колхозником происходит такой разговор:

«— Ты у нас числишься работником, дядя Митра. На тебя и таких как ты нам дается план. У тебя есть справка от врача, что ты болен?»

— Какая еще справка тебе нужна? Мне скоро семьдесят шесть стукнет. А ты ведь знаешь, Антон, сынок, мой характер. Я никогда не берег свое здоровье... Сорок лет проработал в колхозе. Разве не хватит? Моими руками строился Ахалшени. Я отдал артели свой надел, упряжку быков, арбу, плуг, которому износа не было, двенадцать мер зерна... Все отдал. И сил потом не жалел на общей работе. А теперь вышли силы, не могу больше работать. Так-то вот...».

Председатель:

«— Вы все так прибедняетесь, разжалобить хотите... А мне что прикажешь делать? Не хочешь работать в колхозе, ничего от нас и не требуй. Отберем мы у тебя верхний виноградник, так и знай!

— Ваша воля!.. Только ведь это и пенсия моя и жалование...

— Коли дорога тебе твоя земля, выходи на работу, делай хоть что-нибудь... А то руки поднимать на общем собрании легче всего».

Этот отрывок, на мой взгляд, примечателен во многих отношениях.

«Коли дорога тебе твоя земля, выходи на работу...». Эти слова председателя колхоза многое объясняют и, прежде всего, в механизме управления, руководстве. Когда нарушается принцип добровольного участия в труде, когда колхозник работает только из страха, что у него отнимут его участок, ни о какой производительности этого труда не может быть и речи. Такое положение вещей прямо или косвенно, но неизбежно оказывает самое отрицательное влияние на все стороны жизни общества в целом. Чем больше доброй воли в общественном труде, тем меньше надобности в диктате, в аппарате принуждения и контроля. Единственно правильным выходом из создавшегося положения может быть только коренное изменение порядка землепользования и оплаты труда колхозников.

В вопросе отношения крестьянина к земле Г. Хоргуашвили, наряду с социально-экономическим аспектом, видит и нравственно-психологический аспект. В его романе есть драматический эпизод, в котором описывается схватка двух односельчан не на жизнь, а на смерть. Один из них — рядовой кол-

хозяин Сандро Харашвили, по кличке «Муха» (дуб), второй — председатель ревизионной комиссии правления колхоза, землемер Микела Иасагашвили, по прозвищу «Мидэга» (упрямец). Мидэга хочет урезать часть виноградника Муха, якобы как излишек. Из-за этого и вспыхнула драка, которая чуть было не кончилась кровопролитием. Казалось бы, обычное дело, банальная ситуация, в которой проявились пресловутая мужицкая жадность, собственнический инстинкт. Но писатель видит здесь нечто большее: отношение крестьянина к земле. Г. Хоргуашвили пишет о Муха: «Запах земли он предпочитал запаху розы. Когда он пахал, копал, работал в винограднике, аромат земли дарил ему такую радость, что он забывал о тяжести своего труда. В пору, когда земля только-только начинала просыпаться от зимнего сна, когда над ней еще стоял пар, он набирал ее в горсть, мял и при этом испытывал такое же блаженное чувство, как если бы младенец своими пальчиками щекотал его ладонь. Он подносил руки к лицу, жадно втягивал в себя запах земли, и на лице его расцветала такая улыбка, словно он увидел сына. Ему не хотелось отводить руки от лица. Ему хотелось целовать землю, даже есть ее. Но сделать это он не смел, и тогда он говорил ей, как живой: «Нет, я не буду есть тебя. Ты должна съесть меня, ты! Ты бессмертна, я смертен. Я — твоя пища, я». Он представлял, как будет предан этой земле, и это доставляло ему удовольствие. Ему было приятно, что он по праву упокоится в ней, и душа его не знала больше радости. «Кто не печется о тебе, кто плохо обходится с тобой, тот недостойн ступать по твоей груди!..»

Такая любовь к земле непостижима разуму, не поддается описанию никакими словами...

У О. Чхеидзе есть рассказ, который так и называется — «Земля». В могилу опускают гроб, но он никак не входит в нее — она тесна покойнику. Начинают увеличивать могилу. Кто-то взмахивает лопатой, собираясь обрубить ручки гроба. Его останавливают: «Не делай этого! Копайте! Копайте! Он землю любил. Он земли просит. Так дайте же ему землю...». Эта символическая сцена понадобилась автору, чтобы показать безграничную любовь умершего к земле. Пока он был жив, окружающие мешали этой любви. Ему пришлось перебраться в город. Так уж сложилась жизнь. Но и тут, на балконе нового многоэтажного дома, он развел виноградник. За это ему снова досталось. И вот он умер, наконец сбылась его мечта — теперь у него земли сколько угодно, и никто уже не отнимет ее у него...

Слишком решительное наступление повели мы на крестьянскую натуру, на его «собственнический инстинкт», на его «жадность». Оно было настолько успешным, что в крестьянине убили великую любовь к кормилице-земле, и он покинул ее, делеемую его дедами и прадедами...

Любовь к жизни невозможна без любви к земле. Она в большой мере определяет верность традициям, сохранность твердых нравственных норм, отношений между родителями и детьми, стремление к продолжению рода, сознание, что человек не должен дать угаснуть семейному очагу. Могут возразить, что все это обусловлено биологическим инстинктом. Ну и что? И биологическим инстинктом не следует пренебрегать, если он служит основой здоровых нравственно-психических черт человеческой личности. К тому же и биологический инстинкт не является чем-то неизменным. И он может притупиться в неблагоприятных условиях.

Близость к земле, ощущение своего единства с природой помогают человеку преодолеть трагическое противоречие между жизнью и смертью. Иллюстрация этому — рассказы «Зедаше» и «В час кончины». В них слышны отголоски войны, однако акцент делается на народное мироощущение. Для этого писателем избран момент перед самой смертью его героев, тот момент на грани жизни и смерти, когда человеку открывается смысл прожитых лет или же их бессмысленность. Простые грузинские крестьяне провели свою жизнь, которая была освещена и освящена любовью к земле, к лозе, в труде, осененном благодатью этой любви, и приближение смерти воспринимается ими спокойно, они не видят в ней ничего противоестественного. Эти персонажи Г. Хоргуашвили близки герою Г. Шатберашвили Мамалхинэ, своеобразие национального характера которого особенно ярко проявляется в его отношении к жизни и смерти. Такое мироощущение тем более заслуживает внимания сегодня, когда культивирование эгоцентризма, усиление страха перед одиночеством и смертью еще больше углубляют кризис человеческого сознания.

Вообще Георгию Хоргуашвили больше удастся изображение того, что является естественной, гармоничной частью «целого», на чем лежит печать всеобщности, нежели то, что единично, индивидуально, личностно. Его рассказ «Пора любви» слаб, прежде всего потому, что описанное в нем чувство любви лишено индивидуальности. Произведение явно проигрывает в сравнении, скажем, с рассказом Р. Инанишвили «Голубой клубок», написанным на ту же тему. Герой Г. Хоргуашвили,

человек семейный, во время экскурсии в Прибалтику завязывает короткую любовную связь. То же самое происходит и с героем Р. Инанишвили на отдыхе в Ялте. Как видим, сюжет прост и достаточно банален. Но рассказ Р. Инанишвили поэтичен, в нем много точно найденных деталей и нюансов, сдержанного лиризма, что создает нужное настроение. Этому способствует также тональность повествования — радость с примесью грусти и грусть с примесью радости. Иная манера письма у Г. Хоргуашвили. Он в основном описывает переживания своего героя, рассказывает о том, что происходит в его душе. Ему не удалось найти оригинальную форму для выражения своего замысла, и поэтому рассказ получился бесцветным. Я остановился на нем только потому, что тема любви — одна из основных в литературе, и если угодно, пробный камень для каждого художника.

Там, где Г. Хоргуашвили рисует простой, цельный характер, а любовь изображает как вечную, стихийную силу, он добивается большего успеха. В рассказе «Возвышение» живыми, яркими красками нарисован образ невинной, шаловливой и смелой девушки. Она — истинное дитя природы. Писатель сумел показать зарождение первой любви в ее сердце. Рассказ привлекает пронизывающим его жизнелюбием и непосредственностью. Тем большее недоумение вызывает финальная его сцена, в которой неожиданно патетически и выпендренно говорится о счастье юных влюбленных.

Иногда, когда для воплощения своего замысла Г. Хоргуашвили обращается к аллегорической форме, ход его мысли бывает слишком простым, чтобы не сказать примитивным. Так, в рассказе «Безумие быка» свора собак, олицетворяющих злобу и зависть, враждует с быком Джонгой, олицетворяющим доброту. Упрощенная иллюстрация мысли не дает должного художественного эффекта, хотя история о самом Джонге, о его дружбе с ночным погонщиком, мальчиком Гигло очень привлекательна. Она напоминает рассказ Ш. Арагвиспирели «Мой Швинда!..». Тут автор чувствует себя в родной стихии. Его повествование обретает естественность, образность, язык — яркость и выразительность.

Надо сказать, что именно язык — одно из основных достоинств творчества Г. Хоргуашвили. Своеобразную прелесть ему придает то, что в нем растворен живой народный говор Картли. А картлийский диалект, наряду с кахетинским, как известно, лежит в основе грузинского литературного языка. Не-

даром Михаил Джавахишвили, желая лучше овладеть родным языком, месяцами жил в Картли, изучая разговорную речь.

Каждый серьезный писатель по мере сил способствует росту национального самосознания своего народа. В рассказе Г. Хоргуашвили «Тени» дан образ Ильи Чавчавадзе, погруженного в размышления о судьбах грузинского народа, мысленно беседующего с тенями великих предшественников о прошлом, настоящем и будущем Грузии. В это время ему приносят свежий номер «Московских ведомостей», в котором помещена статья, оскорбляющая национальное достоинство грузинского народа. Взволнованный Илья тут же пишет свой знаменитый ответ редактору Каткову. Сам выбор темы для рассказа уже говорит о гражданской позиции писателя. Как я уже отмечал, в центре многих произведений Георгия Хоргуашвили — нравственный облик нашего современника, и это не случайно, как сказал поэт, каковы мы, такова и наша родина. В рассказе «Алаверди» Г. Хоргуашвили с болью пишет о том, как в застолье, с бокалом в руке мы привычно курим фимиами прекрасной природе нашей и в то же время варварски уничтожаем ее. А вот еще одна болевая точка нашей современности. Испокон веку грузинская женщина, даже в те страшные времена, когда ее на каждом шагу подстерегала опасность быть похищенной и проданной в рабство, как великое счастье и благо ждала момента, когда станет матерью, а потом гордилась своими детьми, лелеяла их («Материнская грудь»). В наши же дни появился тип молодых грузинок, в которых заглохла даже элементарная биологическая тяга к материнству. Героиня рассказа «Господи всевышний» — недавно вошедшая в семью невестка, которой все смотрят в глаза, стараются предугадать ее желания в надежде, что она подарит им долгожданного ребенка, но она, втайне от них, делает аборт.

Есть у Георгия Хоргуашвили рассказ «Вечная кара», в котором слышен отзвук не такого уж далекого прошлого. В деревне умирает человек. Односельчанам предстоит похоронить его, но никто из них не желает нести гроб на кладбище, рыть могилу. Когда же покойника все же доставляют к могиле и начинают опускать в нее гроб, его специально переворачивают, и мертвец выпадает из него на дно ямы. Так односельчане мстят покойнику, которого ненавидели при жизни. Подобное выражение ненависти вызывает ассоциацию с фильмом «Покаяние». В рассказе, как и в фильме, дается современное художественное осмысление библейской легенды о братоубийце Канне. Первым эту тему в современной грузинской литературе,

если не ошибаюсь, затронул А. Сулакаури («Возвращение Авеля»). Жертвами Каинова греха, жертвами преступлений Аравидзе и ему подобных в первую очередь становятся лучшие представители народа. Чаще всего об Аравидзе говорят, как об отдельной личности, олицетворяющей зло, а не как о явлении, причины которого необходимо исследовать. Так мы не пойдем дальше беззубого морализирования, прославления справедливости и порицания зла. Для появления Аравидзе нужна соответствующая почва, поле деятельности. Какая почва возвращает их, какое поле деятельности у них? История XX века свидетельствует, что такое явление как «аравидзевщина» возникает в жизни того или иного народа только тогда, когда он разобщен, когда обостряется противоречие между привилегированным меньшинством и народом. Здесь возможны две ситуации. В первой: большинство восстает против меньшинства, пользующегося всеми благами жизни, чтобы отвоевать у него эти блага для себя. При этом оно подавляет всех, кто оказывает ему сопротивление столь же безжалостно, как подавлялось само. Вот в такой-то ситуации и появляются мелкие и крупные аравидзе. Аравидзе — всегда карьерист. Он начинает свою деятельность незаметным католиком, но быстро достигает сана кардинала. Он проявляет такое усердие, что способен превзойти самого папу римского. Делая карьеру, не стесняется в средствах, власть для него — самоцель. Этим он отличается от папы и его единомышленников, ибо они — люди верующие, и власть им нужна не ради нее самой, а для утверждения своих идеалов. Во второй ситуации имеет место экспансия, захват чужих земель и богатств. Здесь также открывается неограниченное поле деятельности для аравидзе всех мастей. Однако нас интересует первый вариант, который, как это ни странно, на первый взгляд тесно связан с поставленной Ильей Чавчавадзе проблемой «сломанного моста», с его социальными и национальными идеями.

Проблема «сломанного моста» сохранила свою актуальность в грузинской литературе и в XX веке, хотя в ней уже действуют иные персонажи. Так в известном рассказе М. Джавахишвили старик-крестьянин Тевдоре трудится день и ночь, а Дампатиже живет в свое удовольствие, сидя на его шее. Дампатиже — тот социальный тип, который легко может превратиться и в хищника Джако и в мошенника и рвача Квачи. Это зависит от того, как будут развиваться отношения противостоящих сторон. В 30—40-е, а частично и в 50-е годы противоречия между ними были притушены, дух Дампатиже дремал. Однако

в 60-е годы он пробудился. В современной грузинской литературе создана целая галерея образов — прямых потомков этого персонажа, городских и деревенских, меняющих свою личину в зависимости от обстоятельств. Проблема эта и сегодня звучит достаточно актуально. Находим мы ее и в творчестве Георгия Хоргуашвили. Вспомним еще раз сцену из рассказа «Этот странный дядя Шио», в которой председатель колхоза, некий Антон, грозит семидесятишестилетнему немощному старику Митре отобрать у него виноградник, если он не выйдет на работу. Именно эти отношения привели к тому, что честно проработавший всю жизнь человек на закате своих дней видит, как пустеет его родное село. Впрочем, дадим слово дяде Шио, выступившему на защиту Митры. Он говорит председателю колхоза:

«...Ты, мой Антон, человек ученый, умнее меня... Не обижайся за то, что я тебе сейчас скажу... Выведи сперва на работу свою женушку, которая прохладается в тенечке — пусть и она погнет спину на жарком солнце, верни из города своего братца, загребаящего там по двести рублей в месяц, а с ним и своего старшего сынка, который и не работает, и не учится, и племянников своих и сынков друзей своих, а потом с других спрашивай. Будь справедлив, и все пойдут за тобой. Так, как ты хочешь, дела у нас не поправить». Действительно, методами Антона дела на селе не поправить, но и то, что предлагает Шио, вряд ли ему поможет. Ну заставит председатель трудиться всю свою семью... Не может быть проку от принудительного труда. Никто не будет работать с полной отдачей, имея перед глазами пример старого Митры...

Современная грузинская литература будит национальное самосознание. Она показывает нам хорошее и плохое в нас и в нашей жизни, помогает понять, что существует сила разобщенности и сила единения, напоминает нам, что есть время надежд и время безнадежности, время снов наяву и время трезвой оценки реальности. Георгий Хоргуашвили как вдумчивый, искренний и честный писатель вносит свою лепту в это большое дело.

«Литература и филологическая наука на этапе перестройки» — этой теме была посвящена выездная научная сессия Совета по координации при отделении литературы и языка Академии наук СССР, которая состоялась в Тбилиси в мае 1988 года. Сессией руководил член-корреспондент АН СССР, секретарь правления Союза писателей СССР, председатель всемирной ассоциации славистов П. А. Николаев. В работе сессии принимали участие видные литературоведы, критики, лингвисты из разных городов Советского Союза, директоры гуманитарных институтов союзных республик.

Предлагаемая статья — одно из выступлений.

СВЯТАЯ СВЯТЫХ

В ВЫСТУПЛЕНИЯХ на сессии подчеркивалось, что двуязычие является ключевой проблемой современной жизни, говорилось о «приоритете русского языка», а билингвизм был объявлен нормой. Если бы этот вопрос затронул только наш дагестанский коллега, можно было бы вообще обойти его. Но проблема двуязычия была поставлена ребром на пленуме Союза писателей СССР. Да и в прессе нередко статьи о необходимости двуязычия, и мне бы хотелось поделиться с вами соображениями иного порядка по этому вопросу.

Итак, говорилось не о значении, а о «приоритете» русского языка. Но для грузина никакой язык кроме грузинского не может быть приоритетным.

Двуязычие существует — это факт, и отрицать его нельзя. Оно налицо у тех народов, у которых нет письменности и которые вынуждены пользоваться чужим литературным языком.

чужой письменностью. У этих народов родной язык служит средством лишь семейного общения.

Но оправдано ли двуязычие в Грузии?

Грузинский язык — один из уникальных древних языков. До нас дошли литературные памятники, датированные пятым веком. И несмотря на многочисленные вторжения иноязычных захватчиков, наш язык сохранил свою целостность и не поддавался чужеродным влияниям, так что литературный памятник пятнадцативековой давности внесен в школьную программу и понятен сегодня детям. Грузины издревле владели языками культурных народов мира, переводили с греческого, сирийского, древнееврейского, древнеармянского, арабского, персидского и т. д. На грузинском языке имела вся апологетика и патристика. Большой вклад внесли наши предки в развитие и византийской литературы; они не только переводили с греческого на свой родной язык, но и с грузинского — на греческий. Немало памятников византийской литературы, не дошедших до нас в оригинале, сохранены для мирового культурного наследия лишь в грузинских переводах. На грузинском языке возникли и процветали все многообразные жанры средневековой литературы. Словом, мы жили на уровне глобальных культурных стандартов.

Двуязычие не может быть нормой у нас, в Грузии. Грузинский народ обладает большим навыками в изучении языков, имеет глубокие традиции литературных, культурных контактов, взаимосвязей. Какая необходимость в билингвизме у нас? Какую цель преследует билингвизм в Грузии?

Двух родных языков быть не может, человек мыслит на одном языке.

Убеждать нас в большом значении русского языка нет необходимости, это ясно, известно любому грузину. Не думаю, чтобы в этой огромной аудитории нашелся хоть один человек, который не понимал бы этого, которого надо было бы убеждать в этом. Уверяю вас, в этом зале русский язык знают не хуже меня, а многие — и лучше. А я, как видите, могу донести свою мысль до вас.

Спрашивается, что еще требуется?

Большинство наших учреждений, большая часть наших научных институтов ведет работу на русском языке. В них нет даже грузинской пишущей машинки. Всего лишь в нескольких гуманитарных институтах, в том числе и в нашем, можно получить справку на грузинском языке. Вся документация наших диссертаций составляется по-русски; сами диссертации либо

пишутся на русском языке, либо переводятся. В средней школе родному языку и литературе отводится очень мало часов, а изучению истории Грузии и того меньше. Даже совещания с чاءеводами Западной Грузии проводятся на русском языке. Любое патриотическое начинание считается националистическим, а слово «национализм» превратилось в ругательное, осуждающее понятие. Делается все для утраты нашей национальной памяти.

Чего же еще хотят от нас?

Но раз поставлена проблема двуязычия и она преподносится как забота об углублении изучения и обогащения обоих языков — русского и грузинского, — давайте займемся и другой стороной вопроса, а именно — посмотрим, как обстоят дела с развитием, обогащением, сферой применения грузинского языка. Займемся другим аспектом двуязычия. Поинтересуемся, не страдает ли от такого давления русского языка наш язык? Ведь сфера применения языка определяет его живучесть, богатство, многоплановость, емкость. Двуязычие, может быть, не наносит ущерба русскому языку, но оно станет пагубным для грузинского языка, языка древнего народа с древней культурой, древней литературой. Двуязычие сузит сферу применения нашего родного языка, которая и без официального установления билингвизма все более и более суживается. И это принесет ущерб всему народу, послужит разложению личности.

Научными исследованиями в области психологии языка признана огромная роль родного языка в становлении личности. Среди наших гостей находятся известные лингвисты, и я позволю себе напомнить им проведенный французскими учеными эксперимент, вызвавший сенсацию в научных кругах. Новорожденный ребенок, слыша при кормлении родную речь, испытывает удовольствие от еды, и компьютеры фиксируют повышение интенсивности сосания. При звуках чужой речи интенсивность сосания понижается. Этот нашумевший эксперимент позволил ученым прийти к выводу, что код родного языка закладывается в человека с эмбрионального состояния. Язык как система неотделим от психического строя народа; по Гумбольдту, каждый отдельный язык — это особое, уникальное видение мира.

Некоторые выступления на сессии настораживают нас.

Академик Д. Н. Шмелев, желая подчеркнуть необходимость большой взаимной заинтересованности друг в друге, сказал с кафедры: «Ну что вы знаете о русской живописи? Ну о

каких русских художниках вы слышали? Наверное, о Репине или Шишкине? Или что мы слышали о Пироманишвили? Какой памятник вы знаете в Москве, наверное, храм Василия Блаженного?» И посоветовал больше интересоваться русской культурой. Безусловно, интерес необходим, но не на предложенном уважаемым академиком уровне, а на уровне более глубоком, более основательном. Грузин Арсенишвили не только «кое-что слышал» об Андрее Рублеве, но и создал в Москве музей Рублева, — вот это, нам кажется, и есть проявление истинного и глубокого интереса.

Я бы сказала, что в Грузии интерес к русской культуре очень глубок. Мы неплохо знаем вашу литературу, как древнюю, так и XIX века; следим за современным литературным процессом.

Но мы не видим, чтоб такой же интерес проявлялся к нам. Академик П. А. Николаев отметил, что в отношении Афганистана была допущена ошибка, мы соприкоснулись со страной, не изучив ее нравы, обычаи, достаточно сказать, что в Союзе белуджским языком владеют только два человека.

Ну, а как обстоит дело с грузинским?

Грузиноведческая школа в Петербурге существовала даже при царской власти. А теперь ее нет. Во многих европейских странах и в США растет число ученых-картвелологов; создаются новые научно-исследовательские центры, кафедры; в нескольких университетах студенты овладевают этой специальностью. Многие из вас присутствовали на юбилее Ильи Чавчавадзе и стали свидетелями этой подлинной и глубокой заинтересованности: иностранные ученые приветствовали нас на нашем родном языке. Они прекрасно владеют грузинским языком, переводят всех наших крупных писателей. На разные европейские языки с оригинала переведены произведения Руставели, Сулхан-Саба, Гурамишвили, древнейшие агиографические памятники и сочинения писателей позднего времени. На английский язык переведен с оригинала даже Важа Пшавела, труднопереводимый писатель, ибо его поэтические произведения носят следы диалекта горцев и нелегки для понимания. Публикуются солидные научные труды, словари.

А кто из русских занимается нашей литературой, кто изучает наш язык?!

Кто из русских писателей перевел хоть одну грузинскую строку без подстрочника?!

Докажите свою заинтересованность, свое расположение. Сделайте так, чтобы мы поверили вам.

Поводов для недоверия достаточно. Я вам напомню 1978 год, когда грузинский язык едва не лишился статуса государственного языка, закрепленного нашей конституцией. Надеюсь, вам известно, каким путем отстояла наша молодежь свой язык, ценою какого риска!

Как не опасаться, когда мы очень часто сталкиваемся с пренебрежительным отношением к нам, с глумлением над нашими народными обычаями; когда так часто появляются в русской прессе произведения, оскорбляющие достоинство грузинского народа. Нет надобности конкретно называть имена. Их знают все. И не нашлось ни одного русского писателя, русского интеллигента, который вслух произнес бы: неблагородно насмехаться над народом. Грузинское застолье со своим тамадой — это своего рода культура общения. В феодальной Грузии оно было ареной обмена мыслями, состязания в красноречии, ристалищем поэтов. Великолепные грузинские застольные песни исполнялись именно на пиршествах. Хоть бы кто-нибудь припомнил, что существуют такие произведения, как «Пир» Платона или «Пир» Жуковского («Певец во стане русских воинов»).

Многое у нас изменилось, многое выродилось. Произошла девальвация духовных ценностей. И у нас, и у вас. Писатель должен понимать, углубляться в причины этого, а не огульно осуждать.

До тех пор, пока русские писатели не видят причин болезней Грузии, им лучше говорить о болезнях России. А нам о причинах болезней Грузии до последнего времени не положено было говорить. В свое время никто так остро и горько не говорил о наших болях, как Илья Чавчавадзе. И народ внимал ему. Современные грузинские писатели и деятели культуры также пишут о наших горестях и трудностях. Прекрасная статья известного грузинского писателя Гурама Гегешидзе была опубликована в грузинской газете. Пожалуйста, поинтересуйтесь ею, походатайствуйте, чтобы она появилась во всесоюзной прессе, и вы лучше поймете нашу боль, нашу беду.

Как не насторожиться, когда журнал «Вокруг света» в своем приложении («Искатель», 1987, № 2), вышедшем огромным тиражом, публикует произведение Валерия Мигицко, герой которого, Автандил Руставели, по профессии пожарник, по призванию — тамада, запирает в багажник овцу, а потом кричит ей: «Эй, вылезай, шашлык»; когда его друга зовут Таризэл, и он при виде русских пухленьких женщин теряет дар речи, когда грузины в этом произведении называются «экзем-

плярами»! И это не волнует никого из русских, ни одного русского писателя, ни одного интеллигента!

Таких примеров множество.

В контексте всего этого, естественно, возникает вопрос — какую же цель преследует двуязычие?

Между прочим, мы сами заинтересованы в овладении русским языком, по возможности стараемся публиковать свои исследования по-русски. Это способствует популяризации наших трудов. Ленинградский коллега из Пушкинского дома упомянул три научных сборника трудов ленинградских и грузинских медиевистов. Я — соавтор этих сборников.

Но вот с развитием новых отраслей науки, например, научного управления возникает большая необходимость в овладении иностранными языками. Всем известно, как отстала отечественная наука в этой области. И лично мне для научной работы английский язык сейчас нужнее русского.

Если речь идет о несомненно громадном значении русского языка, как языка межнационального общения, в этом для нас ничего неприемлемого нет. Но двух родных языков у грузина быть не может.

У нас с вами много общих проблем. Наше время, время гласности и перестройки дает нам возможность заняться перестройкой экономики и социального строя, воспитанием личности, позаботиться о восстановлении моральных ценностей. Не дадим же перестройке — этому новому благотворному процессу — превратиться в перестройку нации. Язык — это святая святых народа. Отмирание языка приведет народ к гибели.

Гурам ПАНДЖИКИДЗЕ

Без права на ошибку

Техническому прогрессу, прогрессу науки, к сожалению, всегда сопутствует оборотная сторона.

Даже сугубо мирное производство предметов домашнего обихода, не говоря уже о создании более совершенных по мощности и скорости транспортных средств, внедрений новейших технологических процессов в пищевой промышленности и т. п. — головокружительные темпы развития лишь этих отраслей порождают беспощадную конкурентную борьбу за торговую и экономическую власть, за рынки, сеют раздор не только между компаниями и фирмами, но и острое экономическое соперничество между государствами, служат причиной множества экологических и других различных преступлений.

Непланомерное и неразумное развитие отраслей неизбежно влечет за собой нарушение технологических условий, а следовательно и загрязнение среды обитания, загрязнение рек, морей, океанов, отравление атмосферы и т. д.

Но если развитие науки и техники в мирных целях таит в себе столько бед, что говорить о военной промышленности? Огромные средства, величайшие умы и таланты расходуются на создание все более совершенного оружия для уничтожения человека.

Предполагается, что к концу века даже у многих из развивающихся стран будут собственное термоядерное вооружение и ракеты.

Начало см. в № 6.

которые смогут еще стать предметом торговли в более отсталых странах.

Сегодня Бразилия, Пакистан, Тайвань, Израиль и Индия уже имеют ракеты отечественного производства. Израильская ракета «Иерихон-2» оснащена ядерной головкой. Радиус дальности ее полета 300—450 миль. Южная Корея уже давно испытала ракету собственного производства «Земля-земля». Тайвань в «содружестве» с Израилем создал ракету «Зеленый комар». Индия пошла еще дальше, полагают, что она уже имеет баллистические ракеты средней дальности. Аргентинцы разрабатывают (а по предположениям — уже разработали) ракету, которую еще до создания нарекли «Кондором». И «Кондор» этот будто бы способен долететь до Фолклендских островов (350 миль). Трудно поверить, что измученный многолетней войной Ливан обратился к Западной Германии за помощью в создании баллистических ракет малой дальности.

Специалисты и политики считают, что к началу двадцать первого века почти у всех стран будут собственные баллистические ракеты малой дальности и разной мощности — на всякий случай, во избежание каких-либо недоразумений со стороны соседних стран.

Стоит ли говорить о поспешной милитаризации американцев и стран НАТО, о «звездных войнах» и других проектах, до осуществления которых, если не восторжествует добрая воля и здравый смысл, — один шаг.

Сегодня, к сожалению, не исключены недоразумения и случайности. Сложнейшие комплексы военных баз включены в компьютерные системы.

В последнее время в Америке входят в моду хулиганские игры среди программистов электровычислительных машин: они вносят в программу инструкцию, которая по прошествии определенного времени уничтожает все виды информации, записанные в «память» машины. Без всякой нужды и пользы для себя, лишь «забавляясь», с помощью своих компьютеров они разгадывают ход компьютеров других учреждений. Подобным путем они «проникли» даже в Пентагон и стерли в сложнейшей системе компьютеров все предварительные задания.

Не меньшие беды могут натворить в нынешних, а тем более в завтрашних условиях насильники, жулики, террористы, садисты, наркоманы...

Недавно Управление энергетических исследований Америки сообщило, что с разных объектов атомной энергетики страны был похищен значительный запас урана и плутония.

Не исключено, что когда-нибудь из этого плутония кустарным

способом будет изготовлен атомный снаряд. Прецедент уже был, когда студент первого курса Принстонского университета Джон Филиас совершенно самостоятельно разработал механизм атомного снаряда, чем вызвал восхищение у лауреата Нобелевской премии физика Юджина Вигнера.

Американская пресса пестрит сообщениями о сложной ситуации в стране: из центров атомной энергетики Америки уже похищено столько урана и плутония, что этого количества, оказывается, может хватить для сотни атомных бомб. Для изучения сложившегося положения созданы специальные комиссии, выявившие страшные факты небрежности и безответственности, связанные с учетом атомного сырья. Только в известной всему миру фирме «Дженерал электрик» один из сотрудников Дэвид Дейк украл со склада и вынес с территории фирмы 70 килограммов урана. Надежно упрятав украденное, он прибег к шантажу — позвонил руководству фирмы и потребовал за возвращение урана 200 тысяч долларов. В противном случае, — объявил он, — вышло этот уран по почте руководителям фирмы. Это неслыханное преступление сопровождалось массовым радиационным отравлением людей. К счастью, преступник был задержан полицией.

Атомный шантаж имеет все большее распространение. В американской прессе уже отмечены 70 случаев новых, весьма масштабных самых разнообразных видов шантажа. С целью наживы в ход идут и угрозы взрыва атомных установок, и другие формы психологического воздействия. Насколько серьезную опасность представляет собой атомный шантаж, можно судить и по тому, что правительство Америки создало специальное учреждение по борьбе с атомным террором.

В ближайшие годы, когда будут еще шире внедряться атомные и термоядерные технологии, опасность такого рода станет еще более реальной.

Среди служащих военно-морского флота и авиации Америки много наркоманов. Стоит один раз возбужденному наркотиком прикоснуться к роковому пульту, чтобы произошло непоправимое. С американского атомного подводного корабля «Эндрю Джексон» было списано 17 неизлечимых наркоманов, с другого атомного подводного судна «Томас Джефферсон» — 13.

Американская газета «Норвич буллетин» пишет: «Согласно статистике, 10—15 процентов состава подводных кораблей морских сил Америки систематически курит марихуану».

Читатель согласится, что такое положение нельзя охарактеризовать иначе, как чрезвычайное.

Судя по прогнозам, двадцать первый век будет веком городов, что неизбежно повлечет за собой глобальную индустриализацию. Развивающиеся и даже отсталые страны сегодня становятся мощными очагами тяжелой и легкой индустрии. Если же учесть намерения японцев развивать в своей стране «чистые» отрасли, а тяжелую индустрию переместить в развивающиеся страны, то не следует отбрасывать мысль, что примеру Японии последуют и другие крупные капиталистические страны.

А если представить, что в начале двадцать первого века в развивающихся странах будет столько же автомобилей, — в процентном отношении, — сколько в средней капиталистической стране?

Сегодня в мире на душу населения в среднем расходуется 1700 киловатт электроэнергии. Через 12 лет потребуется в 5,2 раза больше. Этой энергией в основном должны обеспечить атомные и работающие на органическом топливе электростанции.

Если сегодня в моря и океаны ежегодно выливается 15 миллионов тонн нефти, то в каком состоянии окажутся моря и океаны в начале двадцать первого века?

Сегодня человечество расходует 8 миллиардов тонн топлива. Что же ждет нас в 2001 году, если по реальным расчетам расход топлива составит 25 миллиардов тонн? Ведь сегодня предполагают, что сокращение в Антарктике озона, защищающего планету от ультрафиолетовых солнечных излучений, есть не что иное, как результат оседания в атмосфере выхлопов индустриального сгорания. Что же произойдет, когда выхлопов будет втрое больше? Даже при наличии совершенных защитных устройств ясно, что общее положение ухудшится.

Естественно, планомерными, взвешенными действиями можно с самого начала избежать множества опасностей, но о каких трезвых и продуманных действиях может идти речь в условиях ожесточенных схваток между фирмами, корпорациями и даже государствами за захват мирового рынка? Жестокая конкурентная борьба обуславливает стихийность в действиях, беспощадность, захват и грабеж.

Миролюбивые устои нашей страны непоколебимы, даже наши противники не в состоянии отрицать целенаправленной борьбы за мир и за разоружение Страны Советов. Но и она вовлечена в этот страшный круговорот, не имея прав позволить себе отстать в этой гонке, дать обогнать себя в военном отношении.

Технический прогресс в значительной степени стимулирует развитие отраслей теоретических наук. В результате создания искусст-

венных спутников, мощнейших телескопов и другой аппаратуры, в физике и астрономии сделано столько открытий, что ученые не успевают подвергнуть их теоретическому анализу.

Часто ученые выдвигают идеи, представляющиеся нам совершенно фантастическими.

Японские ученые Сиромичу Экоми и Таиро Осима предложили — поскольку пока еще не налажена связь с другими цивилизациями нашей Галактики, если они существуют (в чем японские ученые не сомневаются), — послать туда с Земли помещенный в соответствующие капсулы вирус с закодированной информацией. Если «посылка» достигнет планеты с высоким уровнем цивилизации, тамошние ученые сумеют расшифровать и прочесть последовательность генетических знаков, которые донесет туда вирус, либо этот вирус поселится на одном из видов бактерий и на долгое время сохранит посланную Землей информацию.

Поистине — фантастика. Сегодня — безусловно, но завтра?

Сегодня человек почти отвык удивляться. Преодолен психологический барьер, и в сознании прочно укоренилось убеждение в беспредельности человеческих возможностей.

Заглядывая в завтра, постарайтесь не забыть о тех величайших открытиях, которые рождены сегодня.

В 1978 году перед миром предстал ребенок, рожденный женщиной, которой был пересажен эмбрион, полученный в лаборатории. Фамилию и имя ребенка — Луиз Браун опубликовали почти все газеты мира. Процесс рождения ребенка таким способом назвали «in vitro фетилизацией». Сегодня уже несколько тысяч детей рождены таким способом. Американская пресса уже сообщила и о том, что 36-летняя Дюри Шок первая в мире женщина, которая посредством искусственных эмбрионов родила четырех близнецов.

Одарить бездетную женщину, бездетную семью ребенком — огромное благо. Но и это научное достижение обернулось весьма негативными сторонами. В капиталистическом мире уже появилась армия так называемых «матерей-суррогатов», уже формируются синдикаты, торгующие детьми.

Однажды по телевизионной программе «Время» мы услышали информацию, переданную из Соединенных Штатов Америки, которая не могла не потрясти слушателей до глубины души. «Мать-суррогат» произвела на свет ребенка, который согласно договору должен быть продан бездетной семье. Но сработало чувство материнской любви: увидев ребенка, «мать-суррогат» не смогла продать свое дитя, разорвала контракт с бездетной семьей, которая возбудила дело в суде. Этот беспрецедентный случай привел судей, в замеша

тельство — они, пожалуй, и сегодня еще не могут решить, кому присудить ребенка.

Этот метод рождения детей поставил перед обществом и юридической спруденцией множество других проблем. Социологи, юристы, духовенство в капиталистических странах (кстати, духовенство не поддерживает рождаемость детей подобным путем) не сумели разобраться, например, имеет ли право мать-суррогат на аборт; точно так же имеет ли право ребенок претендовать на наследство от биологических родителей, то есть от тех, чьи сперма и яйцеклетка создали в лаборатории эмбрион для пересадки в утробу матери-суррогата, или же ребенок будет наследником одних только «социальных» родителей? Словом, неясно, чьим наследником является появившийся на свет с помощью пробирки ребенок: матери-суррогата, биологических родителей или же тех бездетных людей, «заказавших» его и финансировавших эту операцию.

Искусственный эмбрион породил столько головоломок, что министры юстиции капиталистических стран специально собрались в Страсбурге, чтобы найти выход из этих запутанных ситуаций. Как сообщили газеты, совещание не было результативным.

Клерикальные круги Америки настроены против лабораторного зачатия. На философский вопрос — откуда в конце концов начинается жизнь, у них один ответ: с зачатия, и зачатие это должно происходить только в организме человека.

Правительство Америки поддерживает это соображение духовенства и отказывает в финансировании подобных научных опытов. Но у ученых все же появились частные меценаты. Уже разработана технология охлаждения спермы до 196 градусов и созданы специальные банки-холодильники.

Ученые утверждают, что полученной сегодня и сохраняемой таким способом спермой можно и через 1000 лет создать эмбрион. Естественно возникает вопрос: почему бы не позаботиться о человеческой породе? В этом направлении уже сделаны «серьезные» шаги.

«...Западногерманская клиника в Эссене, например, пишет в своей рекламе, что среди ее доноров «нет толстых мужчин, нет длинных и с крючковатыми носами». Крайнее проявление евгеники — это, конечно, знаменитое «Хранилище зародышевого выбора» в городе Эскондило в Калифорнии, более известное как банк спермы нобелевских лауреатов. Правда, недавно банк оплошал. Ссудил свои нобелевские сокровища какой-то уголовщине». (Симонов. «Литературная газета» № 31, 1986 год).

Лет пятнадцать назад один сингапурский хирург, специализи-

ровавшийся на операциях гермафродитов, произвел неслыханную дотоле, беспрецедентную операцию: превратил мужчину в женщину. Как он сам признался, ему пришлось всерьез задуматься, «идти ли против бога?». После сложных раздумий и колебаний он решился пойти против природы. Сегодня во многих городах США, ФРГ, Испании и других капиталистических стран вы можете увидеть мужчин, превращенных в женщин. Это ли не кощунство?!

Несколько лет назад еще одна новость поразила нашу планету. В Новой Зеландии у некой Маргарет Мартин с помощью искусственной матки (у нее была удалена матка) на свет появился совершенно здоровый ребенок.

Тотчас же возникла мысль: почему бы таким образом мужчине не рожать детей!

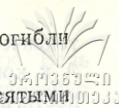
Идея, на мой взгляд, странная и кощунственная, сразу же привлекла к себе многих ученых (например, американца Ландре Шетлса, западных немцев Константина Мартина и Хейнца Бонета). Между прочим, из опрошенных во Франции мужчин 17 процентов высказали желание забеременеть описанным выше способом, даже известный американский артист Дастин Хофман заявил, что он с удовольствием родит ребенка.

Лет шесть назад пресса сообщила, что в американском городе Кливленде заведующий нейрохирургическим отделением клиники Роберт Уайт закончил целую серию операций пересадок мозга на животных и что он, оказывается, готов приступить к опытам по пересадке человеческого мозга.

Свое отношение к этому явлению я выразил в романе «Спираль», поэтому распространяться на эту тему не собираюсь. Скажу лишь одно: нашей планете четыре миллиарда лет. На протяжении десятков миллионов лет создавалась на ней жизнь. На протяжении сотен миллионов лет создавались глобальные балансы. Имеем ли мы право поспешно и слепо шарить руками в тайнах природы, в ее запретных зонах?

Мое поколение хорошо помнит лозунг: мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача. Результат не замедлил сказаться. Природа уже мстит нам за наше небрежное и беспощадное обращение с ней. Ученые уже установили, что за последние десятилетия слишком участились засухи. Ежегодно к площадям пустынь мира прибавляется 21 миллион гектаров территории. Иногда же после засух выпадает небывалое количество осадков в виде дождя и снега. Печальный пример — 1987 год в Грузии.

По данным Красного Креста, в 1960 году в мире были зарегистрированы 54 естественные катастрофы, а в 1979 году — 81.

Соответственно увеличались и жертвы. Если в 1960 году погибло 22 тысячи человек, то в 1979 году — 142 тысячи.

Количество наводнений в Индии по сравнению с пятидесятыми годами возросло в четырнадцать раз. В прошлом же году, как подсчитали специалисты, ущерб, причиненный наводнениями в Индии, составил два миллиарда долларов.

В Соединенных Штатах Америки за последние десять лет от засухи пострадало 244 миллиона человек, от наводнений — 154 миллиона, от ураганов — 28, а от землетрясений — 12 миллионов человек. При этом, утверждают специалисты, если бы аналогичные бедствия произошли в развивающихся странах, жертвы и ущерб были бы значительно больше.

В Мюнхене есть крупнейшая, известная во всем мире, страховая организация, ежегодная прибыль которой исчисляется 10-ю миллиардами марок. По подсчетам этого учреждения в последние годы особенно много организаций с помощью страхового полиса охраняют себя от стихийных бедствий, что обернулось огромным ущербом для упомянутой страховой компании и вынудило отказываться в страховании от стихийных бедствий.

С 1970 года страховая организация начала изучать динамику стихийных бедствий. Были проанализированы все стихийные бедствия, о которых хоть крупицы сведений сохранила история. Тщательно был изучен характер всех стихийных бедствий, которые были описаны китайцами за несколько тысячелетий. Вычислительные машины анализировали соответствующие данные, изучали сведения и фотоснимки, полученные от спутников. В результате была составлена «новая картина» планеты, которая со всей наглядностью выявляет характер, частоту и силу предстоящих стихийных бедствий в различных регионах. Соответственно были введены и новые тарифы страхования. В этой организации четко определено где, в каких размерах подлежат страхованию атомные электростанции, мосты, строительные компании.

Небрежное, а точнее хищническое отношение людей к окружающей среде привело человечество к возможной катастрофе. Для иллюстрации достаточно и двух фактов. Потери земельных ресурсов в мире достигли 20 миллионов квадратных километров. Чтобы понять, что означает эта цифра, напомним, что на сегодня площадь имеющихся пахотных земель составляет 15 миллионов квадратных километров. За последний период ежегодно пропадает 7 миллионов гектаров земли, и с течением времени потери растут.

В течение одного года в мире добывается 5,5 миллиарда тонн разных видов руды. Ежегодно на землю оседает 250 миллионов тонн выделяемой заводами и фабриками пыли, 70 миллионов тонн

токсических газов отравляют полезные уголья, фауну, человека. А к концу века, как уже говорилось, количество условного топлива достигнет 25 миллиардов тонн.

Думаю, что у человечества есть повод для серьезной тревоги, для обсуждения создавшегося положения и категорических выводов.

* * *

Как же сам человек чувствует себя в этом круговороте? Как адаптируется в головокружительном ритме жизни? Как поспекает шагать в ногу со временем, которое становится все напряженнее?

Когда-то я написал такие строки: «...Техника идет вперед, растет инерция, и человек так же органично приспосабливается к обстановке, как сидящий в самолете пассажир воспринимает инерцию движения самолета. От него ничего не зависит, у него нет возможности избежать этой инерции...»

Кто в этом виноват? Может быть, человек уже не властен над ним же созданной техникой? Или он ни психологически, ни биологически не может подняться до уровня, продиктованного нашим веком мышления? Может быть, наше тело, сердце, нервы не готовы вынести бремя всего, что нами же задумано и создано?

...Человек вынужден осваивать огромный поток информации, учить, обретая полезные и бесполезные знания, наступающие на нас ежедневно. Но ведь продолжительность суток ни на секунду не увеличивается, она по-прежнему равна 24 часам».

С момента написания этих строк прошло тринадцать лет. Но если последние тринадцать лет соотнести с предыдущими, то они раз в десять более емкие и насыщенные в смысле технического прогресса, научных открытий и международных событий, что я и попытался обосновать.

Интересны соображения доктора медицинских наук Н. Эльштейна, изложенные в статье, опубликованной в журнале «Физкультура и спорт». Он, в частности, пишет, что во второй половине нашего столетия особенно ощутимым стало умственное переутомление, и в связи с этим — участились случаи депрессивного состояния. Здесь большую роль играет рост объемов обязательных для человека знаний (перегрузка мозга), резкое ускорение ритма повседневной жизни, растущая динамика смены жизненных ситуаций, удлинение периода обучения и заметное расширение контактов. Мозг оказался неподготовленным к такой большой и интенсивной нагрузке, к современному темпу, ритму и скорости.

Люди постоянно жалуются на нехватку времени, сетуют, что в сутках только 24 часа. Автор замечает, что мы в этом темпе

разучились есть — глотаем на ходу, не разжевывая куски. Ведь зачастую даже отпуск берут для того, чтобы наконец спокойно сесть и «как следует поработать». Это продиктовано не низким материальным достатком. Невозможно остановить закрученное колесо, вырваться из плена бешеных темпов.

Говорят, именно в этом и заключается смысл жизни. Н. Эльштейн подвергает сомнению этот тезис. Куда спешит, торопится человек, постоянно поглядывая на часы и считая минуты? Какой ценой расплачивается он за эту спешку, нескончаемую погоню за минутами и секундами? За все расплачивается нервная система.

В медицине уже стали известны такие новые виды заболеваний, как «невроз часов пик», «невроз стояния в очереди», «невроз ожидания», «телевизионная болезнь» и многие другие. О СПИДе я уж ничего не говорю — это ужасное заболевание, порождение эпохи, хотя причины его возникновения больше относятся к сфере морального разложения и потому не связаны с нервным ритмом нашей жизни.

Невроз в современной медицине окрестили недугом века. Тот же Н. Эльштейн считает, что нельзя не задумываться над вопросом переутомления нервной системы учащихся. Согласно нормам, которые установлены решениями множества международных конгрессов врачей и физиологов, суммарная учебная нагрузка, например, для 14—15-летних подростков не должна превышать 6—6,5 часов в день. Но ведь если ученики занимаются добросовестно, то они трудятся 10—12 часов в день, то есть больше, чем некоторые взрослые люди. При этом идет механическая работа мозга.

А во многих республиках, подчеркивает автор, объем некоторых учебников за десять лет вырос на 50—75 процентов. Вот я и подошел к парадоксу, а если хотите, к трагедии века. С одной стороны, мы так утомили разум человека, причем, разум грядущего поколения, что невроз и депрессия стали или, во всяком случае, станут завтра или послезавтра чуть ли не обычным делом.

С другой стороны, мы строим атомные электростанции, боремся за овладение еще более эффективным видом энергии — термоядерной реакцией, создаем сложнейшие химические и строительные комплексы, возводим сложнейшие заводы и фабрики, строим подводные и надводные атомные корабли, сверхзвуковые воздушные лайнеры, заводы электронновычислительных машин и компьютеров.

Кто же должен обслуживать эти сложнейшие системы?

Разумеется, люди! Никакие роботы и автоматы, которые созданы и запрограммированы людьми, не в состоянии заменить человека.

Если поверить американским социологам, то только 20 про-

центров человечества в состоянии усвоить программу высшей школы. Между тем нам нужно все больше высококвалифицированных, образованных и мыслящих специалистов. Да и сами рабочие в условиях глобальной индустриализации должны стать людьми нового типа. Слово «рабочий» уже основательно изменит свое смысловое значение, так высок должен быть уровень его образованности и технического мышления. Если проанализировать факты, то на многих предприятиях сегодняшний рабочий по крайней мере вдвое превосходит по этим показателям того, кто был на его месте лет 15 назад. К концу века, как предполагают, это различие возрастет еще вдвое, а в некоторых отраслях — в десять и более раз.

С течением времени все шире размах человека, его руки, управляющие техническими гигантами, будто наливаются огромной энергией. Но возникает вопрос — насколько поспевают наш разум за силой наших рук? Насколько разумно мы можем управлять нами же созданными и открытыми энергетическими источниками, сверхмощными техническими комплексами?

Увы, человечество психологически еще не готово управлять завоеваниями сегодняшней науки и техники. Увы, наш разум не только не обгоняет технический прогресс, но даже не идет следом за ним. Это еще раз подтверждают аварии на Чернобыльской АЭС и на других подобных станциях в разных странах мира. Ведь большинство этих аварий произошло в результате низкой квалификации, небрежности и психологической неподготовленности со стороны обслуживающего персонала.

И тут возникает серьезнейший вопрос: а готовим ли мы к жизни в двадцать первом веке тех девочек и мальчиков, которые сегодня еще ходят в детский сад или учатся в школе, юношей и девушек — сегодняшних студентов? Насколько их знания, отношение к делу, гуманизм и интернационализм будут соответствовать тому веку, в который они войдут через двенадцать лет?

* * *

Встречая двадцать первый век, мы преисполнены веры и оптимизма, хотя прекрасно понимаем, что самоуспокоенность — враг прогресса. Многие еще тревожат и заставляют задуматься.

Десять-двенадцать лет назад «Литературная газета» пригласила меня в Минск за «круглым столом». Мы посетили тогда Минский завод по изготовлению электронновычислительных машин.

— Сильно ли мы отстаем от Америки в производстве электронной техники? — спросил я главного инженера завода.

— Значительно, — ответил он и с горькой улыбкой добавил: —

беда в том, что в будущем году этот разрыв увеличится. Мы не топчемся на месте, но американцы идут вперед намного быстрее.

А вот мнения специалистов, высказанные в «Литературной газете» (27 января 1988 г.): «Положение такое, что выбора как бы и нет: либо компьютеры — и будущее, либо без компьютеров — но и без будущего. Работа человека на тех образцах, что выпускает или обещает вскоре выпустить наша промышленность, не только бесполезна — она вредна, ибо прививает программистам и пользователям навыки позавчерашнего дня. То, что наши люди знакомятся с современной западной техникой лишь по литературе, — это почти как обучение плаванию на берегу, к тому же заочно. Далеко ли мы так уплывем?» (А. Родионов).

«Это катастрофа. Ни больше, ни меньше... Наш нынешний уровень компьютерного производства колеблется между 1/1000 и 1/100 от американского. Начинать соревнование с таких позиций просто невыносимо — необходим скачок.

Япония выпустила свой первый компьютер в 1965 году. Сегодня по уровню технологии ЭВМ она сравнялась с США. Японцы по-прежнему пользуются чужими разработками компьютерных архитектур, интегральных схем, однако по технологическим показателям они уже кое в чем американцев опережают. Это было совершенно невозможно, если бы Япония поставила себя в условия противоестественной интеллектуальной и технологической изоляции, как мы» (Т. Широков).

Симптоматичный факт, над которым нельзя не задуматься.

Сегодня возникло много вопросов, на которые мы не в состоянии ответить. Например, как могло случиться, что Советский Союз, на территории которого находится почти половина лесных массивов мира, испытывает дефицит лесоматериалов и бумаги?

Почему страна плодородных степей, полей вынуждена покупать за рубежом пшеницу?

Допустим, мы не умеем шить одежду так хорошо, как шьют известные зарубежные фирмы, изготавливать на уровне знаменитых фирм станки, электронно-вычислительные машины, автомобили или телевизоры, но почему мы должны закупать кур или яйца в Венгрии, Болгарии, Франции, Дании?! Чего у нас не хватает для того, чтобы раз и навсегда решить проблему птицеводства: территории или кормов? Ведь мы можем выделить для развития птицеводства — только для одной этой отрасли — территорию, равную всей Дании! Хочу привести любопытные данные статистики: китайский крестьянин кормит пять человек, японский — двадцать два, американский — шестьдесят семь, советский же — только десять человек!

Из Финляндии с населением всего в 4,8 миллиона человек, в прошлом — глухой и неразвитой провинции (для сравнения: население Грузии — 5,3 миллиона человек, а по природным богатствам Финляндия сильно уступает Грузии — фактически, кроме лесов и озер на ее территории почти ничего нет), Советский Союз получает: прекрасную мебель, строительную арматуру и разнообразнейшие материалы (замки, дверные ручки и т. д.), холодильники, телевизоры, бумагу, лесоматериалы, одежду, спортивный инвентарь и спортивные костюмы, сборные домики и магазины, даже продукты питания (колбасу, конфеты и т. д.). Из заказанных Советским Союзом за рубежом кораблей и танкеров 70 процентов построены в Финляндии.

При этом Финляндия отправляет в Советский Союз всего лишь 18 процентов своего экспорта. Успехи наших соседей очевидны. Насколько же высок должен быть уровень культуры и организации производства в бедной естественными ресурсами Финляндии!

Однажды мне довелось услышать притчу о том, как к американскому миллионеру пришел молодой человек просить руку его дочери. Миллионер отказал: — ты целых пять минут потратил на то, чтобы получить мое благословение, — сказал он, объясняя причину отказа. — Ты не знаешь цену времени.

Сколько в этой истории шутки и сколько правды — трудно сказать. Но она еще раз подчеркивает сегодня, в пору научно-технической революции, невероятно возросла цена каждой минуты, секунды. И пожалуй нигде, как в нашей стране, не пропадает попусту столько драгоценного времени.

Просто проступна та беззаботность, с которой мы тратим время на бессмысленные совещания и мероприятия, — образцы формализма, проводимые лишь для того, чтобы быть упомянутыми в отчетном докладе.

Однажды мы, члены советской делегации, посетили в Новой Зеландии семью фермера. Когда сзнакомились с работой фермы, я выразил изумление — как это за стадом в 270 коров и 3.000 овец ухаживают всего пять человек.

Фермер учтиво ответил: я не был в Советском Союзе, но слышал, когда у вас нет рыбы, то созывают собрание, а в Японии — тотчас же выходят в море, чтобы ее ловить. Мне эта шутка показалась весьма примечательной.

В своем экономическом выражении каждая потерянная сегодня минута в десять — минимум в пять раз дороже минуты, потерянной десять лет назад. Как же высока цена минуты будет завтра, послезавтра и в конце нынешнего века!

А мы будто нарочно возводим множество новых барьеров, что

бы усложнить решение всех дел и дать возможность пышным цветом цвести бюрократизму. Мы привыкли к тому, что в государственных учреждениях дела решаются только после неоднократных справок и уговоров. Часто руководители организаций считают государственные учреждения собственной вотчиной. Они издеваются над просителями, заставляют много раз приходить, прежде чем удостоят приема, потом следует молчание, затем сначала отказ, потом раздумье и колебания, наконец — согласие...

У нас настолько изменилась психология, что если дело решилось с первого захода, то нам кажется, что дело было пустячным, и даже не удостоаваем благодарности болеющего за дело, прозорливого и оперативного руководителя. Парадоксально, но мы бываем преисполнены благодарности именно к тем руководителям определенных организаций, которые нас основательно помучают, прежде чем «облагодетельствуют» государством же выделенными ресурсами...

От этого прежде всего страдают дело, государство, общество, терпит ущерб экономика.

За чей же счет происходит эта пробуксовка? За чей счет вынуждают нас чувствовать себя вечно обязанными и бесконечно благодарными? Естественно — за счет государства. Этому высокомерию, чванству способствуют многие бюрократические схемы управления нашей экономикой.

Приходит на память выступление на XXV съезде Компартии Грузии Героя Советского Союза профессора Ираклия Цицишвили. Тогда он был председателем Госстроя республики. В частности, он сказал: под непрерывным артиллерийским огнем и воздушными налетами за сорок восемь часов мы смогли построить на Днестре такой мост, по которому прошли наши танки (именно за строительство этого моста ему и было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. — Г. П.); теперь же для строительства такого же моста нужны самое меньшее три года, из которых два года уйдет на сбор обязательных подписей и резолюций.

Помню, нас пригласили в Москву в Союз писателей СССР. Из Грузии было двадцать человек — секретари Союза писателей, редакторы, директора издательств. Со всего Советского Союза съехалось в Москву пятьсот-шестьсот писателей. После доклада, в котором было прокомментировано одно из выступлений Л. И. Брежнев, нам объявили: выходите, мол, по очереди в фойе для получения командировочных денег и обратных билетов. Мы не присутствовали даже на половине проводившегося мероприятия, которое влетело государству «в копейку» — на три дня покинули учреждения руководители, в среднем по 100 рублей государственных

средств каждому стоили проезд и командировочные расходы, три дня проживания в гостинице, транспорт... А ведь все это можно было заменить коротким деловым письмом!

Но сработала инерция проведения подобных пустых и помпезных сборищ. Оно никак не служило делу, но было необходимо руководству Союза писателей, чтобы представить «наверх» соответствующий отчет. И так на протяжении многих лет...

Такое выдающееся по своей практичности изобретение как телефон почти не срабатывает в нашей служебной деятельности. Может быть, я несколько преувеличиваю: когда звонят сверху вниз — дело приводится в движение, однако в обратном порядке.. снизу вверх — руководящим органам по телефону докладывать о болячках производства считается, мягко говоря, неэтичным. Нужно прийти, провести определенное время в приемной, лишь затем побеседовать о государственном деле, не терпящем отлагательства, в первую очередь непосредственно касающемся и составляющем заботу должностного лица.

В августе прошлого года программа «Время» показала интересный репортаж о роли телефона и его значении в жизни американцев. В отличие от наших руководителей, в кабинетах у которых на специальном столе стоят примерно по десять телефонов, в Америке на столе президента самой большой корпорации вы увидите лишь один-единственный аппарат, с помощью которого совершаются все крупные и серьезные сделки. Благодаря стилю и структуре работы полностью отсутствуют амбиции, чиновничество и множество других вещей, мешающих оперативно решать дела. Зачем, в самом деле, терять время на визиты, когда можно решить вопрос по телефону?!

А знаем ли мы, во сколько сотен миллионов рублей обходятся нашему государству амбиции руководителей?!

Вот еще пример для иллюстрации ущерба, причиненного государству амбициями руководителей: предположим, райком наметил кандидатуру для руководства каким-либо объектом двойного подчинения, и рекомендуемый товарищ предстал в министерстве без особых реверансов со стороны представивших кандидата. Министр тотчас же одолевает амбиция (может случиться и наоборот: министерство представит кандидатуру, тогда ударится в амбицию первый секретарь райкома). Борьба самолюбий иногда тянется месяцами, а дело страдает. Если же какая-либо из сторон все же проташит свою кандидатуру, то работать на этой должности не стоит — в лице второй стороны новый руководитель уже обретает неусыпного врага, который ежеминутно будет его атаковать.

На страницах «Известий» (№ 17, 1987 г.) была опубликована

статья Героя Социалистического Труда Ф. Веперева об амбициях руководителей и о том, как от людей требовалось поменьше размышлять и подтверждать лишь то, что исходит от лица, занимающего высокую должность. Народ остроумно сформулировал этот принцип: «Ты начальник — я дурак; я начальник — ты дурак».

Вспоминаю, лет двадцать-двадцать пять назад в сатирическом журнале «Нианги» без всяких комментариев была помещена итоговая таблица шахматного турнира в одном учреждении—сама таблица была ярким комментарием деловой обстановки. Первое место в таблице занимал начальник управления, который выиграл все встречи. На втором месте был главный инженер, проигравший одну партию управляющему и выигравший все остальные. На последующих — третьем, четвертом, пятом местах были заведующие отделами. Они потерпели поражение каждый в двух партиях — с управляющим и главным инженером. Все они согласились на ничью друг с другом, выиграв остальные партии и т. д. На последнем месте был сторож здания, проигравший все партии.

Согласитесь, шуточная таблица шахматного турнира, предложенная в «Нианги», прекрасно выражает иерархические взаимоотношения сотрудников наших организаций.

Кадровая политика зачастую осуществляется по принципу: вновь избранный первый секретарь какого-либо районного комитета стремится (и в основном успешно осуществляет свой замысел) создать соответствующий фон, то есть подобрать в качестве остальных секретарей и председателя райисполкома таких людей, среди которых его значительность и весомость будут приметными и неоспоримыми.

Каждая вредная тенденция имеет свой вирус, свои истоки. Бюрократизм прежде всего прорастает там, где нет интереса к общему делу, где думают лишь о собственном возвеличении. Или же тогда, когда смертельно боятся потерять должность и задыхаются под бумажным прессом, создавая прежде всего алиби по любому делу и при этом душат не только живую мысль, но и борются с людьми, в голове которых эта живая мысль рождается. Где же истоки этого дикого страха?

Ведь у нас директор небольшого производства, руководитель незначительного учреждения переживает потерю должности острее и болезненнее, чем президент Франции или премьер-министр Великобритании.

Сейчас мы много говорим о том, что надо объявить жестокую войну бумагомании. Постарайтесь меня разубедить, но, к сожалению, я пока не верю, мы сумеем легко преодолеть этот порок.

На наших предприятиях, в учреждениях, управлениях или мини-

стерствах бумага все еще сохраняет право документа. Ни телефонный разговор, ни словесное согласование во время личной встречи не заменяют документ, без которого вышестоящая организация не решит никакого вопроса, измучает, а в случае нужды — пойдет и на провокацию. Если вышестоящая организация направит хотя бы на одну бумагу больше, чем ты, то выиграть дело и в арбитраже не удастся.

Чтобы уничтожить бумагоманию, надо в систему управления внести кардинальные изменения — предоставить если не полную, то необходимую автономию организациям и их руководству.

Когда предприятие станет самостоятельным и полностью будет отвечать за все, причем не оформленными на бумаге всевозможными алиби, а делом, его конечным результатом, тогда и необходимость в бумагах (за исключением особых случаев) отпадет. Разве нуждаются в «переписке» руководители таких известных корпораций, как американская «Дженерал электрик» или японская «Тойота»? Они четко знают, что любой срыв в работе грозит банкротством и потому работают не щадя себя, с высоким профессионализмом, не отвлекаясь на пустую переписку и совещания ради «проведения мероприятия». На каждом заводе, в каждом цехе точно рассчитана стоимость продукции, выпускаемой за минуту. Здесь прекрасно знают цену каждой минуте.

Наше поколение прошло крайне сложные этапы жизни: война и сталинский период, страх и скованность, не позволявшие даже сыну с отцом быть откровенными. Человек был задавлен как личность, как индивид, благодаря односторонней и тенденциозной информации, ложным призывам, породившим и ложную веру, и безоглядный слепой энтузиазм, и оптимизм фанатиков, в сознании которых основательно искажена или полностью затемнена истинная суть явлений.

В «хрущевский» период люди только ощутили вкус свободы, из произошла такая тенденциозная, горькая переоценка ценностей, которая поставила под сомнение всю нашу прожитую жизнь. В дальнейшем же замешательство Хрущева, не нашего, как говорят шахматисты, правильного решения партии и вступившего на путь бесстыдной и наглой демагогии, породило в людях глубокое разочарование. И дело не в том, что, скажем, возросли цены на промышленные и продовольственные товары, что осложнилась жизнь в самых различных сферах. Главное — как стало возможным, что во главе такого супергосударства, каким является Советский Союз, стоял обладатель такого невысокого интеллекта и образованности, такого уровня мышления и духовного потенциала, как Хрущев.

Разве во всем Советском Союзе с тогдашним населением в 220 миллионов был хоть один человек, который с доверием отнесся бы к словам Хрущева, что в 1980 году мы вступим в коммунизм?

Справедливо сказал М. С. Горбачев на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года: «Определенные хождения получили легковесные представления о коммунизме, разного рода пророчества и абстрактные суждения. Это в свою очередь снижало историческое значение социализма, ослабляло воздействие социалистической идеологии».

Воздействие социалистической идеологии на людей было крайне ослаблено, и эта тенденция получила свое развитие во времена Брежнева.

Разве не насмешкой над всем обществом, над прошлым и настоящим всей Советской страны было награждение этого «доброего» и слезливого лидера таким обилем наших и иностранных орденов, торжественное вручение которых мы чуть ли не ежевечерне наблюдали на телевизионных экранах? Ведь только три «Золотых Звезды» за боевой героизм он получил через два десятилетия после окончания войны! Эти награждения были дискредитированием священной для советских людей победы в Великой Отечественной войне.

Так в каждом из нас была на корню уничтожена вера прежних лет (пусть даже фанатичная). Из сознания же молодежи не могло быть выгравлено то, чего никогда и не было.

Утрата убежденности, веры воскресила множество бытующих ныне пороков: коррупцию, взяточничество, проституцию, наркоманию и тысячу других бед.

Тенденции стяжательства глубоко пустили корни в психике наших людей, поразили молодое поколение, не подвергавшееся так называемым пагубным «пережиткам прошлого».

Быть может, стяжательство как порок не является социальным злом, а лежит в недрах природы человека? Бушует уже цепная реакция: взятка в вышестоящих органах, взятка в министерствах, взятка в административных органах, взятка, к нашему прискорбию, в школах и высших учебных заведениях. Спекуляция на каждом шагу, спекуляция на улицах и в государственных торговых учреждениях.

В своей замечательной статье «Милосердие» Даниил Гранин с болью рассказывает вроде бы ординарную историю: «У моего знакомого заболела мать. Ее должны были оперировать. Он слышал о том, что надо бы врачу «дать». Человек он стеснительный, но беспокойство о матери пересилило стеснительность, и он под видом того, что нужны будут какие-то лекарства, препараты, предложил врачу 25 рублей. На что врач развел руками и сказал: «Я

таких денег не беру». «А какие надо?» — «В десять раз больше». Мой знакомый — рядовой инженер, человек небогатый, но речь шла о здоровье матери, и он раздобыл деньги, принес их врачу стыдливо в конверте, а тот преспокойно вынул и пересчитал бумажки.

После операции мать умерла. Врач пояснил моему знакомому: «Я проверил, мать ваша умерла не в результате операции, у нее не выдержало сердце, поэтому деньги я оставляю себе...» («Литературная газета», 18 марта 1987 года).

Этот факт характерен не только для Ленинграда. В любом городе нашей страны, в любой больнице вы столкнетесь с подобными фактами.

К сожалению, стяжательство многолико. Иногда оно проявляется не в том, что человек берет деньги или дорогие подарки, но ведет отчаянную борьбу за славу или должность, за незаслуженную власть. Да еще недозволенными средствами, что лично мне представляется даже более недостойным, чем безудержная любовь к вещам и деньгам.

Сколько выявлено должностных лиц, сделавших карьеру позорными путями! Можно привести множество примеров того, как наши ученые или работники искусства, засучив рукава, борются за обретение званий или наград, того пьедестала и славы, которые не соответствуют ни их таланту, ни общественной деятельности.

Борются и... добиваются желаемой цели. В то же время истинно талантливые, но скромные и, я подчеркиваю, интеллигентные люди не пользуются теми преимуществами, которые должны по праву им принадлежать. А это влечет за собой утрату веры в справедливость, разочарование, недоверие к избранной части общества...

Не могу не сказать и о другой тенденции. В Советском Союзе — государстве, основой основ которого является гуманизм и благородство, где больше всего должны цениться порядочность, высоко нравственный поступок, увы, мы часто сталкиваемся с обратным. Никому не приходило в голову наградить рано овдовевшую мать, с трудом и в нужде вырастившую и поставившую на ноги троих детей, подарившую Родине, обществу достойных сынов.

У нас присваивают звание Героя Социалистического Труда физически могучему человеку, добывающему рекордное количество каменного угля. Конечно, хорошая работа, преданность делу, высокий профессионализм достойны поощрения, но высшая награда Родины, звезда Героя Социалистического Труда должна быть вручена человеку, являющемуся образцом высоких моральных качеств.

Чуть ли не нормой нашей жизни стало обрушивающееся на нас буквально с момента выхода из дому на улицу хамство: нас оскорбляют в газетном киоске, магазине, в транспорте, в учреждении.

ях, с нами везде разговаривают хмуро и угрюмо — снисходят до удовлетворения наших нужд, хотя государство платит за это зарботную плату.

К сожалению, часто и в солидных, культурных организациях тоже ни во что не ставят человека, легко могут унижить, задеть самолюбие.

Приходят на память таможенные досмотры при выезде за границу. Подозрительные взгляды, бесцеремонное копание в моей ручной клади и явное недовольство таможенника тем, что в ней нет ничего предосудительного. Он грубо швыряет раскрытую сумку, холодно роняя: «Следующий!». Затем восемнадцати-девятнадцатилетний юноша с несоответствующей его возрасту серьезностью и значительностью сверяет наклеенную в паспорте фотокарточку с моей внешностью, обдает меня холодом своего пронзительного взгляда, от которого я сразу чувствую себя виноватым. Несколько безобидных вопросов («Когда вы родились?», «Ваш адрес?» и т. д.), и наконец я получаю разрешение пройти по ту сторону барьера. Но настроение у меня испорчено, я подавлен, унижен. Моя трудовая биография, заслуги, рекомендации соответствующих организаций. моя личность — все растоптано, сведено к нулю.

Я понимаю, что не все такие, что они «при исполнении служебных обязанностей», но разве нельзя их исполнять в рамках учтивости, интеллигентности и соблюдения элементарных норм человеческих взаимоотношений?!

Тут уж невозможно сослаться на недостаток фондируемых материалов — улыбка и вежливость всегда должны быть при нас.

Я не представляю себе нормального человека, которого через неделю пребывания за рубежом не охватила бы ностальгия. Преисполненные радости и нетерпения возвращаются они на Родину, соскучившись по родным и друзьям.

Хорошо, если б у вернувшегося из поездки, истосковавшегося по родной стране человека, у которого еще на памяти доброжелательные улыбки и предупредительность обслуживающего персонала заграничных гостиниц, была возможность сказать: прекрасен Париж; но я предпочитаю мою Москву (Киев, Ленинград, Львов, Одессу, Находку, Хабаровск и т. д.)

Но непонятно чем раздраженные, хмурые представители Интуриста неохотно устаивают нас выполнением своих обязанностей: как правило, на разболтанных автобусах они везут нас куда-то на окраину в гостиницу самого низшего разряда.

Вольно или невольно, в сознании рождаются не столь уж желательные параллели.

Есть много экономических проблем, решение которых тре-

бует долгого времени и больших затрат. Но разве так уж трудно наладить нормальное обслуживание туриста, вернувшегося из-за границы?

Я как-то прочитал в «Правде» (4 ноября 1987 года) обширную статью Н. Ильиной «Поезд из Парижа». Автор рассказывает о советских гражданах, которые из-за забастовки железнодорожников не смогли выехать из Парижа. У них не была забронирована гостиница, они были без денег, ночь провели на вокзале, а от советского консульства по телефону вместо помощи они услышали лишь равнодушное: «А мы причём?», «Мы советов не даем», «У нас здесь гостиницы нет», «Денег мы вам одолжить не сможем».

И, как пишет Н. Ильина, только ночными бдениями на вокзале они защищали за рубежом достоинство советских людей.

Когда я прочел эту грустную статью, мне вспомнилось мое возвращение из поездки в Швецию в 1964 году. В маленькой делегации было несколько писателей — Ю. Трифонов, Л. Кассиль, Н. Лабковский... Мы вышли из Стокгольма на советском корабле «Надежда Крупская». У каждого из нас было по 30 рублей, которые по существующему порядку нам разрешалось иметь при себе за рубежом.

Среди пассажиров — французских и английских туристов, направлявшихся в Ленинград, — нас, советских граждан, было лишь 12 человек.

В ресторане официант, насмешливо улыбаясь, сказал нам: здесь советские деньги не проходят.

— На советском корабле? — изумились мы.

— Да, на советском корабле!

Ресторан был полон иностранцев. Веселье царило в баре и танцевальном салоне. Все веселились, танцевали, пили коктейли и пиво... А мы, онемев от оскорбления, сидели в углу салона и с завистью смотрели на счастливые танцующие пары.

О какой советской демократии могли мы с ними говорить, когда они видели, что на советском корабле имели хождение деньги всех стран, кроме советских.

Решать подобные вопросы должны умные, знающие дело интеллигенты, истинные патриоты!

Мы верим, что Советский Союз достойно подойдет к финишу века. Но перестройка должна произойти не только в промышленности и сельском хозяйстве. Двадцать первый век советский человек должен встретить духовно очищенным, высвободившимся из клещей нужды и ущемленного человеческого достоинства.

Кто, если не советский человек, должен быть подлинным гуманистом и истинным интернационалистом?!

И прежде всего, советское общество должно быть свободным от тех, кто злоупотребляет служебным положением, — от взяточников, бюрократов, расхитителей, нигилистов, бездельников, пьяниц, наркоманов...

Вот что сказал товарищ М. С. Горбачев на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года: «Возникшие в последние годы элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном настроении общества, как-то незаметно подтачивали высокие нравственные ценности, которые были всегда присущи нашему народу и которыми мы гордимся, — идейную убежденность, трудовой энтузиазм, советский патриотизм.

Неизбежное следствие этого — падение интереса к общественным делам, проявления бездуховности и скептицизма, снижение роли моральных стимулов труда. Возросла прослойка людей, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобретала все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства. Показателем падения социальных нравов стали рост пьянства, распространение наркомании, увеличение преступности.

Пагубное влияние на атмосферу в обществе оказывали факты пренебрежительного отношения к законам, очковтирательство и взяточничество, поощрение угодничества и славословия. Подлинная забота о людях, условиях их жизни и труда, социальном самочувствии нередко подменялась политическими заигрываниями — массовой раздачей наград, званий, премий. Складывалась обстановка всепрощения, снижались требовательность, дисциплина, ответственность».

Если мы хотим навести в своем доме настоящий порядок, то прежде всего — независимо от должности, положения, материальных условий — все должны быть равны перед законом. Когда же закон нарушает личность, призванная его охранять и свято чтить, то это приводит к утрате веры в справедливость, разрушению надежд и разочарованиям, особенно у молодых.

М. С. Горбачев выразил эту мысль следующими словами: «Нельзя умолчать и о справедливом возмущении трудящихся поведением тех облаченных доверием и полномочиями руководящих работников, призванных стоять на страже интересов государства и граждан, которые сами злоупотребляли властью, глушили критику, наживались, а некоторые из них даже стали соучастниками, а то и организаторами преступных действий».

* * *

Сегодняшний день требует откровенного и компетентного диалога. Для установления истины, для того, чтобы наметить действенный план на будущее, необходимы искренность и в то же время обнаженные причины, вызывающих то или иное явление.

И я хочу прямо поставить вопрос: насколько соответствует наша сегодняшняя заработная плата сегодняшним условиям жизни?

В Советском Союзе легковой автомобиль стоит очень дорого. Я имею в виду соотношение между ценой на автомобиль и заработной платой.

Если говорить откровенно, в нашей стране пока еще очень мало людей, которые могут на зарплату купить машину. Но ведь многие даже не ждут длительной очереди, покупают машину по спекулятивной цене. Если не удастся «приобрести» ее в своей республике, рыскают по другим республикам и платят двойную цену за автомобиль желаемой марки. Скажем прямо: кроме ничтожно малого процента, машины приобретают на деньги, добытые несправедливым путем. Зная реальные возможности людей, государство все же назначило на машину такую огромную цену. Не означает ли это, что государство смирилось с незаконными доходами? Не сложило ли оно щит и меч перед злом?

И вместо того, чтобы бороться с этим злом, не решили ли с помощью этих высоких цен выкачать деньги, нажитые незаконным путем?

Чем же в таком случае провинился порядочный, живущий на зарплату человек, для которого приобретение машины и других дорогостоящих вещей или совершенно необходимый ремонт во вновь полученной квартире так и останется несбыточной мечтой?

Я хочу поставить вопрос таким образом: не толкает ли низкая заработная плата к добыванию незаконных доходов?

Водитель учреждения имеет заработную плату 85—90 рублей.

Утром в общественном транспорте он добирается до гаража, который находится далеко от его дома. Он выводит автомобиль и направляется на службу. После работы он вновь возвращается в гараж и опять общественным транспортом возвращается домой.

В обыкновенных государственных учреждениях государственным машинам выделяется в день 3,5 литра бензина. Этого хватает лишь на то, чтобы из гаража доехать до работы и вернуться со службы в гараж. Интересно, за счет какого бензина должна двигаться машина в течение рабочего дня? Законным путем обеспечить машину бензином не может даже производственный отдел уч-

реждения, которое обслуживается машиной. В сегодняшних условиях невозможно отремонтировать государственную машину за счет государства: нет запасных частей, а если чудом их удастся достать «на руках», то ни один мастер не отремонтирует машину за ту сумму, что предусмотрена государственным тарифом.

Ко всему этому прибавьте и проблему низкой зарплаты водителя. 85—90 рублей это отнюдь не прожиточный минимум главы семьи с двумя детьми. Отсюда и возникают те нежелательные компромиссы, заставляющие закрывать глаза на то, что водитель использует государственную машину в качестве источника личных доходов. Но выступить против нарушения закона ты не можешь — водитель тотчас же покинет работу. Водитель же, понимая, что никто не поставит заслон его незаконным действиям и уже переступив психологический барьер, почувствовал вкус незаконно полученных денег.

Оставим в покое водителей. Молодой человек окончил юридический факультет и, предположим, устроился работать следователем. Его ежемесячная зарплата 130 рублей. Если у молодого следователя нет зажиточных родителей, то для него так и останутся мечтой все радости жизни, не говоря уже о приобретении легковой машины. И вот ему, молодому человеку, не для закрытия дела, а лишь для смягчения наказания предлагают сумму, намного превышающую государственную цену на легковую машину.

Устоит ли живущий на 130 рублей молодой отец семейства перед соблазном?!

Неурегулированная зарплата и проистекающее отсюда стремление к незаконным доходам непосредственно влияют и на качество как нашей промышленной, так и сельскохозяйственной продукции.

Я — металлург. Моя карьера в этой отрасли завершилась на Руставском заводе, где я так и не удостоился должности инженера. Тогда, в 1956 — 1957 годах, зарплата у металлургов была достаточно высокой. Сегодня на металлургическом заводе сколько угодно вакансий инженера, мастера, сталевара. Ежедневно людей возят на автобусе из сел, лишь бы не остановились печи. Возят на работу, заключают множество льготных договоров, за два-три года обещают легковую машину... А штаты все же не укомплектованы.

Вот если работающий у мартеновской печи Герой Социалистического Труда будет иметь хотя бы половину дохода заведующего столовой того же мартеновского цеха, возможно, решится проблема кадров Руставского металлургического завода.

По моему убеждению, нужно очень серьезно задуматься о дифференцированной зарплате: на одной и той же должности зар-

плата может быть если не четырех, то хотя бы трехступенчатой, чтобы руководство какого-либо предприятия или учреждения могло бы отличить друг от друга хорошего, среднего или плохого работника. Когда хороший, средний, плохой и очень плохой работники получают одинаковую зарплату, — ни о культуре производства, ни о качестве продукции нечего и говорить. Тарифы непременно должны быть пересмотрены.

Представьте первоклассного мастера, который выкладывает стену кафелем на государственной стройке за 10 копеек квадратный метр, а за частно выполненную такую же работу он получает 25—30—35 рублей. Можно ли сравнить работу, выполняемую одним и тем же мастером за 10 копеек и за 30 рублей?

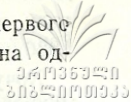
Государственная цена на пошив мужского костюма 32—35 рублей. Хорошие мастера берут за пошив костюма 130—150 рублей. Мы все прекрасно знаем, какова разница между костюмами, пошитыми по государственному тарифу и частным образом.

Не лучше ли прибавить хорошему мастеру зарплату, а стоимость пошива костюма сделать реальной?

Возможно, кто-то возмутится: от глобальных проблем к таким мелочам! Где финиш века и где зарплата водителя и портного! Ответить могу следующим образом: наше государство, где сейчас происходят революционные преобразования, должно преодолеть большое отставание в промышленности, сельском хозяйстве, науке, в сфере культуры и образования. Большое создается из мелочей. Поэтому очень тщательно, на научной основе надо проанализировать и искоренить те негативные «мелочи», из которых впоследствии складываются крупномасштабные, головоломные беды. Нельзя забывать, что на всех участках, во всех звеньях трудятся люди, и начинать в первую очередь надо с преобразования человеческой психологии.

А чтобы человек перестроился, у него должны быть нормальная квартира, нормальная зарплата, нормальная культурная среда.

Человек должен верить, что справедливость восторжествует, что к его участи небезразличны ни наверху, ни внизу, ни в милиции и прокуратуре, ни в министерствах и ведомствах. Он должен верить, что его дети не будут притеснены ни в школе, ни в вузе, что его национальной культуре, его языку не угрожает опасность вырождения, что путь, по которому будет идти его страна, будет подлинно гуманистическим и интернационалистическим!

Как же мы, грузины, готовимся к встрече двадцать первого века? Как будем выглядеть на финише? Не окажемся ли на одном из последних мест в Советском Союзе?

Сомнение не есть пессимизм. Кстати, оптимизм отнюдь не всегда гарантирует успех!

Все задачи, которые предстоит решать нашему государству, стоят и перед нашей республикой, плюс проблемы малочисленных наций, отмеченных определенной спецификой.

Мне думается, что среди проблем, непосредственно относящихся к Грузии и грузинскому народу, следует выделить три наиглавнейших: 1. Размножение. 2. Родной язык. 3. Образование.

Несколько лет назад в статье «Бессмертие Грузии» я высказал свое отношение к демографической проблеме и сейчас хочу подойти к ней с другой стороны.

Я уже отмечал, что сегодняшней темп жизни требует от индустрии и сельского хозяйства необычайно высокого уровня развития. Наввно полагать, что это стремительное течение обойдет нас стороной, что кто-то где-то обеспечит нас электроэнергией, проложит дороги, изготовит автомобили, самолеты и тысячи других видов промышленной продукции, а Грузия останется особым оазисом вне этой всеобщей индустриализации.

Пора рассеять иллюзии и реально посмотреть на действительность. Пора все подсчитать и проанализировать, выработать те направления развития, остановиться на отраслях, которым соответствовала бы численность населения нашей республики.

А проблема прироста населения в Грузии стоит очень остро, особенно среди грузин.

По данным переписи населения 1979 года в Грузии больше других размножаются азербайджанцы — 27,9 промилле, показатель же размножения грузин — 17,5 промилле.

Среди азербайджанцев велик показатель рождаемости и низок показатель смертности. Потому и их естественный прирост (22,2 промилле) в два с половиной раза превышает прирост грузин и абхазов и в девять раз — русских в нашей республике.

Это данные 1979 года. В настоящее время положение намного хуже.

Сократился удельный вес молодежи в общей численности населения Грузии, что вызвало «старение» общества. В 1959 году 56,7 процента общества составляла молодежь, а в 1979 году ее доля была 51,2 процента. Сегодня этот показатель намного ниже.

Проблема размножения непосредственно связана и со значительным ростом разводов, которые отнюдь не случайны. Это тен-

денция, в значительной степени ослабляющая нацию. Если в 1950 году в республике зарегистрировано только 427 разводов, то в 1986 — уже 6.667 (!).

Хочу привести и еще один заставляющий задуматься факт. В 1926 году в Закавказье грузин было больше, чем армян или азербайджанцев. Теперь картина резко изменилась. По данным переписи 1979 года в Закавказье количество азербайджанцев составляет 5 миллионов 477 тысяч, армян — 4 миллиона 151 тысяча, а грузин — 3 миллиона 571 тысяча.

Следовательно направления будущей индустриализации должны определяться в соответствии с кадровыми резервами нации, а не только технико-экономическими данными. Ведь японцы сумели рассчитать и определить отрасли, которым должно принадлежать преимущественное развитие в будущем, хотя Япония не испытывает свойственного нам дефицита рабочих рук.

Курортная индустрия, развитие которой кажется для Грузии особенно перспективной, разрушительно влияет на малые нации (эти вопросы я затронул в статье «Бессмертие Грузии» и здесь не хочу останавливаться на них подробно).

Отрадно, что в последнее время в Грузии наметилась тенденция ранних браков — молодые люди создают семью, не достигши двадцатитрехлетнего возраста. Но среди них редко кто решается родить и воспитать троих детей.

Видимо, еще очень многое нужно сделать, чтобы любовь к отечеству подтверждалась не на трибунах футбольных стадионов или в беспредметных спорах о патриотизме, а созданием прочной многодетной семьи.

Партия и государство многое делают для содействия молодым семьям. Руководители учреждений обязаны проявлять особую чуткость по отношению к молодым семьям, матерям, сполна осознав, что помощь молодым матерям — это общенациональное и святое дело.

Хотя считаю нужным сказать и то, что не помогут никакое улучшение экономических и жилищных условий (ведь в Грузии самые малодетные — это зажиточные семьи), никакие льготы, если сами молодые не займутся анализом проблем будущего, если сами сполна не осознают угрожающую опасность.

Завтрашний день Грузии принадлежит молодым. По своей природе я оптимист и верю, что молодежь сознательно и разумно поведет свою нацию к благоденствию и светлому будущему!

Грузинский язык — предмет нашей всеобщей и повседневной заботы. Партия и государство делают все для возрождения нацио-

нальных культур. А национальную культуру, развитие нации невозможно представить вне развития родного языка.

К сожалению, мы сами, грузины, часто не проявляем должной заботы о родном языке.

Мы живем в сложную эпоху, модный, уже даже раздражающий штамп «поток информации» очень точно выражает факт обрушивающейся на нас со всех сторон информации.

Со страниц газет, журналов, книг, в огромном множестве выходящих в республике, в передачах телевидения и радиовещания беспощадно уродуется грузинский язык. Срочность, которая требуется от переводчиков информации, поступающей из самых различных уголков планеты, вынуждает их часто обращаться к кальке. Поначалу мы вроде бы ощущаем некоторый внутренний дискомфорт от употребления таких абсолютно чуждых грузинскому языку выражений. Но они быстро укореняются в обиходе. К сожалению, нередки случаи, когда неправильно понятое выражение искажает смысл. Часто и в прогнозе погоды и в спортивной передаче на грузинском языке прибегают к точной кальке с русского, которая на грузинском не то что не звучит, а вообще не может быть употреблена, как и, допустим, фраза, произнесенная с театральной сцены в переводе с другого языка: «Я не узнаю тобой, отец?» — вместо обычного: «Отец, ты не узнал меня?».

Стыдно, когда в надписях на витринах магазинов ошибки, но они безобиднее, чем ошибки в книгах, газетах, журналах, в передачах радио и телевидения. Читатель и слушатель воспринимает их как языковые нормы.

Не меньшее зло — выговаривание грузинских слов на иностранный манер. Этот порок проник и в наш театр как следствие проведения репетиций грузинских спектаклей... на русском языке! А ведь речь грузинских артистов должна быть образцовой. Мне думается, имело бы смысл создать комиссию из лингвистов и редакторов, которая хотя бы раз в квартал, в крайнем случае, раза два в год на семинаре журналистов анализировала бы все типичные ошибки, проникающие на страницы газет и журналов, звучащие с телеэкранов и по радио. И не только анализировала, но и широко популяризировала свои выводы в прессе.

Неуважение к родному языку, более того, пренебрежение к нему проявляется и тогда, когда какое-либо министерство или управление составляет документ в адрес Союза писателей, министерства культуры, издательства и других подобных организаций на русском языке. Я считаю, что к этим фактам нельзя относиться как к мелочам — именно они и наносят оромный вред родному языку.

Многие ученые пишут свои труды на русском языке, объясняя

это тем, что в грузинском нет соответствующей терминологии. Этим ученым мне хочется напомнить, что при Совете Министров Грузинской ССР есть комиссия по установлению норм грузинского языка, по урегулированию терминологии. Сколько грузинских ученых представило этим комиссиям свои предложения? Кто, если не ученые, должны заботиться о создании грузинской научной терминологии и ее обогащении?

Не менее опасный недуг для грузинского народа — обучение в русских школах. Я был изумлен, когда узнал, что в маленьком Кобулеті есть две русские школы, основной контингент которых составляют грузинские дети.

В нашей стране сегодня нельзя представить себе человека, который в той или иной мере не знал бы русский язык, тем более среди молодежи. Юноши и девушки сегодня должны владеть не только русским, но и каким-нибудь иностранным языком. Обучение молодого поколения русскому языку — государственное дело. Руководство республики принимает все меры к тому, чтобы наша молодежь овладела русским языком. Но я считаю ошибкой определение грузинских детей в русские школы. Бесспорно — язык средство взаимного общения, но родной язык нечто большее, это выражение природы нации, ее генетический код, обеспечивающий наличие в сердце, душе и разуме ребенка национальных черт, национального характера. Ведь мы не ставим перед собой задачу вырастить из нашего молодого поколения добросовестных функционеров, чиновников — мы хотим видеть в них прежде всего творцов, заряженных национальными чувствами.

Вот почему мы должны резко поднять уровень преподавания русского языка в грузинской школе. Родители должны быть уверены, что в грузинской школе их дети глубоко и основательно овладеют русским языком, но не за счет родного языка. К. Ушинский считает, что, обучаясь родному языку, ребенок осваивает не только внешние признаки и звуки, он в то же время вбирает в себя духовную жизнь и силу из родного языка. Родной язык раскрывает и объясняет ребенку природу так, как это не в состоянии сделать ни один природовед; он раскрывает ребенку характеры людей, которые его окружают; общество, в котором он вращается, его историю, устремления так, как это не сумеет сделать ни один историк. Он вводит ребенка в храм народной веры и поэзии так, как это не в состоянии сделать ни один специалист по эстетике. И наконец, родной язык способствует развитию такой логики мышления, что не под силу ни одному философу. Нельзя не поклониться низко этой прекрасной, несущей в себе высокую истину мысли великого русского педагога.

В то время когда партия и государство твердо придерживаются правильного курса ленинской национальной политики, когда Центральный Комитет Компартии Грузии и правительство республики проявляют такую большую заботу о грузинском языке, мы в силу нашей беззаботности, халатности, небрежности и равнодушия лишаем родной язык чего-то очень важного, не задумываясь над тем, что грядущие поколения нам этого не простят.

Выше я говорил о необходимости психологически готовить к жизни в двадцать первом веке тех мальчиков и девочек, которые сегодня ходят в детский сад, в школу, юношей и девушек, перешагнувших порог вузов. Психологическая подготовка включает в себя и соответствующее образование. Состояние уровня системы просвещения сегодня заставляет серьезно задуматься как в масштабе всего Союза, так и у нас в республике. Этим проблемам я посвятил большую статью «Время не теряет времени» («Литературные Сакартвело», 28 августа 1987 года и «Литературная Грузия», № 10, 1987 год). Поэтому снова возвращаться к этому вопросу нет необходимости.

Хочу выделить лишь один аспект. Я уже говорил об одном парадоксе, наблюдаемом в развитых капиталистических странах: прекрасные специалисты то и дело обнаруживают свою... невежественность.

И это, увы, естественно: фирме, компании нужны лишь хорошие, преданные делу, реализующие их цели специалисты. С одной стороны, все возможности и средства направлены на высокий уровень профессиональной подготовки, с другой — полное отсутствие заинтересованности в гармонично развитой личности.

Запуск первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 году, и особенно космическая одиссея Юрия Гагарина в 1961 году вызвали в Соединенных Штатах Америки настоящий шок. Как случилось, что страна, промышленный потенциал которой в то время был вдвое ниже американского, вырвалась вперед в освоении космоса? Специально созданная комиссия президента, изучавшая этот вопрос, ответила однозначно: Советский Союз превзошел Америку по уровню образования населения.

На Западе начался настоящий «образовательный» бум. Начали складываться новые формы, такие, например, как известный в мире лондонский открытый университет. Резко возросли расходы на образование, буквально на глазах улучшалась его материальная база.

Об этом рассказывает А. Владиславлев в своей статье в «Литературной газете» от 2 декабря 1987 года.

Он пишет, что крупные заграничные фирмы создали собствен-

ные системы по подготовке и переподготовке кадров. Существуют специальные учебные заведения, штатные коллективы преподавателей. 75 — 85 процентов руководителей, специалистов и рабочих в современных отраслях ежегодно повышают квалификацию. На эти цели фирмы направляют в среднем 15 процентов своих доходов. В области образования взрослых процветает частный бизнес, выполняющий заказы предприятий и учреждений. Частные фирмы планируют и направляют учебный процесс. Многие колледжи и университеты создают факультеты и отделения для взрослых, многие же из них полностью перешли на формы дополнительного образования. В образование для взрослых активно включились многочисленные общественные учебные заведения, которые объединены в различные ассоциации и союзы. Сроки обучения здесь от трех дней до двух-трех лет. Формы обучения различны: стационарная, вечерняя и заочная.

Сейчас не только в нашей республике, но в масштабах всей страны назрела острейшая необходимость осуществления радикальных мер в системе образования.

* * *

Достойно войти в следующее столетие очень непросто. Предстоит преодолеть отставание в промышленности, сельском хозяйстве, науке, образовании, сфере культуры, исправить множество ошибок, перевоспитать человека, преобразовать общество.

Сколько нужно решить глобальных проблем, требующих серьезного анализа и принципиальных решений, дипломатических усилий, опирающихся на гуманизм и интернационализм, на философское осмысление явлений, чтобы найти общий язык в пестром мире, в котором переплетены различные политические взгляды и идеи, социальные модели, религиозные факторы, где наличествуют разные уровни просвещенности, цивилизации и культуры, чтобы верным курсом направить прогресс общества и — спасти планету от катастрофы.

Сегодня как никогда страны и континенты тесно связаны друг с другом. Кризис в каком-нибудь дальнем регионе неизбежно и жестко сказывается на экономике, в сфере производства многих стран. Для примера достаточно привести хотя бы кризис в Персидском заливе.

Сегодняшние масштабы катастроф не знают границ. Ошибка, допущенная в одной стране, чревата большой бедой если не для всей планеты или целого континента, то для нескольких государств во всяком случае. Тем более должны быть исключены серьезные конфликты между странами.

Ни промышленность, ни сельское хозяйство уже не могут развиваться стихийно, без учета внешних факторов, как было до сих пор.

Через двенадцать лет завершится не только столетие, но и целый этап революции в промышленности. Здесь я хочу обратиться к компетентному мнению академика В. Легасова: «Мы присутствуем при завершении предшествующего этапа промышленной революции, длившейся несколько столетий. Историческая миссия этого этапа, начавшегося с изобретения паровой машины, состояла в разработке великолепных образцов техники во всех сферах деятельности людей. Конец XIX-го и наш, XX век особенно были насыщены прямо-таки манией борьбы за рекорды: дальше, выше, быстрее, прочнее. И люди преуспевали в этом. Так или иначе промышленная революция обогатила человечество такими удивительными достижениями, что дух захватывает, и возникает естественное желание обладать всем тем, что создали воображение и мастерство творцов.

Но вот попытка удовлетворить это желание, насытить рынок товарами, изготавливаемыми в массовом порядке по исходным технологическим приемам, породила серию потрясших наше сообщество кризисов.

Первоначально эти кризисы дифференцировались: продовольственный — нехватка белков для растущего населения, энергетический, трактованный как уменьшение запасов легко добываемого топлива, экономический, объясняемый неоправданной экономией средств на сооружение очистных сооружений.

Но прошли годы, годы работы мирового сообщества ученых, и все яснее становилось, что Земля может прокормить и 10 — 12 миллиардов человек, что нет принципиального дефицита энергисточников. Ясным становится также и то, что и повсеместно сооруженные очистные сооружения не спасут Землю от экологических потрясений, вызванных аварийными ситуациями, угроза которых как дамклов меч нависает над развивающейся промышленностью.

Столетиями складывавшийся подход диктовал, как правило, создание мощных монопредприятий: горнодобывающих, металлургических, химических. Отсюда нацеленность и творческих усилий, и механизмов на извлечение компонента, все остальное — отходы, хранимые, уничтожаемые, сбрасываемые, скрываемые.

Проделанный анализ приводит к выводу, что основные проблемы, вызывающие сегодня всеобщую тревогу, создает исторически сложившийся, традиционный подход к производству. Тревога эта означает наступление технологического кризиса и то, что се-

годня происходит в лабораториях мира, на представительных форумах и в сфере политики, должно привести к новому этапу научно-технической революции, который чаще всего называют технологическим. На этом этапе на первый план чаще всего выдвигаются не просто задачи создания новой или тиражирования старой техники, не вопросы «что и сколько», а вопросы как, зачем, с каким материальным и социальным риском.

Наша Коммунистическая партия ввела в обиход и сделала всемирно популярными такие понятия, как «перестройка», «новое мышление», «гласность» не только и не столько из-за специфических негативных явлений в последние десятилетия развития нашей экономики, но и в силу того, что именно коммунистическое мировоззрение, диалектический материализм, как его философская основа, позволили раньше и острее, чем кому-либо, осознать критичность инерционного движения человеческого общества», «Правда», 5 октября 1987 года.

Сегодня мы являемся свидетелями того, как в масштабе всего мира растет авторитет нашей страны, ее мирной политики.

Подтверждение этому те исторические дни, когда в Вашингтоне и Москве М. С. Горбачев и Р. Рейган подписали Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности и протокол об обмене этими грамотами. Мы верим, что партия и правительство вновь сделают все для того, чтобы человечество мирно вступило в двадцать первый век. Мир же, как я выше отмечал, подразумевает не только отсутствие войны — судьба планеты во многом зависит от разумных, взвешенных действий человека, от его осмысленной, тщательно продуманной деятельности.

Важнейшей приметой двадцать первого века лично мне представляется то, что у человечества не будет права на ошибку!

Р. С. Этот материал был написан в феврале нынешнего года.

На состоявшейся в июне 1988 года Всесоюзной партконференции были подняты и вынесены на обсуждение многие из тех вопросов, которые я поставил в своем очерке. Будь он написан сегодня, он прозвучал бы иначе.

Предлагая русскому читателю первоначальный вариант очерка, я хочу лишь отметить, что намеченные XIX партконференцией пути развития нашего государства во всех сферах жизни создают предпосылки для коренного и всестороннего изменения нашего общества.

Перевод Р. Златкина

Гарри КУНЦЕВ

„ТАМ, ГДЕ ВЕЧНЫЙ ДУХ ИДАЛЬГО...“

(Из путевого дневника кинематографиста)

Ла Манча!... Красная земля твоя и поразительные закаты твои все чаще и чаще сняты мне. И чем больше дней уходит с момента последней съемки в оливковой роще, когда наш Росинант, поняв, что ему не суждено возвратиться с нами на родину из-за долгого карантина, замер, сиротливо опустив свою большую голову, и.. плакал, а мы обнимали его,

~~~~~
Завершились съемки девятисерийного художественного фильма «Дон Кихот» совместного производства киностудии «Грузия-фильм», Центрального телевидения СССР и Испанского телевидения.

По объему это самая большая кинокартина из снятых у нас на студии за все время ее существования. Интерес к этой работе у будущих зрителей огромный.

Съемочная группа «Дон Кихота» почти два месяца находилась на родине Сервантеса. Звукооператор фильма Гарри Кунцев, до этого в том же качестве работавший над «Берегами» («Дата Туташ-хиа»), «Браком по-имеретински», «Твой сын, земля..», «Братом», «А ну-ка, девушки!», по сценарию которого снята художественная лента «Наш черед, ребята!», с первого дня съемок вел в Испании дневник, который мы и предлагаем вниманию наших читателей.

что-то виновато шепча в подрагивающие уши, тем ярче краски моих снов, в которых закаты твои, Ла Манча, соперничают с фантазией и буйством сюжетов полотен Гойи...

Сколько раз, прислонившись к просторному стеклянному боку плывущего среди красного поля автобуса, я смотрел на беспокойное небо, которое видело живым Сервантеса!

Оторваться было трудно. Облака ни на миг не застывали. Расползались, схлестывались насмерть, словно тореадор и бык снова разъярясь, разбегались, азартно вздыбившись, точно волны у бетонного волнореза Сан-Себастьяна, которые с головой укрывали наших актеров: Кахи Кавсадзе и Мамуку Кикалеишвили, когда Мамука-Санчо в восторге перед стихией кричал Дон Кихоту-Кавсадзе: „Что это, сеньор?!» и грохот бурлящей воды заглушал ответ, а мы, восторженные, стояли возле съемочной камеры, мокрые с головы до ног, в окружении сансебастьянских мальчишек и тоже думали: «Что же это? Что породило что? Волны взмыли в небо и стали облаками, или облака упали на землю, стали волнами, и мчат на нас, испытывая?!» Трудно разделить стихии... Краски едины, сила едина, все едино — и волна, и облако, и слеза Росинанта. И уже не пойму, что во сне моем, а что было со мною там, наяву...

...Валдепенья. Первый испанский городок, принявший нас.

Прямо с самолета, промчав по горящему рекламой ночному Мадриду, нас повезли в сердце Ла Манчи, и в трех километрах от Валдепеньи, в мотеле «Идальго», мы прожили десять чудесных, напоенных нежным теплом бабьего лета, дней. Во все стороны от мотеля до далекого горизонта разбегались ряды виноградной лозы, тяжелой от огромных золотых гроздьев, и аромат этой лозы пьянил, порождая в душе одновременно и радостное томление от мысли, что главные встречи с Испанией еще впереди, и тоску по дому, которая ни на миг не отпускала нас.

Мотель и городок связывает ровная, без единой трещинки, трасса, вдоль которой по обеим сторонам через каждые пять метров установлены огромные винные чаны—чури. Ла Манча — область виноделия, и люди такой вот своеобразной аллеей из глиняных чанов отдают дань уважения делу, которое их кормит.

В Испании много подобных знаков уважения не только к личностям, не только к уважаемым предкам, но и к делу, которое принесло славу и силу роду, семье. Мы видели на постаменте, в огромной оливковой роще, любовно сохранныую, за-

латанную, но неизменно окрашенную свежей краской простую деревенскую повозку, в которую запрягал когда-то своего во- синанта основатель того рода, который владеет теперь этой бо- гатой, прекрасно ухоженной и щедрой на урожай рощи. Здесь умеют помнить. Почти в каждом селе — памятник Дон Ки- хоту и Санчо. Трактир «Карраско». Дом Дульсиinei в Тобос- со. Дом Санчо. В другом месте еще один дом Санчо. Церковь и купель, в которой крестили маленького Сервантеса. Потом нам показывают другую церковь. В ней тоже купель, и над нею мраморная доска, которая извещает мир, что именно в ней крестили Сервантеса. И никто не спрашивает, сколько же было Сервантесов и сколько раз его крестили. Да и не нужен такой вопрос. Каждый испанец верит, что Сервантес — имен- но их земляк, их слава. И, наверное, они правы. Ведь самое главное — испанцы, даже самые маленькие, только-только на- чинающие ходить и мыслить, чувствуют это почтение к вели- кому земляку, видят и впитывают в себя уважение к его тво- рению. Когда Кахи Кавсадзе в гриме, надев латы рыцаря Печального образа, выходил на съемочную площадку, дети во- сторженно кричали: «Дон Кихот! Дон Кихот!» и подбегали к нему, чтоб прикоснуться к «ожившему» идальго. И хотя Ру- ставели не менее гениален и поэма его не менее достойна па- мяти народной, чем роман Сервантеса, нигде нет в Грузии хо- тя бы одного памятника героям «Витязя в тигровой шкуре», по которому наши дети могли бы удостовериться в нашей люб- ви и уважении к бессмертному творению великого сына земли грузинской?! Как же узнать Тариэла или Автандила, если ник- то не встречал их на наших дорогах ни в камне, ни в бронзе?

...В Испании все маленькие города похожи друг на друга Узенькие улочки, старинные дома, спокойные, с достоинством прогуливающиеся люди, веселая, улыбчивая молодежь. Везде чисто, аккуратно, но все время не покидает ощущение, что че- го-то не хватает. Или, наоборот — чего-то слишком много.

Сперва подумалось, что это из-за того, что мало деревьев. Вернее их совсем нет. Камень, камень... Каменные стены, ка- менные площади. И ни единого деревца. Разве что в парке кое-что. А так, чтоб на улице, возле дома, для тени, для души, такого нет. Потом, пообвыкнув, я понял — не хватает распах- нутости. За два месяца мы не увидели ни одного распахнутого окна!

Все окна зарешечены, все окна — за темными жалюзи. Испанцы объяснили нам, что окна закрыты потому, что летом

очень жарко, а зимой холодно. Весной же и осенью уже по привычке. Говорят, что грузины и испанцы во многом схожи. Возможно. Но только не в этом. В Грузии никакие жалюзи не мешают открытости ни в жару, ни в мороз.

...Алькала. Город из камня, город без деревьев, в жалюзи. Но возле одного дома я стоял долго. И хорошо видел все, что делается внутри.

Внутри шел ремонт. И видимо, поэтому не было на окнах жалюзи. Но мне хочется думать и другое: что их там не было никогда. Нет, на окнах-глазах этого дома их попросту не могло быть! Чтоб покрывала не мешали, чтоб не только с улицы все было видно, но и тому, кто сидел у этих окон, была видна улица. Потому что сидел у этих окон и смотрел на улицу-мир Сервантес. Это его дом и его улица, по которой он ушел в бессмертие. Нет, не было у него жалюзи. Иначе как же мы встретились через четыреста лет?!

...Рядом — мэрия. И архив. Резо Чхеидзе, объявив группе выходной, приехал в этот город вместе с художниками фильма, чтобы просмотреть здесь иллюстрации разных лет и разных художников к роману «Дон Кихот». Я же напросился просто так, чтоб постоять у дома Сервантеса.

В архиве иллюстраций много. Все — оригиналы, все тщательно упрятаны в большие папки.

Мы сгрудились вокруг Резо Чхеидзе. Он осторожно достает из папки лист, подолгу рассматривает. Тихонько, чтоб не мешать работающим в архиве девушкам, комментирует рисунки. Они разные. И цветные, и однотонные, тщательно прорисованные и эскизно намеченные. И у разных художников — разные Дон Кихоты и Дульсины.

Один рисунок Резо Чхеидзе рассматривает особенно внимательно. Дон Кихот на этой иллюстрации действительно заметно отличается от привычного образа. Большая, лопатой, борода. Усы уже не торчат воинственно и нет хохолка над высоким лбом. И главное — глаза горят не рыцарским огоньком, а пережженным светом затаенной мудрости. Такие глаза бывают у людей, прикоснувшихся к тайне высшей истины.

— Смотрите! — подвигает художникам рисунок режиссер. — Это надо использовать. В одном из эпизодов Кахи должен быть таким.

Резо Чхеидзе всматривается в глаза необычного Дон Кихота:

— А он на кого-то похож.

— На Достоевского, — вырывается у меня.

— Точно! — согласно кивает Чхеидзе.

Сходство действительно поразительное. Маловероятно, чтоб испанский художник видел русского писателя, но этот портрет рыцаря Печального образа со спокойной совестью можно было бы использовать в книгах Достоевского как портрет автора. Впрочем... И идалго, и Достоевский — тоже стихии. Они проносятся над нами с единой силой, силой сострадания к человечеству. Трудно их разделить, этих мудрых сострадальцев. Потому так схожи они, хотя и жили на разных концах земли. Все едино — и человечество, и сострадание к нему...

На следующий день, в Альмагро, в городе, где прекрасно сохранился один из самых старых театров планеты, театр Комедии (он старше шекспировского «Глобуса»), снимался очередной эпизод. На сцене, из ямы, появлялся Дон Кихот и начинал уговаривать Санчо отнести его любовное послание Дульсинее. Кахи Кавсадзе в этом эпизоде уже был с бородой Достоевского.

...Сцена театра Комедии в Альмагро небольшая, но хорошо просматривается с любой точки. И с любой точки все на ней видно крупным планом. Над партером, заставленным белыми плетеными стульями, балконы в два этажа. Крыши нет. Вместо нее — живое небо, покрывающее театр то безмятежно-голубым покрывалом, то мрачно-серым, смотря по погоде. Лишь сцена под навесом.

И хранит ее не только навес, но и древняя икона богоматери, которая со дня основания театра и по сей день висит за стеной, у проема, в который актеры проходят на сцену. Прежде, чем появиться перед зрителем, они обязательно останавливались у иконы, осеняли себя крестом под взглядом пронзительных глаз богоматери. Клялись в чистоте душевной и в верности своему искусству. И только после этого ритуала приступали к священнодействию, оставляя за проемом все мелочное и недостойное святого имени — Актера.

Резо Чхеидзе не упускает этот штрих. В фильме вы увидите, как стоят перед иконой Дон Кихот и Санчо Панса, прежде чем пройти на сцену.

Много раз наши герои ведут свои беседы на сцене. До Альмагро отсняты большие эпизоды в «театре фольклора» в Тбилиси, в Метехском театре, в театре Грибоедова, на специально построенных аренах в Старом городе, возле Сиони. Ре-

шены они в условном ключе. Этого требовал глобальный замысел картины: максимально приблизить Дон Кихота к нам, предельно сжать четырехсотлетний отрезок времени в единый миг, миг сопереживания и понимания нами тех чувств, которые владели Дон Кихотом и его оруженосцем, когда они замирали перед святым ликом прежде, чем появиться среди нас.

...На другой день Альмагро предстал перед нами торжественным и нарядно-официальным. Отмечался праздник в честь какого-то давнего воинственного похода испанских конкистадоров. И жители этого городка, как и положено истым патриотам, закрыли все свои магазины, бары и другие учреждения, расположенные по дзум сторонам четырехугольной площади возле театра, и чинно прогуливались весь день со своими домочадцами, с любопытством разглядывая наши машины, в которых видны были красочные костюмы, экзотическая утварь и оружие времен как раз того воинственного похода.

Третья сторона площади — старинная мэрия. На ее желто-кирпичном фасаде, величественно обращенном к городу, огромный флаг, огромный герб и огромные часы. Каждые шестьдесят минут эти часы мелодичным перезвоном напоминали всем, что время не ждет, торопится, и мне захотелось записать этот перезвон для фильма. Представилось: Дон Кихот и Санчо стоят перед иконой, а в это время откуда-то издалека слышно напоминание часов о том, что надо торопиться делать святые дела...

Идея понравилась, и я поспешил к мэрии.

До нее от театра метров сто. И по дороге «слушаю» площадь. Среди монотонного гула, как искорки, голоса детей. Они пробивают любую монотонность. Замедляю шаг, записываю чей-то смех. Где-то бухает барабан. Прошелестели на велосипедах мальчишки. Опять смех. Звонкий, от души. Проскрипели двери фургона. Они сразу внесли какой-то диссонанс в беззаботное дыхание праздника.

Обожаю такие вот звуки. Которые неприметно что-то меняют. Радуюсь, если успеваю их прихватить в свою «копилку». Не потому, что по профессии обязан их собирать. Я их чувствую на ощупь. Как живую глину, из которой можно лепить что-то совершенно новое, не замеченное до тебя никем... Я «вижу» звуки. У каждого звука свой цвет. Даже когда разговариваю с незнакомым человеком, звук его голоса помогает мне быстренько понять, какого цвета его душа. Потому и не могу делать фильмы просто так, лишь бы было что-то слышно.

Не понимаю некоторых моих коллег, которые хватаются за любой материал. Если материал мне не интересен как звуко-оператору, если режиссер заранее «успокаивает» меня тем, что работа в его фильме не сложная, что я «быстренько все сделаю», я от такого фильма отказываюсь, несмотря ни на чьи обиды. Это не кокетство. Слишком трудно найти интересный звук и поэтому жаль тратить его на серость.

Иногда меня приглашают читать лекции по звуку будущим режиссерам и операторам. И когда они спрашивают, в чем же заключается моя работа, я отвечаю, что у меня есть маленькая корзинка и я люблю ходить с ней по полям, по лесам, по морям и складывать в нее редкий цветок, редкую ягоду, редкий камень, редкую капельку морской волны. А затем подхожу с ней к экрану, где начинают светиться кадры фильма, который надо озвучить, зачерпываю из корзины то, что собрал, и рассеиваю собранное по кадрам. И мои цветы, ягоды и волны смешиваются с тем, что собрали до меня другие люди, которые работают над этим фильмом, и все вместе начинает дышать воздухом поля, леса, моря, горы...

— Но почему корзинка маленькая? — обязательно спрашивает кто-то.

— А вы попробуйте отыскать редкий цветок в гудящем от миллиона обычных цветов поле...

М... До часов от театра — метров сто.

Не успел я приладиться к записи, как в дверях мэрии появился полицейский. Он быстро подошел ко мне, что-то спросил. Настороженно покосился на мой длинный микрофон, со стороны похожий на пистолет. Я миролюбиво улыбнулся, попытался объяснить. Полицейский, разобравшись, смягчился и тут же, без всякой раскачки, начал рассказывать историю этих часов, надеясь, что я запишу его рассказ. От истории часов он, очевидно, перешел к истории площади. Я понял это из того, что он стал широко размахивать руками в сторону площади, а затем этот его рассказ, естественно, перешел в рассказ о всеобщей истории Испании. А так как она богата всякими событиями и я не совсем в ладах с испанским языком, чтоб вежливо прервать общительного друга, то часы красиво отметили положенное время и мне осталось только, вздохнув, кое-как объяснить собеседнику, что я на время покину его, что меня ждет съемка и мы еще встретимся через час на этом самом месте. Он с готовностью откозырял мне и стал уверять, что поможет во всем, что только в его силах.

Ртвели здесь проходит скромнее, чем у нас. Сборщиков почти не видно. Один-два человека мелькнут где-то поодаль и снова пустынно и тихо. Но урожай каким-то образом за три-четыре дня вдруг оказался весь собран. Да так аккуратно, что мы не смогли отыскать на ветках ни единой ягодки. Как не смогли заметить ни единой лишней травинки, ни единой соринки. Да, этого не отнимешь: поля, рощи, дороги, улицы — все дом родной, все любовно ухожено.

На виноградной плантации, раскинувшейся вдоль оливковой рощи, снимаем эпизод встречи Дон Кихота и Санчо с цирюльником Николасом (актер Леонид Куравлев), со священником Пересом (Рамаз Чхиквадзе) и Доротеей. Ее роль исполняет испанка Палома Ботин.

Эта фамилия хорошо известна в Испании. Мы часто видели ее на фасадах огромных банков почти во всех городах страны. Отец Паломы — крупнейший банкир. Раньше как-то по-другому нам представлялись миллионеры и их дочери. Сама Палома меньше всего похожа на устоявшийся стереотип «дочери миллионера». Простая в обращении, живая, улыбчивая, она получила высшее образование в Москве и сейчас, на родине, организовывает общество, которое будет знакомить испанцев с культурным наследием других стран. Палома много ездит по свету, собирает произведения молодых художников, скульпторов, делает слайды, фотокопии, одним словом, чувствует себя послом культуры молодого поколения. Испанские газеты и журналы в целях рекламы много писали о том, что дочь мульти-миллионера снимается в советско-испанском фильме, но, как мы узнали, ее отец не очень-то поощрял подобную рекламу, считая, что дочь банкира должна заниматься более серьезными делами. Но Палома снималась у нас с удовольствием. Несколько эпизодов с ее участием снято в Грузии. Мы стали друзьями. Она прекрасно водит машину, владеет приемами каратэ, обожает охоту. Особенно на экзотических животных.

Когда Палома впервые приехала в Тбилиси, я заметил, что она нервничала и спешила назад, домой. Потом объяснила свое поведение. Оказывается, в то время у ее отца был отпуск, он уехал в Танзанию. Там сезон охоты на крокодилов, и папа ждал Палому. А она обожает охотиться на крокодилов. «Бр-р-р!» — передернул я плечами, а она удивилась, неужели я не люблю это дело! Еще больше она удивилась, когда я признался, что никогда не был в Танзании. Однако, не давая ей опомниться, я заявил, что зато часто бываю в Сигнахи, где обожаю охотиться на зайцев. «Что такое Сигнахи?» — теперь пожала плечами она, и настал черед удивляться мне: «Хм! Как можно не знать Сигнахи?! Я ведь, хоть и понаслыш-

ке, знаю, что такое Танзания!» Она улыбнулась и согласилась, что современный человек должен знать все — и Сигнахи, и Танзанию. И тут же напросилась при первой же возможности на поездку в Кахети, в таинственный Сигнахи. Я пообещал, а сам подумал, что мне сделать это нетрудно, а сможет ли она, при всем моем желании, свозить меня в Танзанию?

..Итак, мы все еще в Ла Манче.

В длинном, до пят, красивом платье с высоким стоячим воротником, Палома непринужденно сидит на муле и с интересом слушает пояснения Резо Чхеидзе. Тут же художник по костюмам Парнаоз Лапиашвили все время поправляет ей то рукав, то воротник, то просит помощницу Нану Чикваидзе заменить накидку. Зеленая накидка на плечах Паломы сливается с зеленью олив и на экране все это будет неинтересно. Приносят серебристую накидку. Палома скачет в глубь рощи и теперь серебристое пятно выигрышно «смотрится» на общем плане.

Леонид Куравлев, обычно шутливый, разговорчивый, мобильный, сегодня не находит себе места. Покачивая головой, обмахивается шляпой. «Ну и жара!» — вздыхает он. Действительно, жарко. Солнце палит нещадно, как в июльском Сухуми. Но нам к жаре не привыкать, и Рамаз Чхиквадзе спокойно сидит себе под деревом, покуривает сигаретку. «О «Динамо» ничего не слышно?» — спрашивает он у режиссера. Резо Чхеидзе с готовностью оглядывается на него. Это его любимая тема. Он знает о тбилисском «Динамо» все. Когда, где, кто, как... Даже из Испании — специально звонит друзьям, чтоб узнать результаты очередного тура. Идут последние игры чемпионата. Тбилисские футболисты делают отчаянные попытки остаться в высшей лиге. Мы очень переживаем, потому что на чужбине «болеть» в сто раз сложнее, чем когда ты рядом с любимой командой. Вот от чего мы действительно страдали в Испании, так это от недостатка информации — советских газет и журналов там нет. В киосках — тысячи журналов. Но почти все — порнографические. И самое поразительное — доступ к ним разрешен всем, даже детям. Мы видели, как маленькие школьники спокойно рассматривают подобные журналы. А в кинотеатрах на сексфильмы ограничительный возраст всего лишь до 13-ти лет. И в то же самое время в Испании очень редки разводы. Впрочем, это к нашему фильму не относится.

...Резо Чхеидзе рассказывает нам о вчерашней игре «Динамо», а сам поглядывает на дорогу. Ждем нашего Росинанта и ослика Санчо Пансы. Ждем... Ждем... Кино — вечное ожида-

ние. Кто не умеет ждать — не работает в кино. Если на небе тучи — ждем солнца. Если начали снимать при облаке и вдруг явилось солнце — начинаем ждать тучи. Ждем ветра, ждем безветрия. Ждем массовку. Ждем одиночества. Ждем то, что нужно в этот момент фильму. А он так капризен! И так хочется иной раз покапризничать самому! Чтоб и тебя пожалели, чтоб хоть разок и тебя подождали. Иногда капризы получаются. Только не на этом фильме. У Резо Чхеидзе ничьи капризы не проходят. Потому и ждем терпеливо то, что требуется фильму.

А он требует Росинанта и ослика. Их должны какими-то окольными путями привести из укромного местечка, где бедных животных укрывают от бдительных глаз полиции и ветеринаров.

В Испании чума, завезенная из Африки зеброй. И категорически запрещено без трехмесячного карантина завозить, вывозить, провозить по всей территории страны какую-либо живность. Положение для нас сложилось почти катастрофическое. Росинант нужен в каждом кадре.

Наша спецмашина, трайлер, приспособленный для перевозки животных на съемки, была остановлена на границе с Францией. Так как кроме животных в ней было около трехсот костюмов, оружие, утварь, грим и прочие атрибуты нашей работы, полицейские вынуждены были разрешить ей проехать в Испанию с условием, что лошадь и ослик останутся во Франции. Пришлось подчиниться. Но каким образом через несколько дней Росинант и ослик все же очутились в Ла Манче, это известно лишь Резо Чхеидзе!

Об этом можно написать отдельную детективную историю, в которой будут и «контрабандистские тропы в горах», и погоня полицейских, и бессонные ночи наших ребят, которым были поручены животные. Но факт есть факт — в одно прекрасное утро Росинанта и ослика привезли к мотелю в маленькой машине с затемненными окошками, и нам было приказано дирекцией группы соблюдать конспирацию: для всех посторонних в этой машине мы якобы перевозили аппаратуру. Конспирация, по-видимому, соблюдалась на должном уровне, потому что после всего этого мы еще довольно длительное время получали аккуратные извещения от пограничной полиции, что оставленные на ее попечении лошадь и ослик чувствуют себя хорошо и мы можем не волноваться за их судьбу.

...В тот день, увлекшись съемками, мы несколько ослабили бдительность и на трассе, которая проходила в двадцати метрах от плантации, где уже гарцевали на лошадях и Дон Кихот, и Доротея, и цирюльник со священником, резко затормозил

«вольво». Из машины выскочил плотный энергичный мужчина с резким, безжалостным лицом конкистадора, наметившего себе жертву, и бегом направился к нам. Он с ходу заговорил так разгневанно-громко, что переводчик не поспевал за ним, не смог даже объяснить нам, кто это такой. Но по тому, как человек схватил за уздцы многострадального Росинанта, нетрудно было сообразить, что это продолжение ненаписанной детективной истории.

Конкистадор оказался главным ветеринаром провинции, без разрешения которого ни один ослик, даже кинематографический, не имеет права на существование. А разгневан ветеринар был потому, что нас, оказывается, «засек» какой-то богатый промышленник, разводящий лошадей драгоценной породы. Обеспокоенный за своих питомцев, он и сообщил ветеринару, что тот плохо исполняет свои обязанности и на территории провинции шляются незарегистрированные Росинанты. Не обращая внимания на «живых» Дон Кихота и Санчо (обычно Кахи Кавсадзе и Мамука Кикалеишвили безотказно умиротворяюще действовали на испанцев), ветеринар выхватил из кармана огромный походный термометр и отработанным движением всадил его ослику под хвост. Ослик икнул от неожиданности, удивленно оглянулся на агрессора. Но сдержался и терпеливо замер, сообразив, что брыкаться сейчас не время, что из-за его невыдержанности могут сорваться съемки. На наше счастье, температура у ослика оказалась нормальной. Не подвел нас и Росинант, и «конкистадор» немного смягчился. Сбавил тон, заулыбался. Стал расспрашивать, одним словом, оказался обыкновенным испанцем. Дал разрешение снимать на этой плантации, но в другом месте мы обязаны были снова идти на поклон к начальству и получать подобные разрешения у главных ветеринаров. И тут Резо Чхеидзе показал свой характер! Вернувшись в мотель, — поднял на ноги всех, кто только мог помочь нам. Звонил в Толедо, где находится оффис Санчеса Мигеля Инфантэ, нашего компаньона, в Мадрид и т. д. И не успокоился, пока власти не сдались. Они вынуждены были нарушить свой же приказ. Дали нашим животным «вольную», да еще и извинились перед режиссером «за происшедший инцидент». А на следующий вечер власти Ла Манчи приехали к нам окончательно «мириться» за бокалом коктейля. И Резо Чхеидзе сказал им: «Вы реабилитировали себя. А то мне вдруг показалось, что мы больше болеем, чтоб Сервантес победил, чем вы, испанцы...»

...Тяжко стонут натруженные колеса странной коляски, у которой все четыре стенки — перевитые толстой веревкой кольца решетки.

В повозке — отрешенно смотрящий в небо Дон Кихот. В разорванном белом рубище, окровавленный, Кахи Кавсадзе сейчас похож на Христа, уже прошедшего свою Голгофу.

Быки послушно, раз за разом, дубль за дублем втаскивают повозку на Пласа Майор («большую площадь») и становится немного не по себе от «послушности» их мощной силы, которой все равно, что тащить на себе по приказу тщедушного хозяина, пастуха, дрова или Христа, снятого с креста.

Пласа Майор деревни Сан Карлос дель Валье украшена великолепным собором. Около него и снимается эпизод освобождения Дон Кихота из повозки-тюрьмы.

Сегодня воскресенье. Площадь полна людьми. Все смешалось. Прошлое, настоящее, будущее...

Молодежь водит замысловатый хоровод. С громкой песней, с хлопаньем в лошади, с приседаниями, подскоками. И во главе хоровода — наш актер Леван Учанишвили. Он заправски выкрикивает куплет на испанском языке, а девушки со смехом подхватывают припев.

Резо Чхеидзе дает ему знак продолжать в том же духе, и съемочная камера на балконе, с которого хорошо видна вся площадь, бесшумно начинает свою работу. Я тоже, увидя замигавшую красную лампочку в боку камеры, неприметно включаю магнитофон. Из-за спин веселых зрителей направляю микрофон на хоровод. Так и войдет он в фильм. Нерепетированный, со своими естественными, «неприглаженными» голосами.

А потом начинается самое сложное. В воротах площади появится повозка, и все эти люди должны броситься к ней и разнести на мелкие части.

Массовка выполняет это на репетиции с удовольствием. От кольев только щепки летят, и декоратор Гиви Маргишвили тяжело вздыхает. После каждой репетиции он терпеливо восстанавливает повозку. А Кахи Кавсадзе тихонько просит разбушевавшуюся массовку: «Сеньоры, старайтесь не задеть меня кольями...»

Да, нелегка ты, служба актерская! Все — и побои и падения с лошади, и железные латы в немыслимую жару, и бесконечный путь без еды. Все прожито актером в полной мере точно так, как прожил свой путь в романе идальго. Только все по нескольку раз. Ведь Дон Кихот падал и был избит без дублей.

Репетировали долго. Что-то не нравилось режиссеру. В поисках интересного ракурса он переходил с одного балкона на другой. Потребовал от меня мегафон или какой-нибудь микрофон с динамиками, чтоб его команды были слышны на площади. Микрофон с динамиками я достал, одолжив у местной рок-группы,

но вот подсоединить всю эту систему к электричеству так и не смог. Хозяйка балкона, где стояла камера, категорически отказала нам включиться в обыкновенную розетку. «Электроэнергия стоит дорого и мне не по карману давать ее вам», — заявила она. Никакие просьбы, никакие обещания оплатить расходы не действовали. Пришел староста деревни, но и он не смог уговорить ее. Смущенно пожимая плечами, староста пояснил нам, что воля хозяйки — закон. Дом ее, и в своем доме она и староста, и режиссер, и сам Христос.

И пришлось Резо Чхеидзе командовать парадом без микрофона. Хозяйка же, подбоченясь, стояла у своих дверей и слушала его охрипший от натуги голос. И только позднее мы узнали истинную причину отказа.

Дело в том, что в Испании массовку приглашают на съемку на довольно выгодных условиях. И платят хорошо, и обедом угощают с баночкой вкуснейшего пива. Такие условия привлекают людей, они идут на съемку охотно.

И вот в тот день оказалось, что девушек пришло больше, чем требовалось. Те, кто остался «за чертой», обиделись, отошли в сторонку и о чем-то посоветовались. Когда репетиция кончилась и актеры стали поправлять грим, «отверженные» девушки вышли в самый центр площади, где ломалась повозка, уселись на землю плотным кругом и стали что-то скандировать. Переводчик объяснил нам, что они объявили забастовку. И тут же добавил, что ни староста, ни полиция нам не помогут. «Это их земля и никто не имеет права запретить им делать то, что они хотят», — сочувственно вздохнул переводчик.

Среди этих девушек оказалась дочь хозяйки балкона. В знак солидарности с дочерью хозяйка и отказала нам в электричестве.

Забастовка длилась до того момента, пока представитель испанской группы, сотрудничающей с нами, не внес их всех в список участников съемки. Девушки тут же вскочили, довольные, и потребовали одеть их в такие же красивые платья, какие были на участницах массовки. Видимо, они хотели не только получить свою порцию вкусного пива, но и попасть в кадр со своими земляками.

Съемка удалась. Толпа окончательно разнесла повозку в пух и прах, освободила Дон Кихота и с радостными восклицаниями, совсем как у Сервантеса, пошла за ним с площади, не слыша вконец охрипшего голоса режиссера.

А пока мы перетаскивали аппаратуру, пока Резо Чхеидзе репетировал с актерами новую сцену, на площадь въехала кавалькада празднично убранных машин. Из головной машины

вышла красивая пара, жених и невеста. Она в белоснежном платье, в фате, прелестная, как и положено быть невесте. Он в строгом черном костюме, элегантный и мужественный, как и положено быть жениху. Невесту к собору повел отец жениха, местный богач, плотный мужчина с короткой упрямой шеей дельца и уверенными, неторопливыми движениями хозяина. Он так подал руку невестке и так повел ее на виду у всех, что ни у кого не возникло сомнения в том, что свершается дело, достойное его фамилии. Жених точно так подал руку матери невесты; и не успели они войти в собор, как с высокого помоста, откуда-то с небес, зазвучал величавый хорал в честь любви и счастья.

— Любовь! С какой же силой и страстью провозглашает ее на весь мир Сервантес устами Дон Кихота!

— Но Дульсинея-то не было! — говорят в ответ знающие люди. — Придумали ее, придумали...

А в Тобоссо мы видели непридуманный дом, который упрямо зовут домом Дульсинеи, увековеченный пером Сервантеса. И жила в нем непридуманная девушка Мария, которую непридуманной донкихотовской любовью любил Сервантес. Дульсинеи не было, была Мария. У каждого своя Дульсинея или Мария... Должна быть, во всяком случае. Иначе, без любви, с Дон Кихотом не по пути.

...Хорал пел о любви. Молодые, застыв, склонили головы перед священником. За ними, спиной к гостям, заполнившим собор, стояли их родители. Я, затаив дыхание, слушал мелодию и старался ничего не пропустить в непривычном для меня обряде. Протиснулся поближе, в первый ряд, но мешал толстый затылок главы семейства. Он так прочно закрывал собою все, что я не выдержал, отошел к хору. Включил неразлучный магнитофон.

Церемония завершилась. Молодые, улыбаясь, принимают поздравления. Я тоже сделал им небольшой подарок. Жених получил сванскую шапочку, а невеста — куклу в грузинском платье. Шапка очень подошла жениху, а невеста, рассмотрев куклу, заявила, что она очень похожа на нее. Что ж, кукла и вправду не уступала ей в красоте.

Свадебный кортеж еще долго шумел на площади и наша массовка в нарядах времен Дон Кихота кружилась вокруг молодых, и девушки — Кармены, Пилары, Марии — разглядывали невесту, мысленно примеряя на себя ее свадебный наряд. Время незаметно таяло, и подумалось — какое же сегодняшнее имя потомки этих людей через 400 лет будут провозглашать символом Любви?

..С грустью покидаем Ла Манчу. И Ла Манча с грустью провожает нас.

Опустевшие виноградники как-то разом притихли, ^{сникли} сникли. Неуловимо-мгновенно пожелтели, отдались осени без борьбы и суеты. Чуть убавилось тепла — и лоза заскучала, стала вялой и сонной. Она ведь не переносит ни малейшей тени. Требуется ласки и тепла, как любая Дульсинея.

Оливы же, напротив — стоят свежее-зеленые, будто на подходе весна, а не зимний холод. Им дозревать всю зиму, но это уже второй урожай года. Щедра здешняя земля на урожай. Как и наша. Тепла бы и ласки побольше ей из наших рук.

Едем на север Испании, к баскам. На берегу Бискайского залива должны отнять эпизод встречи Дон Кихота и Санчо с мальчиком, которого они вырвали из рук разъяренного хозяина, избивавшего его плетью.

Дорога большая, полстраны надо проехать. Спешим, но, заметив на обочине указатель деревни Вуитрадо дель Лосойя, Резо Чхеидзе просит водителя ненадолго свернуть туда.

— Здесь музей Пикассо, — поясняет режиссер.

— Музей Пикассо? — удивляемся мы. — В глухой провинции?!

— Да. Удивительный музей. Созданный другом художника Эугенио Ариасом.

Сеньор Эугенио был личным парикмахером Пикассо. Под стеклом хранятся инструменты: бритва, машинка для стрижки волос, расческа. Этими инструментами Эугенио, тогда еще молодой, жизнерадостный парень стриг и брил великого Пикассо. Дружба их продолжалась всю жизнь, и художник на книгах, на картинках, на простых картонках писал: «На память моему другу Эугенио Ариасу». И ставил дату. Эугенио все бережно сохранил. Из этих подарков и создавался музей, оберегаемый с трогательной нежностью.

Эугенио Ариас не только хозяин, но и отличный гид и рассказчик. Живо, легко, с юмором и сдержанностью, диктуемой уважением к великому другу, рассказывает о Пикассо. И за час, проведенный в музее, перед нами встал образ Пикассо, увиденный по-новому. Мы словно побывали с ним совсем рядом и убедились, что это был такой же человек, как все мы, что и ему надо было бриться, стричься, что и он думал о хлебе насущном, что и ему необходим был друг.

— Почему он называл другом именно вас? — спрашивает Ариаса Чхеидзе.

— Пикассо говорил обо мне: «Это единственный человек,

который ничего у меня не просит»... — с улыбкой ответил сеньор Эугенио. И тут же добавил: — Пикассо говорил мало. Но каждое его слово, каждая высказанная фраза несли в себе большую философию.

Ариас подвел нас к известной работе «Дон Кихот и Санчо Панса», но этот экземпляр отличался тем, что в уголке художник дорисовал быка, рога которого были направлены на летящего голубя.

— Пикассо, даря мне этот рисунок, сказал: «Эугенио, надо очень постараться, чтобы бык никогда не поймал голубя...»

Дон Кихот тоже всегда хотел, чтобы голубь летал свободным.

Расспрашиваем, расспрашиваем сеньора Эугенио о Пикассо. Он охотно отвечает, шутит, смеется вместе с нами.

Пикассо, оказывается, был остроумным человеком. Однажды светская дама заявила ему, что его картины ей непонятны. Тогда художник спросил, знает ли она китайский язык. Она удивлению пожала плечами и ответила, что нет.

Вот видите! — мгновенно воскликнул Пикассо. — Вы китайский язык не понимаете, однако, несмотря на это, миллионы китайцев живут и здравствуют!

Сеньор Эугенио — коммунист. И Пикассо был коммунистом. Когда он вступил в партию, ему было 64 года. Многие считали это старческой блажью. Тогда Пикассо заявил во всеулышанье, что всегда считал себя коммунистом и признавал один лозунг: «От каждого по труду, каждому по потребностям...»

— Учитесь разумному у природы, — сказал он однажды. — Ведь все люди, независимо от положения, вдыхают ровно столько воздуха, сколько необходимо для жизни. Все остальное человек тоже должен брать столько, сколько ему необходимо для жизни.

Хочется еще побыть с Пикассо, с его картинами, рассматривать «Гернику», копия которой встретила нас у входа. Но работа зовет в путь..

Сеньор Эугенио вышел с нами на улицу. Односельчане здоровались с ним, расспрашивали о нас. Он с гордостью отвечал, что мы его друзья из СССР.

Он остановил нас на крошечной площади, указал на табличку.

— Здесь раньше было написано: «Площадь Франко». В день открытия музея Пикассо ту табличку сняли по моему ходатайству и теперь эта площадь называется «Площадью Конституции».

Он произносит это громко и долго потом смотрит нам вслед, этот пожилой человек с неувядающей душой, с большими и честными глазами, не изменивший дружбе и старающийся по мере своих сил, чтоб голубь мира летал над всеми нами...

Наш большой автобус осторожно выбирается из лабиринта узких улочек на большую дорогу. Она ведет и ведет нас по пути, пройденном славным идальго и его верным другом Санчо. Они открывали на этих дорогах свою истину, нам открывать — свою. Трудны они, эти дороги. Двадцать поколений прошло по следам идальго.

Двадцать один раз падает с коня в романе Сервантеса рыцарь Печального образа. И каждый раз он вновь поднимался, готовый к новым битвам за справедливость.

Двадцать первое поколение идет по земле вслед ему.

...Удивительно, но чем ближе к северу страны, тем становится жарче. И когда наш автобус, устало вздохнув, замирает, наконец у волнореза сан-себастьянского пляжа, мы спешим к прохладным волнам Атлантики.

Сан-Себастьян! Мы влюбились в него с первого же взгляда. Город-неженка, какой-то утонченный, выхоленно-строгий, с широкими набережными, красивыми бульварами, уникальными соборами — он похож на прекрасную женщину, со вкусом подобравшую себе наряд к торжественному церемониалу, который никогда не кончается.

Город привольно расположился вдоль изогнутого подковою златопесчаного берега залива. На островке, до которого нетрудно доплыть, лицом к городу, огромная фигура Святого Себастьяна, благословляющего этот райский уголок.

Залив шумен. Еще бы! За ним — океан!

Волны высокие. Вздвигвшись, они замирают на миг, словно кобры перед жертвой, давая полюбоваться своим изумрудным блеском, затем медленно, как в рапиде, рассыпаются по песку, и пляж заливается особым светом, светом слияния золота и изумруда.

Я впервые увидел море уже будучи взрослым. И, наверное, поэтому никак не могу на него насмотреться. Ведь того, что недополучил в детстве, не хватает потом всю жизнь.

Плавать тоже научился поздно. Поэтому волны всегда притягивают меня, и я не устаю плыть, плыть, чтоб догнать то, что убежало от меня в детстве.

...Сбрасываю одежду, бегу к воде. Очередная волна замирает передо мной. Я ныряю в нее, с разбегу разбивая вдребез-

ги изумрудную красу и... захлебываюсь! Атлантика так сдавила меня своим терпким, горько-соленым объятием, что я бешено заработал руками и ногами, стараясь поскорее вырваться из ледяной ласки.

Выбравшись на берег, я с наслаждением бросился на горячий песок и долго пытался отдышаться. А когда стал постепенно приходить в себя, то заметил кое-что такое, что для меня было непривычным. Например, заметил, что вокруг меня почти все отдыхающие лежат без каких-то там купальников и прочих, знакомых мне по батумским и сухумским пляжам, атрибутов цивилизации. Молодежь спокойно пребывала в чем мать родила и у девушек только шляпки на прелестных головках укрывали их глаза от солнца. После того как я немного освоился со всем этим, внимание мое переключилось на необычное скопление полицейских машин буквально в пяти метрах от пляжной полосы, на высокой набережной.

Машины образовали что-то наподобие баррикад и за ними, держа оружие наизготовку, с пуленепробиваемыми жилетами на груди, притаились хранители порядка и напряженно наблюдали за холмом, который вместе с собором возвышался на другой стороне набережной. Вдруг какой-то человек в темном плаще, крадучись, показался из-за угла собора, подбежал к краю холма, глянул вниз и тут же побежал назад. Полицейские, не раздумывая, дали ему вслед длинные очереди из своих автоматов. Человек упал, то ли убили его, то ли он притаился. Я вскочил, растерянно оглянулся. Честно говоря, стало не по себе. Не каждый же день видишь как по-настоящему, среди бела дня, в пяти метрах от тебя стреляют в человека! Лежащая рядом испанка спокойно приподняла край шляпы, улыбнулась и так же спокойно пояснила, что тот тип, в черном плаще, террорист, их здесь много таких, полицейские проводят очередную чистку; эти дни в Сан-Себастьяне все время такая суматоха и не стоит обращать на нее внимания. Террористы ведь воюют с полицией, а не с отдыхающими. Пока она говорила, полицейские дали еще залп. Террорист, выждав паузу, вскочил и в свою очередь выстрелил несколько раз в полицейских. То есть — в сторону пляжа. Все продолжали лежать и я сообразил, что и мне не мешает поскорее улечься. Хотя бы для того, чтоб особо не выделяться и, во-вторых, по международному правилу, лежащих не бьют. Оглядываюсь на Святого Себастьяна. Рука его все так же поднята в вечном благословении.

Потом мы узнали, что террористы взорвали-таки одну машину, погиб полицейский. И вообще, в тот день нас попросили

поскорее выехать из города, так как вечером ожидалось большое столкновение. Нас повезли в Ирун, небольшой городок на самой границе с Францией. И мы жили в нем, каждое утро выезжая на съемки, назло все террористам, в Сан-Себастьян.

...Сан-Себастьян — город престижного кинофестиваля. Как раз в те дни проходил очередной форум кинематографистов и к нашему общему удовольствию одним из членов жюри была Нана Джорджадзе. Телевидение Испании подробно освещало фестиваль, Нану часто показывали в разных программах. На его закрытии она вручала призы победителям и было радостно, что молодые представители грузинского кино уже пользуются таким авторитетом, что грузинское кино шагнуло так далеко. Кто сосчитает, сколько наград завоевали грузинские фильмы на самых представительных фестивалях! Читать об этом в газетах или слышать по радио — одно, а быть в чужой стране и воочию убеждаться, с каким уважением там относятся к нашему искусству — совсем другое. И сам становишься совсем другим, чувствуя такое уважение.

...На огромных валунах, защищающих набережную Сан-Себастьяна от волн, сооружения из согнутых рельс. Одно абстрактно олицетворяет собой земной шар, другое похоже на заломленные в ожидании человеческие руки. Вокруг них денно и нощно грохочет вселенская стихия. Издалека полная иллюзия того, что земной шар то взлетает на гребне этой стихии до самых небес, то летит в бездну. А когда подходишь поближе, отрешаясь от всего и чувствуешь, что и тебя океанские волны вместе с земным шаром то поднимают до самых небес, то летишь ты вместе с ним в Дантову бездну и твои руки тоже соплетены в едином вздохе с заломленными руками человечества.

В нашем павильоне, где выстроена декорация комнаты Дон Кихота — огромный глобус. По нему идальго вымерял свои маршруты.

И если подойти к этому глобусу поближе, отрешиться от всего, то вдруг заметишь, что вместо материков и океанов на нем — кричащие, стонущие, молящие о сострадании лица людей. Прекрасная находка режиссера и художников! Действительно, как трудно услышать этот крик и этот шепот. Не каждому дано...

Говорят — любить все человечество разом вообще-то не так и сложно. Гораздо труднее любить каждого человека в отдельности. Для этого самому надо быть человеком.

Уметь любить каждого человека в отдельности — значит

уметь найти в своей душе место для крика, стога, шепота и мольбы всего остального человечества. Как умел Дон Кихот. Достоевский же сказал — когда будет Страшный суд, человечество положит перед богом книгу Сервантеса и скажет: это человек.

Резо Чхеидзе часто спрашивают: «Почему именно Дон Кихот? Сейчас, в наше время — Дон Кихот?! Кому он нужен?!»

Режиссер, не задумываясь, отвечает:

— Кому он нужен? А разве за четыре столетия существования Дон Кихота человечество уже научилось всему тому, что проповедовал этот, возможно, самый чистый из всех живущих на Земле, человек?

Не научилось...

На площади Испании, в Мадриде, где стоит памятник Сервантесу и у его ног бронзовые Дон Кихот и Санчо Панса готовы к новым приключениям, на одной из мраморных плит постамента кто-то дрожащей рукой вывел траурной краской: «На этом месте грабителем был убит молодой, хороший парень. Позор убийце!!!»

Невероятно, но это случилось на глазах Сервантеса и Дон Кихота, которые умоляли, говорили, кричали всем: «Люди! Будьте людьми!» В том грабителе-убийце не было Дон Кихота. И в тех, кто был рядом на площади Испании в тот миг, когда он убивал, и не остановил его руку, — тоже не было Дон Кихота. Иначе одним убийством на Земле было бы меньше.

...Перед самой съемкой волны вдруг повернули вспять. Пляж стал разрастаться на глазах. Отлив...

Между пляжем и островом, на котором Святой Себастьян, все меньше изумрудной воды, все больше обнаженного дна.

Дно каменистое. По скользким камням можно добежать до острова. Тут же появились сборщики моллюсков с холщовыми сумками на плече и там, где час назад мог пройти корабль, они спокойно стали собирать раковины.

Кахи Кавсадзе и Мамука Кикалеишвили пока в современных костюмах. Снимаем их проход по набережной.

Рядом с нами прямо на асфальте, прислонившись спиной к ажурной решетке парапета, за которым волны залива убегают к родному океану набраться сил и красок, сидит юноша с гитарой в руках. Он поет, перед ним — картонка, на которой написано, что для учебы ему не хватает денег, и он просит помочь ему. Вокруг картонки — несколько монеток. Парень симпатичный, одетый в модные джинсы и курточку, делает свое дело без стеснения, и его соотечественники без тени смущения

подкидывают ему монеты. Полицейские тоже спокойно прохаживаются тут же, они не мешают ему ни петь, ни просить помощи. Студент — испанец. А в Испании каждый испанец имеет право делать то, что он хочет. Еще раз мы убедились в этом тогда, когда ехали на автобусе по одной из самых насыщенных транспортом улиц. Наш водитель внезапно резко затормозил. Прямо на центральной линии проезжей части стояли юноша и девушка и целовались, нежно обнимая друг друга. К ним поспешил полицейский, и мы, естественно, подумали, что он штрафует их за нарушение морали или уличного движения. К нашему удивлению, страж порядка встал к ним спиной и замахал жезлом, указывая с какой стороны надо побыстрее объехать влюбленных, чтоб не образовалась «пробка». Водитель наш послушно объехал целующихся и пояснил нам: «Люди хотят целоваться именно здесь. Их земля. Что хотят, то и делают». Вот и пользуется симпатичный студент этим правом. Хотя нет печальнее права — просить милостыню...

Испанский студент со своей картонкой, гитарой и невеселой песней попал к нам в кадр. Но пока я стоял возле него и записывал его песню, вспомнил еще одного человека, просящего милостыню. Это было в моем городе.

Пожилая женщина стояла на ступеньке подземного перехода. Молча протянув подрагивающую ладонь, она невидящими глазами уставилась в землю. В ладони уже лежало несколько монеток. На седой голове у нее был черный платок.

Не знаю, может быть об этом не стоит говорить, не так уж и много у нас просящих. Но... Но труднее говорить об отдельном человеке, чем... Можно понять, когда просит милостыню опустившийся пьяница или бродяга, позабывший всякие понятия о гордости и стыде, но седина этой женщины и траур на ее голове так поразили меня, что я так и не решился подойти к ней и дать деньги. Не потому, что пожалел десять копеек или рубль. Да и не думаю, что всех моих денег, которые были у меня в кармане, хватило бы ей и она встала и ушла бы подальше от этого места распятия.. Я не мог шагнуть к ней потому, что не посмел унижить ее седин. Как же так? Неужели никого нет рядом с ней? А если кто-то послал ее на эту Голгофу? Кто ждет эти копейки, каждая из которых, как пуля, пробивала ее седину? Я готов был закричать в тот момент! Схватить за горло того, кто заставил ее просить, готов был убить того столько раз, сколько копеек лежало на дрожащей ладони. И думаю, Дон Кихот понял бы меня.

Я дописал песню студента, поднял глаза. Святой Себастьян

ян, до которого по высохшим камням можно было добежать без труда, благословлял и благословлял все человечество...

...Кампо де Криптана.

«Кампо» по-испански — «поле». Поле «Криптана» — удивительное поле. Там те мельницы, которые знает весь мир, с которыми дрался Дон Кихот.

Они видны издалека, выстроились в гордом строю, словно напоказ. Каждая со своей памятной дощечкой, на которой написано имя хозяина и его герб. Вы тоже можете построить подобную мельницу рядом с ними, только надо уплатить соответствующую сумму. Там даже есть мельница, которую построил какой-то богач с Коста-Рики. Так что мельницы там теперь межконтинентальные.

...Облака в тот день разметались по мрачному небу в диком танце. Мир застыл в ожидании ливня, но вдруг кто-то полоснул мощной кистью, и великолепная радуга перехлестнула все. От горизонта до горизонта. Связала сияющей нитью в единую паутину и облака, и землю, и длинного, худого рыцаря, с копьём наперевес замершего на пыльной тропе.

Рыцарь, приветствуя мир, поднял копьё над головой, и невидимый художник расщедрился до конца — еще одна радуга обняла землю! И почудилось — тронь только натянутые краски-струны этих радуг, и чудная мелодия проникнет в души людей, делая их такими же красивыми, как красивы сами радуги!

Вот только мельницы на фоне такого неба видятся мрачными стражами, стоящими между радугами и землей, между красотой и душой. Стоят, раскорячив длиннющие руки-ветряки и нет от них пользы. Давно уж не крутились в них жернова, не сыпалось золотое зерно. Закостенели цепи внутри, умолкли голоса камня и дерева. И кажется — не оживит их даже самый сильный ветер.

— Эй, вы! — кричит им рыцарь. — Эй, к бою!

И в которой уж раз за четыре века мчится он с копьём наперевес на ветряные мельницы. И все четыре века люди гадают — глупец ли он или высочайший философ? И еще размышляют — кем же виделся рыцарю по имени Дон Кихот эти мельницы? Неужели и вправду всего лишь примитивными чудовищами? Гадают, гадают, и каждое поколение по своему ищет ответ.

Мне же в тот миг, когда в Кампо де Криптана на моих глазах оживший идальго в образе грузинского актера Кахи Кавсадзе, такого поразительно органичного среди настоящих испан-

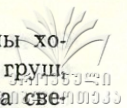
ских мельниц, испанских радуг, испанского неба и земли, бросился в очередной бой, мне вдруг стало ясно, что рыцарь ради меня вновь и вновь, все четыре века, мчится на косность и равнодушное безмолвие. Чтоб ничто не могло помешать радугам отдать мне все свои краски, все свои мелодии.

...Бой с мельницами отсняли быстро, на едином дыхании. С первых же дублей. Все удавалось — и радуги долго не гасли, и ветер «по сценарию» развеивал плащ рыцаря, и актеры с таким азартом «дрались» с чудовищами, что все перепуталось — то ли Сервантес так хотел, то ли уж сами актеры по-настоящему попытались оживить мертвые мельницы. Прекрасны моменты, когда все зажигаются от единой искорки. Резо Чхеидзе это умеет — зажигать. В такие моменты громко и четко дает команды. Легко, по-юношески перебегает с места на место. Совершенно забыв про зрителей, вечно собирающихся у съемочной площадки, жестикулирует и проигрывает роль за каждого, кто в кадре, проговаривая шепотом текст. И без слов становится понятным, как он влюблен в героев своего фильма и во все, что они свершают.

Говорят, что Кахи Кавсадзе повезло, что ему досталась роль, о которой мечтает любой актер. Роль, конечно, из тех, о которой мечтают. Но роли не падают с неба, до них дорастают.

Одного Дон Кихота Кахи Кавсадзе уже сыграл в кино. Есть такой фильм — «Три дня знойного лета». Не оцененный по достоинству в полной мере фильм Мераба Кокочашвили. В той картине Сулхан, герой Кахи Кавсадзе, тоже боролся с мельницами, тоже падал, поднимался, шел дальше по своей дороге, снова падал и умирал на ней, не дойдя, умирал прямо в пыли, без подушек и простыни, как умирают идальго всех стран и времен. У Сулхана даже оруженосец был, как у Дон Кихота. Вернее — была. Вся разница в этом: вместо оруженосца — верная ученица, вместо XVI века — наши дни. Но единая вера в справедливость, порой наивная и все же неукротимая, и детский взгляд героев Кавсадзе, в котором явственно различима такая глубина, которая заставляет задуматься, — а куда же потом «выплескивается» из нас эта вот, изначальная, глубина, почему мы мельчаем? И почему у нас рядом, так редко у кого, бывает оруженосец? Не потому ли, что ему нечего «носить» — нет копы?

И в творчестве Резо Чхеидзе были Дон Кихоты. Разве не ради свободы и счастья людей прошел свой, такой горестный и такой победный путь по дорогам войны отец всех солдат Георг

гий Махарашвили? Не о красоте ли земли, по которой мы ходим, думает дед Лука, ищущий саженцы редких сортов груш, которые дадут первые плоды, когда самого Луки уже и на свете не будет? И не за Справедливость ли идет в каждодневный бой с косностью, с самодовольством, с мещанской алчностью Георгий Торели, мечтающий видеть родную землю цветущей?

Каждый народ имеет свое представление о красоте. Прекрасное не есть что-то единожды застывшее, какой-то единый эталон. Но есть качества души, которые для всех народов, во все времена ценились как достоинства непреходящие. Героев фильмов Резо Чхеидзе связывает с Дон Кихотом одна мысль: нет счастья без гордости и независимости, одна цель: причастить людей к ощущению свободы, гармонии, совершенства, полноты счастья. Я много лет работаю рядом с Резо Чхеидзе и вижу как упорно он пробивается к образу Дон Кихота. Пробивается вместе со своими героями, идет сквозь удачи, находки и потери, сквозь скептицизм и шепоток типа: «Кому он нужен-то, ваш Дон Кихот?», идет с уверенностью, что именно такие личности, как идальго, подражания достойны и в наш, столь скептический век! Конечно, и сейчас многие счастливо проживают жизнь и умирают, так и не узнав, что жил когда-то удивительный испанец Дон Кихот, но кто и чем измерил силу духовного воздействия Сервантеса и его героя на тех, чьи души открыты навстречу истине, добру и красоте?

...Нам нравилось, когда после команды режиссера «Стоп!» испанцы с завидной непосредственностью долго аплодировали нашим актерам, как аплодируют зрители в театре после закрытия занавеса. И всегда улыбки, улыбки... Испанцы вообще не любят хмурых людей. Устанешь, бывало, к концу съемок, присядешь на миг передохнуть — кто-то из них тут же хлопнет по плечу: «Почему грустишь, амиго?» И сразу легче становилось от участия. В чужой стороне теплое слово ценится дороже. Невольно улыбнешься в ответ — и силы прибавляются откуда-то. Испанские коллеги делали все, чтоб создать нам хорошие условия для работы. Хозяин фирмы Санчес Мигель Инфантэ, молодой, энергичный, по-доброму внимательный, был все время рядом с нами. Мы ни в чем не чувствовали стеснения. Гостиницы, еда, культурная программа — все вовремя, все на высоком уровне.

Санчесу Мигелю Инфантэ нет еще и сорока лет, но он уже считается одним из талантливых бизнесменов страны. Умелый, Удачливый, он за несколько лет стал миллионером. В окрестностях Толедо его фирмой выстроен огромный жилой массив.

Он вкладывает средства не только в строительство. У него уже есть проект постройки собственной киностудии, есть типография, его усилиями расширяются торговые связи с нашей страной. Он собирается построить гостиницу в Москве, фабрику и магазин спортивной обуви в Тбилиси. С большим уважением отзывается о переменах в нашей стране, с надеждой смотрит на наши совместные дела.

Но надо признать, что не все испанцы так сочувствуют нам. Трудно забыть ненавидящие глаза уважаемого господина, шагающего через площадь, на которой снимался один эпизод нашего фильма. Мы попросили этого господина задержаться на миг, чтоб он не попал в кадр, потому что камера уже работала, эпизод был большим, сложным и актеры уже вели диалог. Господин, узнав, что мы из СССР, грубо оттолкнул нас, прошипев: «Красные...» и зашагал прямо на актеров, доказывая этим свое право делать что-то назло «красным». А в кадре в это время Дон Кихот — Кавсадзе выслушивал Доротею — испанку Палому Ботин и восклицал: «Я готов помочь тебе, прекрасная принцесса! Мы победим чудовище, которое посмело обидеть тебя!» Господин не успел помешать ему произнести эти слова. Камера умолкла и зрители зааплодировали в ответ на работу актеров. Кахи Кавсадзе, как и положено, галантно, с достоинством поклонился, подал руку стоящей на коленях Доротее, что вызвало новую волну аплодисментов, а господин куда-то исчез. Но он ведь где-то есть. Он тоже из тех, кто готов погасить все радуги. Его тоже за четыре века ничему не научил Сервантес.

...Если вы когда-нибудь, подобно Дон Кихоту, читали рыцарские романы, от представшего вашему взору на горизонте города Толедо у вас непременно перехватит дух. Как перехватывает дух от прекрасного виденья, воскресающего давнюю мечту.

Холм, на котсром застыл город, почти что остров. На вершине — два самых высоких здания Толедо: Алькасар и Кафедрал. Крепость и Собор два панцыря. Один охранял тело толедца, другой --- его душу.

От Алькасара и Собора к неширокой, но темпераментной ленте реки Тахо, через которую лишь три моста связывают город с остальным миром, сбегают нанизанные в кривые, затененные улочки дома с черепичными плоскими крышами, на которых нет ни одной телевизионной антенны. Все оставлено так, как было во времена, когда рыцарские романы считались толдцами современными бестселлерами.

С любой точки горд притягивает взгляд как обнаженная шея Махи великого Гойи. А если отъехать подальше, то изломы улиц, их экспрессия и загадочность напомнят вам экспрессию и загадочность кисти Эль Греко, волшебного Эль Греко, в чьем доме мы снимали один эпизод. Не помню другой подобной съемки, которая проходила бы в такой благоговейной тишине и в таком трепетном накале, как съемка в комнате, в которой художник дышал и творил, и с его творений на нас глядели полные скорбной мудрости глаза апостолов. Стоишь возле них и явственно ощущаешь воздействие каких-то флюидов, проникающих в самую глубь души, делающих тебя гуманнее и чище. Всматриваешься в творения обыкновенных человеческих рук и думаешь — как же ты велик, Человек, если можешь создавать подобное?!

..На следующий день мы снимали в соседнем квартале, недалеко от Кафедрала, в сером, мрачном здании с вывеской «Музей орудий пыток».

На пороге первого зала нас встретила во «всей своей красе» нержавеющая гильотина. Рядом с ней, в черном балахоне с вырезами для глаз, фигура палача.

И здесь съемка проходила в трепетном накале. Только гуманнее и чище себя здесь не чувствуешь. Здесь даже думать трудно. Лишь одна мысль все же мелькает в отяжелевшей голове — что же ты такое, человек, если можешь творить подобное?!

В следующем зале — дубовая скамья с высокой спинкой. И сиденье, и спинка, и подлокотники усеяны острейшими гвоздями. На эту скамью инквизиция приглашала провинившихся. И провинившемуся уже не было времени повиниться в своих грехах, потому что размышлять о праведности бытия в подобных креслах, да еще на привязи, не очень-то уютно, к тому же несчастный грешник отправлялся в ад раньше, чем успевал отыскать нужные слова в свое оправдание.

Если кресло уже было занято, другого грешника ставили в железную «бабу». Это такая фигура, похожая на полную матрешку с открывающейся передней стенкой. Внутренности «бабы» также усеяны длинными шипами. Вы входите в нее через открытую стенку, заполняете собою «матрешку», дверцу плотно закрывают, вдавливая в вашу фигуру сотню—другую острых шипов, и через крошечное отверстие, оставленное, чтобы вы могли, если сможете, конечно, отвечать, инквизиторы начинали допрос. Да-а, фантазия твоя безгранична, человек! Не угнаться за нею никакому Дон Кихоту!

В витрине — особо заинтересовавший нас экспонат, известный их тех же рыцарских романов. Если на сан-себастьянских пляжах современные мужья позволяют своим супругам являться «перед очами света» без каких бы то ни было аксессуаров морали, то их предки были не столь прогрессивны. Уходя на поиски новых приключений, рыцари-мужья заставляли нежных супруг надевать специально по размеру выкованный из прочного металла купальник, у которого вместо подтяжки был обруч, затягиваемый замком. Ключ от него бдительный муж увозил с собой или оставлял самому верному другу. (Тут же нам рассказали случай из жизни верных друзей. Не успел рыцарь-муж отъехать от Толедо, как друг, которому было поручено хранить честь рыцарской супруги, догнал мужа на взмыленном коне и сообщил, что рыцарь-муж ошибся и оставил другу не тот ключ). О, человек...

...Алькасар, четырехугольное здание с остроконечными башнями в каждом углу, с мощными стенами и постоянной охраной у ворот, был когда-то надежной защитой толедцев во времена войн. Сейчас здесь обыкновенное государственное учреждение. С кабинетами, со шкафами, набитыми досье, со всякими входящими и выходящими бумагами. Зато Кафедрал и ныне служит тому делу, ради которого построен. Крепости быстрее сдают свои позиции, чем соборы.

В соборе, потрясенный, я стоял перед Главным Алтарем. Весь он тончайше вырезан из дерева. Десятки превосходных фигур, разноцветные узоры обрамления, уникальные витражи, да еще рядом чудный орган со своими непостижимыми, неземными звуками — все вместе возвращает веру в Человека. И когда стоишь там, задрав голову к наполненным солнцем витражам, не чувствуешь себя ни маленьким, ни придавленным великолепием и грандиозностью увиденного, нет! Испытываешь гордость за принадлежность к роду человеческому, который обыкновенными руками сотворил подобное.

Одно удивило — в Кафедрале нет обычного для подобных мест запаха свеч. Присмотревшись, замечаю, что здесь вместо свеч зажигают маленькие желтенькие лампочки. Бросишь монетку — зажжется лампочка, бросишь другую — еще одна. Погорят они определенные секунды и погаснут бесшумно, без копоти. Не знаю, может, это и прогресс в кафедральной жизни, но по мне — тут он не уместен, лампочки явно выпадают из общей гармонии...

У входа в Кафедрал — маленькая площадь. Другой край площади обрамляет здание муниципалитета.

У его стен мы готовимся к съемке. Художник-гример Таисия Иващенко быстро и умело, строго покрикивая на распалившуюся молодежь, наклеивает массовке усы и бородки. Молодежь смеется, не узнавая себя в новом обличье. Собирается народ, туристы, привлеченные яркими костюмами, которые так подходят этому городу. Все спрашивают в первую очередь: «А где Дон Кихот? Где Санчо?». Заметив наших актеров, подолгу не отходят от них, улыбаются, расспрашивают. Особенный восторг вызывает коронный номер Мамуки Кикалеишвили — Санчо. При своих габаритах, которые подобают его герою, Мамука необыкновенно пластичен, ходит, ходит он вдоль толпы вперевалочку, якобы не замечая никого, и вдруг небрежно падает на асфальт в идеальном «шпагате», неизменно вызывая этим восторженный рев. Испанцы — в основном народ миниатюрный и Мамука выглядит среди них айсбергом средних размеров. Не давая им опомниться, Мамука все так же легко вскакивает и быстро-быстро проделывает целый каскад всевозможных приемов каратэ, изящно забрасывая пудовую ножку за голову. Рев как на корриде!

Мамука — актер эксцентрического склада. Ему бы в театре «Лицедеев» Полунина — «Асисяя». Там бы он был как рыба в воде. И танцует, и поет, и всегда вокруг него смех. И ожидание смеха. Таков уж внешний облик этого человека. Но в нашем фильме будут кадры крупным планом, которые неожиданно заставят вас увидеть в глубине огромных, в пол-лица глаз, слезы. И защемит сердце, и кадры те наведут на мысль: а что это, шутовство актера — не маска ли? И может стоит следующему режиссеру, с которым доведется Мамуке работать, смелее покопаться в его шутовстве. Я же за годы совместной работы и общения с ним убедился — ему по «зубам» самая крепкая трагикомедия. Лишь бы в ней и «траги», и «комедия» были без шутовства, высокой пробы. Залогом тому — его быстрое взросление. И актерское, и человеческое. В кадрах, снятых три года назад, его Санчо ребячлив, капризен. В снятых же «под занавес» явно чувствуется помудрение его героя. Это тот случай, когда герой рос вместе с актером, а актер рос вместе с героем. Санчо-Мамука достоверен во всем, и недаром испанцы сразу узнавали его и в костюме героя, и в современной одежде. Ему, конечно, повезло. Рядом с ним такой камертон, как Кахи Кавсадзе, у которого можно поучиться и достоверности, и трудолюбию. Не помню, чтоб они пришли на съемку не подготовленными к ней до мелочей.

Однажды мы целый день были гостями мэра одного малень-

кого городка. Мэр и жители сделали все, чтоб тот день навсегда остался в нашей памяти как день дружбы и гостеприимства. Нас угощали национальными блюдами, показывали достопримечательности города, дарили подарки, водили на стадион, где проходят корриды, и даже позволили желающим из нашей группы выйти на арену и подержать в руке красивый плащ тореадора.

Желающим оказался Дмитрий Гонглиашвили, заместитель директора киностудии. Он взял плащ, что-то выкрикнул по-испански, совсем как настоящий тореро, и неожиданно ворота распахнулись и на арену выскочил не менее настоящий бык. Ну, честно говоря, не совсем еще бык. Бычок. Ростом с теленка. А все остальное было действительно настоящим — и рога, и азарт, и жажда бескомпромиссной борьбы. К чести Дмитрия надо отметить, что его тореадоровский дебют прошел успешно. Он не посрамил чести «Грузия-фильм» и провел бой с блеском, заслужив горячие аплодисменты с нашей стороны. К тому же обошлось без жертв, так что удовольствие было полным. Вечером же мы присутствовали на прелестном концерте, на котором испанские дети по всем правилам истинного искусства танцевали для нас фламенко.

А когда мы, наконец, сели в автобус, был третий час ночи. И до Толедо было еще три часа пути. Все с удовольствием устроились в креслах в предчувствии сладкой дремоты и завтрашнего отдыха, но тут Резо Чхеидзе, что-то взвесив в уме, громко объявил, прогоняя всякую дрему:

— Выезд на съемку в восемь утра. Кахи! Мамука! Снимаем вашу сцену из пятой серии.

Он спокойно сошел с автобуса, сел в «ситроен», который его обслуживал, и уехал.

В автобусе тишина продержалась еще несколько мгновений. Затем... Затем Кахи взорвался!

Вы не видели как взрывается Кахи? Кто не видел, тому трудно понять что это такое...

Это отдельный спектакль с шекспировскими страстями, со своим прологом, кульминацией и эпилогом. Спектакль одного актера, но эмоций, раскидываемых щедрой дланью, хватит на полновесную труппу.

Ох, что было тогда! Автобус стало качать еще в прологе, а когда наступила кульминация... Водитель вцепился в руль, стараясь выровнять машину, и с опаской поглядывал в зеркальце на бушевавшую за его спиной стихию.

Единственное, о чем жалею — почему я не записал весь монолог Кахи на пленку?! Любое радио закупило бы его у меня

за любые деньги. Впрочем, была причина. Мой микрофон не выдержал бы той нагрузки, а запасного у меня не было.

Эпилог наступил минут через сорок. Напоследок Кахи еще раз вспомнил и проклял тот год, день и час, когда решил стать актером, помянул всех тех, кто ему в этом способствовал, и их родственников, и более дальних предков, затем выхватил из кармана листы бумаги с текстом, который надо произносить в восемь утра, и бросился на заднее сиденье автобуса с криком:

— Идем, Мамука, идем! Мы же с тобой самые проклятые на этом свете! Мы же с тобой не имеем права ни жить, ни есть по-человечески, ни спать, ни наслаждаться! Мы же с тобой проклятые, проклятые!

...Они репетировали до самого Толедо. А потом до самого выезда на съемку. А потом до самой команды «Мотор!» И ни разу не споткнулись ни на одной букве. И не было позади ни бессонной ночи, ни проклятий судьбе. Судьба — она ведь всегда впереди. Судьба — она ведь тогда, когда есть в руке те вон листочки бумаги, с ролью, которая-то и делает жизнь судьбою.

...Итак, мы готовимся к съемке у самых стен муниципалитета. Монтажница Лейла Апиани уже держит в руке хлопушку с номером кадра и дубля, и тут нам сообщают, что мэр Толедо приглашает нас к себе. К себе, это значит в Тронный зал, в котором когда-то короли со своим кортесом принимали решения. Толедо ведь бывшая столица Испании.

С удовольствием идем в этот тронный зал. Не каждый день имеешь такую возможность.

Гербы, алый бархат с позолотой, знамена... И кресла с высокими спинками, почти такие, как в музее пыток. Только без острых гвоздей. Впрочем, судьба — штука коварная. Некоторых из тех, кто сиживал в этих креслах, она пересаживала и в те, которые с шипами. В центре зала большой круглый металлический таз. В нем горели дрова, согревая тронный зал. Наверное, было довольно уютно. Потрескивание живого дерева настраивает на добрые мысли. Интересно, чем грелась инквизиция во время своих заседаний у гильотины?

Мэру Толедо тридцать два года. Обаятельный красавец, ему бы в кино сниматься. Впрочем, он не против: «Покончу со всеми проблемами города, обязательно начну сниматься!»

Мэр приглашает нас в архив. У одной из стен, под стеклом, скромный документ. Эль Греко собственноручно просит отцов города дать ему за одну из картин немного денег.

В другой стене — большая, тяжелая, окованная листовым

железом дверь. За нею, по словам мэра, самые дорогие документы. Купчие, дарственные грамоты, бумаги, в которых записаны родословные, записи кто хозяин, кто раб, кто у кого и что купил на веки веков, все расписано — земля, дома, человеки..

У двери шесть замков. У замков, естественно, шесть ключей. И ключи те хранятся у шести специально избираемых доверенных людей города. Пока все шесть человек не соберутся вместе, не достанут свои шесть ключей и не повернут их разом во всех замках, дверь не откроется. Вот как оберегают все, что за нею! Не дай бог, кто-нибудь проберется туда и перепутает родословные.

— А просьбу Эль Греко удовлетворили? — спрашиваю мэра и киваю на записку под стеклом.

— Этого история не знает, — улыбается вежливо мэр.

Жаль. Впрочем, можно догадаться, что художник тогда с голода не умер. Судя по дате, которая на записке-просьбе, он, на счастье человечеству, прожил еще довольно долго.

А мы прожили в Толедо две недели. И выезжали из города через Пуэрта дель Соль, Ворота Солнца, удивительно похожие на ворота Телавской крепости, возле которой прошло мое детство. И кладка камней, и формы, и бойницы, и зубцы наверху — все, как у близнецов. Един наш белый свет, един...

...Небо над Мадридом ночью огненно-оранжевое. И полыханье это видно задолго до появления на горизонте города.

Оранжевый костер зовет всех в общий круг ночной жизни столицы. После десяти часов вечера весь Мадрид, поднарядившись и повеселев, высыпает на улицы и площади, чтоб до самого утра не затихали бары и рестораны, скромные, на три-четыре человека, и громадные, готовые принять весь мир.

...Прежде, чем въехать в город, проезжаем Гетафэ, место, где на холме, окруженном густым лесом, стоит церковь, которую посещает набожная королевская семья. Внизу, где начинается лес, отель «Под оливами», в котором мы прожили несколько дней, а за отелем — колючая проволока на высоких столбах. Запретная зона. И над всем этим — над королевской церковью, над оливами, и над нами, через каждые пятнадцать минут с ревом проносились военные самолеты, взлетающие с этой самой запретной зоны, на которой расположилась американская военная база. Опять два панциря рядом. Хранят и душу, и тело. Только вот не любят испанцы чужой панцирь, душит их американская забота. «Оставьте наше тело и нашу душу в по-

ное! — требуют они. — И оливы наши тоже. Мы сохраним себя сами».

А желание сохранить себя у испанцев развито сильно. Один из них с гордостью рассказывал нам, что они даже могилу деда Сервантеса вскрыли специально, чтоб убедиться, что он был похоронен по испанским правилам, а значит, был истинным испанцем. (Только одно непонятно: где нашли эту могилу, если даже могила самого Сервантеса не установлена достоверно).

...Пылает неугасимым пламенем реклама, сжигая ночное небо Мадрида.

По Гранд Виа, самому шикарному проспекту, едут на своем классическом транспорте Дон Кихот и Санчо. Кахи и Мамука в полном гриме, Росинант и ослик с таким трогательно-самоотверженным достоинством вышагивают среди барственных «Мерседесов», словно говорят всем: да, «Мерседес», конечно, вещь! Но «Мерседесов» на планете миллион, а Росинантов на все четыре века не так уж и много было.

«Мерседесы» притормаживают перед нашими героями, покорно пропуская вперед, хозяева со снисходительными улыбками провожают их взглядами. А те, кто без машин, идут вслед за нами, смеясь, весело переговариваясь, и даже не замечают операторскую группу Ломера Ахвледзиани, Гео Геворкова и Марлена Майсурадзе, снимающих этот проход.

В фильме много таких кадров, в которых Дон Кихот и Санчо из своего шестнадцатого века перескакивают в наши дни. И вообще, Резо Чхеидзе постарался, чтоб фильм был разнообразным не только по времени, но и по зрелищности. Нет, кажется, такого вида искусства, средствами которого не был бы решен какой-нибудь эпизод. И драма с комедией, и балет с пантомимой, и марионетки с цирком — все мобилизовано, чтоб ярче и занимательнее описать, а вернее — оживить приключения неутомимого идадьго.

..На следующий день по этой же Гранд Виа те же Кахи Кавсадзе и Мамука Кикалеишвили проедут в таких же красивых машинах в современных одеждах, изображая нас с вами, и встретят, наконец, Дульсинею.

Роль современной Дульсинеи исполняет восемнадцатилетняя девушка со звучным именем Патрисия Грандэ (и с именем ей повезло, «Грандэ» — значит «Великая»), которая названа «Мисс Мадрид-87».

Высокая, идеально-стройная, с пышными, по пояс распущенными волосами, с чуть раскосыми по-азиатски глазами, Патрисия, еще не привыкшая к неожиданно свалившейся на нее сла-

ве и известности, работала скромно и послушно-деловито, а за «кадром» судьбой ее уже всю «крутили» силы рекламного бизнеса, и нашей администрации приходилось согласовывать с этими «силами» каждый шаг Патрисии, который она уже не имела права сделать без их согласия. Эти же «силы» старались, чтоб все время на съемках были газетчики, телевидение, корреспонденты радио, брались бесконечные интервью, одним словом — будущий зритель уже подготавливался к премьере, которая состоится через год.

...Вечером актеры вновь меняют наряд и снова идалго со своим оруженосцем на Росинанте и ослике. Они проезжают мимо памятника Колумбу, постаментом которому служит высокая колонна. Бронзовый Колумб, честно говоря, не очень-то выразительный, стоит на вершине колонны, опустив руки вдоль маленького тела, сгорбившись, словно провинившийся пятиклассник, и не отрываясь смотрит в сторону океана.

Не знаю, случайно или по умыслу сводит Дон Кихот с Колумбом режиссер, но есть в этой встрече символ... Колумб ведь тоже искал приключения во славу Человека. И этот знакомый взгляд. Вот так же, с неистойвой тоской, смотрит за горизонт в одном эпизоде Дон Кихот-Кавсадзе, сидящий на балконе своего дома, декорация которого была выстроена далеко-далеко отсюда, за океаном, в Грузии, в маленьком городке Ахалцихе, где отсняты остальные восемь серий. И нет, наверное, ничего более противоестественного, чем привязанные к колонне или к балкону дома Колумб и Дон Кихот!

Резо Чхеидзе, обычно снимающий не более 1—2 дублей, в тот вечер заставил актеров проехать мимо Колумба много раз. И, честное слово, показалось будто Колумб каждый раз поворачивал голову вслед Дон Кихоту, благословляя: «Я открыл людям новые земли. Открой им и ты...»

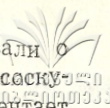
...Заслышав нашу речь, к нам подходит радостно улыбающаяся семья — молодые отец, мать и пятнадцатилетняя дочь.

— Вы откуда здесь? — на чистом русском языке обращаются к нам ее родители. Дочь же, смущаясь, молча и жадно разглядывает актеров.

— Мы из Грузии. «Грузия-фильм», — отвечаем.

— А мы из Ленинграда! Вернее... сейчас-то живем в Нью-Йорке, а так... из Ленинграда, — наперебой рассказывают нам бывшие земляки. — Соскучились по родному языку, гуляем здесь и вдруг... вы!

Семья, как оказалось, десять лет назад эмигрировала из нашей страны. И вот... соскучились. Так и не отошли от нас до

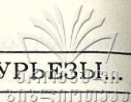

конца съемки. Разглядывали, расспрашивали, рассказывали о себе, не дожидаясь вопросов, взхлеб. Видно, и впрямь саску чились. Он инженер, она художник, дочь пока никто. Мечтает о кино. Но вряд ли что получится. Денег маловато для учебы. Расспрашивают о Ленинграде. Я ведь там кончал институт киноинженеров. Еще больше обрадовались. «Вдвойне, значит, земляк». Но самая большая у них радость — им разрешили навестить Ленинград, родных, друзей и совсем скоро они едут в СССР, в отпуск.

— Раньше мы и мечтать об этом не могли, — радуются они. — А сейчас у нас, у вас, то есть, все изменилось! Боже, мы снова увидим Ленинград!

Все изменилось... Значит, научилось-таки кое-чему человечество за четыреста лет существования Дон Кихота. Двадцать поколений. Двадцать первое идет по его следам. Кто проложит их дальше?..

МЫ НЕДОУМЕВАЕМ...

МЫ НЕДОУМЕВАЕМ. Информация о Грузии и грузинах, которая нет-нет да мелькает на страницах центральной (и не только центральной!) прессы, порой приводит нас в замешательство. Она поражает нас, мягко говоря, неосведомленностью в вопросах нашей истории, нравов, обычаев. Как же, оказывается, мы мало знаем друг о друге! И это на шестьдесят седьмом году совместной жизни.

Думали мы, гадали, как помочь беде, и решили призвать всех, всех, всех: давайте же ПРИглядываться, ПРИслушиваться, ПРИближаться друг к другу (какая замечательная эта приставка — ПРИ!), но обязательно преисполнившись доброжелательности. А пока не откажем себе в удовольствии собирать курьезы о нас и про нас.

Еще раз о грузинском многоголосии. Грузинское многоголосие — феномен, поражающий воображение музыкантов (и не только музыкантов!) разных эпох и народов. Но вот читателю «Комсомольской правды» Н. Аксенову (см. «Комсомольскую правду» от 14 мая 1988 года) резкий контраст черно-белого изображения на телеэкране кажется таким же утомительным, как... грузинское многоголосие! Обещаем больше не петь лично для товарища Н. Аксенова, дабы не утомлять его изощренный слух. Надеемся, что наше решение не обидит уважаемую редакцию, предоставившую страницы своей газеты поборнику одноголосья.

Кто есть кто! Доктор исторических наук Е. Зеймаль, ленинградец (см. «Советскую культуру» от 9 июля 1988 года), задавшись благородной целью спасти малые нации и народности от слияния с более крупными народами с тем, чтобы это нашло отражение в предстоящей переписи населения СССР, пишет: «В состав грузинской нации оказались «влитыми» (слово взято автором в кавычки, очевидно, чтобы подчеркнуть искусственность этого слияния — ред.) мегрелы (1926 год — 243 тысячи человек)» и далее: «Далеко не во всех случаях в 1939 году оказались «слитыми» (опять кавычки! — ред.) в одну нацию народности с взаи-

мопонимаемыми языками: грузины и сваны... Иногда это было сделано по чисто территориальному признаку, но часто — вопреки существенным языковым различиям, вплоть до принадлежности к разным (?) ветвям языковых групп». Затем следуют рассуждения о том, что «запись о национальности в паспорте не соответствует их национальному самоощущению», что большие народы все равно «не ощущают» «малые» этнические группы «своими».

Видимо, следует напомнить уважаемым писателям и ученым, что сваны и мегрелы так же, как картлийцы, кахетинцы, месхи, джавахи, пшавы, хевсуры, имеретины, гурийцы, аджарцы и другие грузинские племена и есть ГРУЗИНЫ и таковыми они себя ощущали и ощущают. Без них вообще нет понятия «грузин»!

Как тут не вспомнить данные переписи населения Российской империи, проведенной в конце прошлого века. Согласно этим данным, в Тифлисской губернии проживали грузины, русские, армяне, пшавы (?), хевсуры (?), имеретины (?) и представители других национальностей. Такое абсурдное выделение грузинских племен в отдельные народы, несомненно, было обусловлено невежеством великодержавных чиновников, а может быть, их нежеланием признавать национальное единство грузинского народа. В наше время повторять те же ошибки, вольные или невольные, непростительно. Мы могли бы привести немало примеров, когда серьезные люди всерьез говорили о мегрельской литературе или переводах с аджарского языка, но ограничимся последним — выступлением Е. Зеймаля в «Советской культуре».

Откуда они берутся, эти нелепости? Неужели и впрямь находятся люди, которые верят досужим речам одержимого местным патриотизмом экскурсовода, утверждающего, что Медея была похищена Ясоном прямо с пляжа, с того самого места, где сейчас стоит скульптурная композиция М. Бердзенишвили?

«...ДРУГ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Польский журнал «Пишьянь» опубликовал статью Флориана Неуважно-го, посвященную Михаилу Квливидзе. В Грузии, пишет он, нашей поэзии везет с переводчиками, являющимися, как правило, незаурядными поэтами. Так было во времена Эристави, переводчика Мицкевича на грузинский. Так обстоит дело и теперь, ибо среди популяризаторов польской литературы в Грузии такие талантливые поэты, как Отар Челидзе — переводчик «Пана Тадеуша», Шота Нишниадзе — переводчик Галчиньского, и многие другие.

Однако, самым преданным — другом современной польской поэзии, считает автор, является Михаил Квливидзе — глубокий поэт, в творчестве которого традиции древней Грузии удивительно уживаются с современностью. Автор отмечает сборники его стихов «Лирику» (1956), «Надпись на камне» (1961), «До востребования» (1962), «Продолжение следует» (1972), «Копилка памяти» (1985), а также прозу — «Там был прикован

Прометей» и «Давид из Сагурамо».

В творчестве М. Квливидзе, продолжает Ф. Неуважный, звучат и отголоски польских впечатлений. Поэт бывал в Польше несколько раз, здесь была издана его книга «Три вождя». За популяризацию польской поэзии в Грузии он награжден особой медалью.

Благодаря его усилиям, — пишет польский автор, — появилась антология «Современная польская поэзия» (издательство «Мерани», 1984).

Эта антология в пять печатных листов является своеобразным итогом переводческой работы М. Квливидзе. Антология, заявил поэт, отнюдь не претендует на целостность картины новейшей польской поэзии. Это скорее представленные на грузинском языке несколько аспектов современной польской поэзии, которая является значительно более богатой и разнородной. В антологию вошли стихи Ярослава Ивашкевича, Тадеуша Ружеви-ча, Збигнева Херберта и др. Эта книга — весомый вклад в дело грузинско-польской дружбы.

А. ГЕРШТЕНБЛИТ

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურნაია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14.

26-88

88-544

65 к.

ИНДЕКС 76117

